

НАУЧНЫЙ ЭКСПЕРТ

Научный электронный журнал

ВЫПУСК

9

2007

Центр проблемного анализа и государственно-управленческого проектирования

Научный эксперт

Ежемесячный научный электронный журнал

Мы представляем вашему вниманию электронный журнал, название которого полностью отражает его замысел.

Цели журнала:

- Консолидировать научно-экспертное сообщество с тем, чтобы способствовать развитию государства и укреплению государственной власти.
- Сделать проводимые исследования доступными для обсуждения в широком научно-экспертном сообществе и пригодными для использования в реальной государственно-управленческой практике.

Наш журнал ставит перед собой следующие задачи:

- Преодолеть междисциплинарные барьеры, которые мешают научно-экспертному сообществу.
- Преодолеть барьеры между академическим и прикладным знанием.
- Стать соединяющим звеном между научным сообществом и властью.
- Создать качественную и интересную площадку для дискуссии и обмена мнениями.

Журнал выходит ежемесячно (10 номеров в год) и предназначен для академических исследователей, экспертов, методологов, практиков и теоретиков фундаментальных учений. Но не в меньшей степени «Научный эксперт» адресован тем, кто может на практике реализовать уникальные проекты, которые нередко рождаются в научно-экспертном сообществе и часто долгие годы хранятся в столе. Это государственные управленцы, депутаты и их помощники, представители парламентов, ведомств и министерств, а также публичные политики.

Мы приглашаем не только читателей, но и авторов. С правилами публикаций можно ознакомиться в соответствующем разделе. Также мы рады услышать ваши отзывы и предложения о том, как сделать журнал лучше.

ВЫПУСК

9

2007

Редакционная коллегия

- **Степан Степанович Сулакшин**
- **Анатолий Николаевич Чирва**
- **Вардан Эрнестович Багдасарян**
- **Александр Иванович Соловьев**
- **Анатолий Васильевич Дмитриев**
- **Борис Николаевич Порфирьев**
- **Максим Владимирович Вилисов**
- **Алексей Николаевич Тимченко**
- **Надежда Константиновна Пак**
- **Мария Андреевна Игнатенко**
ответственный секретарь

Адрес редакции: 107078, Москва, Каланчевская ул., 15, подъезд 1, этаж 5.

Телефон/факс: (495) 981-5703, 981-5704, 981-5709.

E-mail: domidei@rusrand.ru

СОДЕРЖАНИЕ

Государственная политика

Арбатова А.А., Кондаков О.В., Колесник И.Ю.

ПОЛИТИКА В СФЕРЕ МИНЕРАЛЬНО-СЫРЬЕВОЙ БАЗЫ5

Бюджетная политика

Симонов С.В.

БЮДЖЕТНАЯ ПОЛИТИКА И СОЦИАЛЬНЫЕ ФУНКЦИИ ГОСУДАРСТВА:
НЕКОТОРЫЕ ПРОБЛЕМЫ ФОРМИРОВАНИЯ И РЕАЛИЗАЦИИ.....29

Антикоррупционная политика

Нестеров А.В.

О КОРРУПЦИОННЫХ РИСКАХ.....37

Истоки российской культуры

Ткаченко Л.М.

АРХЕТИП НАРОДНЫХ ПРЕДСТАВЛЕНИЙ В ФОРМИРОВАНИИ НОВОЙ ТИМИЧЕСКОЙ
ПАРАДИГМЫ.....43

Специальная рубрика

Багдасарян В.Э.

ГЕНЕЗИС СЕКУЛЯРНОГО ПОЗНАНИЯ. ЦЕННОСТНО-МИРОВОЗЗРЕНЧЕСКАЯ
ПАРАДИГМА СЕКУЛЯРИЗМА.....51

Публицистика

Рубанов А.В.

ПОЧЕМУ МЫ ДО СИХ ПОР НЕ ПЕРЕШЛИ К ИННОВАЦИОННОЙ ЭКОНОМИКЕ85

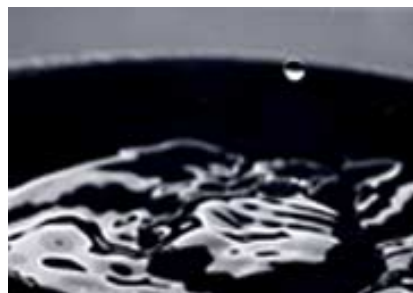
Айвазов А.Э.

ЗПИФ «РОССИЯНЕ».....88

Новые книги.....94

ПОЛИТИКА В СФЕРЕ МИНЕРАЛЬНО-СЫРЬЕВОЙ БАЗЫ¹

*Арбатов А.А., Кондаков А.В.,
Совет по изучению производственных сил РАН и МЭРТ;
Колесник И.Ю., Сазонова Е.С.,
Центр проблемного анализа
и государственно-управленческого проектирования²*

Минеральное сырье и созданный на её базе минерально-сырьевой комплекс (МСК) оказывают существенное влияние на различные аспекты социально-экономического развития страны. МСК России обеспечивает более половины ВВП и доходов федерального бюджета страны, оказывает большое влияние на структуру национального экспорта.

Представляется совершенно очевидным, что развитие экономики и социальной сферы России на протяжении еще как минимум 20-30 лет будет напрямую зависеть от успехов сырьевых отраслей промышленности, а следовательно, и от состояния их минерально-сырьевой базы (МСБ). Объективность и неизбежность этой зависимости обуславливает необходимость учета основных тенденций развития минерально-сырьевого комплекса мира при разработке и реализации экономической политики Российской Федерации.

Обладание значительным сырьевым потенциалом должно стимулировать к сдержанной и рассчитанной на долговременную перспективу государственной политике в области МСБ, как следствие понимания, во-первых, исчерпаемости невозпроизводимых ресурсов и, во-вторых, неэффективности сырьевой экономики по сравнению с инновационной.

Основой такой государственной политики должно стать выявление ключевых, наиболее приоритетных проблем развития добывающей отрасли, которых за последние полтора десятка лет накопилось достаточно, а также их успешное и системное решение, позволяющее выйти на траекторию устойчивого долгосрочного развития России.

К числу таких базовых проблем можно отнести сверхрентабельность добывающих компаний, экстенсивное развитие и переэкспортизацию добывающей отрасли, а также неудовлетворительное состояние государственного управления недропользованием.

¹ В полном объеме материал представлен на Российском научном экономическом собрании 19-20 октября 2007 г.

² Работа является частью общего проекта Центра проблемного анализа и государственно-управленческого проектирования «Разработка экономической политики и экономической доктрины РФ» // www.rusrand.ru

Проблема сверхрентабельности (сверхдоходов) добывающих компаний

Отношения собственности на участки недр и месторождения полезных ископаемых в недрах занимают главенствующее положение в системе горных отношений, а также лежат в основе экономической политики в области минерально-сырьевой базы.

В соответствии с Законом РФ от 21 февраля 1992 г. № 2395-1 «О недрах»³ (Закон о недрах) сами недра являются государственной собственностью, а добытые полезные ископаемые по условиям лицензии могут находиться в самых разных формах собственности. Причем данные о праве собственности на добытые полезные ископаемые по Закону о недрах входят в содержание лицензии.

В связи с отсутствием четкого закрепления субъекта права собственности на добытые полезные ископаемые, фактически происходит закрепление 100% добытых ресурсов в собственности предприятий добывающей промышленности в скрытом от общества порядке (просто на основании лицензии).

Такое положение вещей способствует извлечению недропользователями сверхдоходов от реализации продукции, полученной в результате присвоения государственной (фактически - общенародной) собственности, по ценам, превышающим затраты на ее производство.

Изъятие сверхприбыли у российских нефтяных компаний производится за счет увеличения экспортной пошлины на нефть, а также путем пересмотра базовой ставки налога на добычу полезных ископаемых.

Однако в соответствии с Приказом ФНС России от 30.05.2007 №ММ-3-06/333@⁴ рентабельность проданных товаров, продукции, работ, услуг по такому виду экономической деятельности как добыча топливно-энергетических полезных ископаемых в 2006 году составляла 29,5%. По данным 2002 года в среднем по 8 крупным предприятиям рентабельность составляла 24,3% (общемировые показатели рентабельности – 15-17%). Таким образом, несмотря на увеличение налоговой нагрузки, рентабельность добывающих предприятий растет.

В связи с этим, по нашему мнению, необходимо пересмотреть механизмы изъятия сверхприбыли у добывающих компаний и перейти к непосредственному государственному управлению рентабельностью недропользователей (дифференцированности налогообложения в зависимости от рентабельности).

Перезэкспортизация добывающей отрасли

На сегодняшний день одной из ключевых проблем в сфере МСБ остается также перезэкспортизация добывающей отрасли (избыточный экспорт) как угроза долгосрочному развитию отрасли, основанной на невозобновляемом ресурсе.

³ Ведомости Съезда народных депутатов РФ и Верховного Совета РФ. 1992. №16. ст. 834.

⁴ Учет. Налоги. Право - Официальные документы. 2007. № 21.

Таблица 1

Добыча, потребление и экспорт нефти, газа и угля (2000-2005 гг.)

Добыча, потребление и экспорт нефти*, млн. тонн						
	2000	2001	2002	2003	2004	2005
добыча	323,5	348,1	379,6	421,3	459,3	470
потребление	173	178,9	185,1	190,1	195,3	207,4
экспорт	144,4	162,2	189,7	227,8	257,6	252,5
* - включая газовый конденсат						
Добыча, потребление и экспорт газа, млрд. куб.м.						
	2000	2001	2002	2003	2004	2005
добыча	583,9	581,2	594,9	620,2	633,5	641
потребление	398,2	404,7	415,9	430	440,6	441,6
экспорт	194,1	181,2	185,5	190	200,4	207,3

Источник: ТЭК стран мира: Россия в G8, сентябрь 2006, ЦДУ ТЭК, Минтоп, 2006г.

Как видно из таблицы 1, экспорт нефти превышает ее потребление внутри страны. За последние 15 лет в результате сокращения внутреннего спроса, вызванного падением промышленного производства в России и увеличением поставок нефти на экспорт произошло резкое снижение объемов переработки нефти и производства основных нефтепродуктов.

Россия экспортирует нефти существенно больше, чем другие страны «Большой восьмерки», берегущие свои ресурсы, что приведет страну в итоге к истощению невозобновляемых ресурсов и экономической стагнации. Это глубочайшая стратегическая экономическая ошибка. Только экономически обоснованное регулирование добычи нефти с целью сокращения экспорта нефти путем нормирования добычи, увеличения экспортных пошлин, квотирования экспорта может исправить имеющуюся критическую ситуацию.

Разумеется, оторванное от контекста государственных стратегий предложение сокращать экспорт углеводородов не сбалансировано, поскольку оголяет доходную базу бюджета страны, лишает добывающий сектор значимой части доходов и инвестиций. Однако приоритетной задачей в экономической политике поставлена модификация спектра ВВП, опережающее развитие высокотехнологических, наукоемких отраслей, характерных для экономики, основанной на воспроизводимом ресурсе – знаниях. Как эффективное решение предлагается восстановление рабочего уровня монетизации экономики, создание Государственного внебюджетного кредитно-инвестиционного фонда (ГВИКФ)⁵, инвестиционные возможности которого составляют порядка 100 и более млрд долларов в год. Кроме того, налоговое бремя на недропользователей предлагается

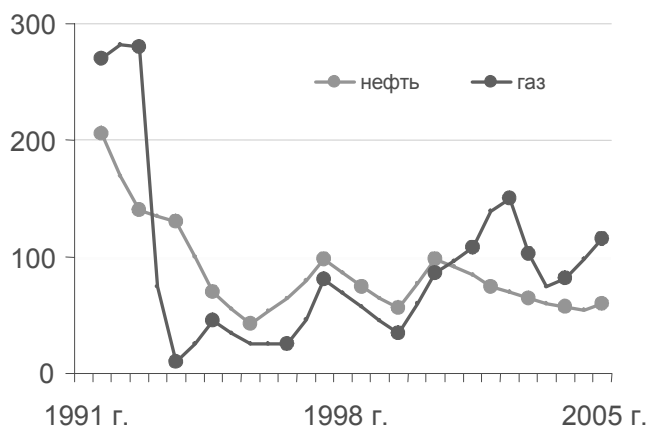
⁵ Якунин В.И., Сулакишин С.С., Данилина Т.А. и др. О конкретном механизме восстановления рабочего уровня монетизации и инвестиционном стимулировании развития российской экономики. (Государственный внебюджетный инвестиционно-кредитный фонд). М., Научный эксперт, 2007.

снижать по мере перелива их капиталов в высокотехнологические отрасли. Таким образом, сокращение экспорта углеводородов предлагается в связи и в комплексе с другими системообразующими экономическими решениями, на сбалансированной и согласованной основе, предотвращающей простое выпадение доходов страны.

Экстенсивное развитие добывающей отрасли

Как известно, устойчивость минерально-сырьевой базы в значительной степени зависит от сбалансированности соотношения между уровнями добычи и приростом запасов полезных ископаемых. Начиная с 1991 г., добыча абсолютного большинства видов полезных ископаемых обеспечивается в основном созданным ранее заделом запасов, за счет доразведки ранее открытых залежей, а также перевода запасов из предварительно оцененных в разведанные⁶.

До середины 90-х объемы прироста запасов нефти и газа на континентальной части страны превышали их добычу. В период с 1990 по 1997 гг. произошло резкое падение объемов воспроизводства, вызванное снижением объемов геологоразведочных работ (ГРР) (рис. 1).

Источник: В. Аликперов; 2007 г.

Рис. 1. Динамика компенсации добычи нефти и газа приростами их запасов; %

Главная причина состоит в том, что существовавшая в СССР государственная система воспроизводства МСБ была разрушена, а полного комплекса условий для ее восполнения создано не было.

Современное состояние российской МСБ углеводородов по различным источникам оценивается в диапазоне от критического до «угрожающего национальной безопасности»⁷. За последние 10 лет восполнение запасов МСР составило по нефти 73%, газу - 47%, меди - 33%, цинку - 57%, свинцу - 41%.

⁶ Литвиненко В. Возможности минерально-сырьевого потенциала России // Нефть, газ и право. №2 (44).2002. С.14-15.

⁷ Данная оценка принадлежит очень авторитетным специалистам-геологам и промысловикам (В.П. Орлов, В.З. Гарипов, А.Э. Конторович, М.Д. Белонин, В.В. Карасев и др.).

Негативные тенденции наиболее показательны при анализе МСБ нефти. На протяжении последних лет не было разведано ни одного значимого месторождения. Доказанные запасы нефти в последнем десятилетии ежегодно сокращаются в среднем на 1,3%, в то время как в мире за вычетом добычи они систематически прирастают на 1,2-1,6%.

Происходит серьёзное отставание развития и качественное ухудшение сырьевой базы добывающих отраслей МСК. Это означает необходимость принятия чрезвычайных мер по усилению региональных, поисковых и разведочных работ, поскольку выработка кондиционных запасов нефти при действующем уровне добычи в условиях прогнозируемого на первую половину текущего столетия трех-пятикратного роста мирового потребления сырьевых ресурсов завершится в 2010-2015 гг.

Как следует из рис. 2, по сравнению с уровнем 1994 г., в настоящее время резко сокращено финансирование геологоразведочных работ за счет средств федерального бюджета. Кроме того, доля бюджетных средств (включая региональные), выделяемых на ГРП по всем источникам финансирования постоянно снижается: в 2000 г. она составила 36,5%, в 2004-2005 гг. менее 12,0%. По этой причине выбывающие при эксплуатации запасы углеводородов в течение длительного времени не компенсируются их приростами, что неминуемо ведет к истощению МСБ. Тем не менее, целенаправленной государственной политики в этой области не осуществляется.

Источник: Росстат

Рис. 2. Финансирование геологоразведочных работ за счет средств федерального бюджета.

Крупные вертикально-интегрированные компании России не торопятся привлекать инвестиционные ресурсы на осуществление ГРП. Нельзя сказать, что они не имеют средств на такие цели, и все же объемы геологоразведочных работ не растут⁸. Более того, в 2005 г. по сравнению с 2000 г. последние сокращены почти на 30%. Это свидетельствует о необходимости создания государством условий для повышения экономической заинтересованности недропользователей в увеличении объемов ГРП.

⁸ Козловский Е. Геология как жертва экономических реформ. // Промышленные ведомости. 2004. №1.

Однако проблема добывающей отрасли состоит не только в исчерпании запасов, но и в ухудшении их качественных характеристик, поскольку отечественная практика разработки месторождений значительно отстает от зарубежного технического и технологического уровней. Значительную часть в структуре запасов нефти, газа, углей составляют трудноизвлекаемые и низкокачественные запасы.

Далеко не идеальный, но единственный поощряющий ГРП механизм (отчисления на воспроизводство МСБ), который необходимо восстановить, был ликвидирован при введении налога на добычу полезных ископаемых в 2002 г., поскольку в настоящее время налоговые льготы для компаний, ведущих ГРП, не предусмотрены.

Значительную проблему составляет применение с 1 января 2002 г. специфической, привязанной к мировым ценам на нефть и не учитывающей ренту положения ставки НДС. Построенная на таких принципах налоговая система носит фискальный характер (ориентирована на валовые показатели по добыче), но не обладает регулирующими функциями, направленными на развитие нефтяной отрасли. Необходима разработка более эффективной системы взимания НДС, учитывающая значительные различия в горно-геологических условиях месторождений, позволяющая создать недропользователям равные условия для разработки месторождений.

Что касается нехватки инвестиционных ресурсов на разработку месторождений и ведение ГРП, то данная проблема решается при помощи осуществления долгосрочного некоммерческого кредитования отрасли из ГВИКФ. В целях упорядочения системы управления геологоразведочным процессом следует признать целесообразной обсуждаемую в правительственных кругах идею о создании Национальной геологоразведочной компании в целях активизации геологоразведочных работ.

Решение же остальных вышеуказанных проблем тесно связано с повышением качества государственного контроля в сфере недропользования.

Применительно к анализу проблем экстенсивного развития добывающей отрасли нельзя не затронуть проблему сбора и утилизации попутного нефтяного газа (ПНГ) в России. Этот побочный продукт нефтедобычи в связи с неподготовленностью инфраструктуры для его сбора, транспортировки и переработки просто сжигается добывающими компаниями в факелах. В результате ежегодные потери экономики России от сжигания ПНГ составляют, по меньшей мере, 25 млрд куб. м (годовая добыча природного газа Китая). Сжигание ПНГ также причиняет значительный экологический ущерб.

Масштабы этой проблемы уже заставили обратить на нее внимание Президента Российской Федерации, который недавно поставил перед Правительством Российской Федерации задачу свести к минимуму объемы сжигаемого в факелах ПНГ⁹.

Для решения этой проблемы требуются следующие управленческие действия и решения: установление обязанности недропользователя оснастить нефтяные месторождения замерным оборудованием, контролирующим расход ПНГ; разработка технического регламента по сжиганию ПНГ; введение в лицензионные соглашения требования утилизировать ПНГ; введение прямого запрета сжигания ПНГ в

⁹ Наумов И., Куликов С. Ростехнадзор подключился к атаке на нефтяников // Независимая газета. 15 августа 2007 г. № 167 (4122).

законодательстве; предоставление государственного кредита и льгот по налогу на прибыль для возведения инфраструктуры по переработке и транспортировке ПНГ (при помощи ГВИКФ).

Сложившаяся неблагоприятная ситуация в добывающей отрасли является в целом следствием и результатом комбинации нескольких факторов: перманентного наращивания добычи исчерпаемых минеральных ресурсов в прежние периоды и в настоящее время; использования интенсивных, зачастую хищнических, схем и технологий эксплуатации наиболее богатых месторождений УВ, несовместимых с задачей рационального использования их природных ресурсов; явным пренебрежением экологическими ограничениями; отсутствием комплексных схем использования минерального сырья; преобладания личных или корпоративных интересов над общегосударственными и общественными и др. Причем эти зависимости обладают значительной и устойчивой инерцией. Следует признать, наконец, что эра дешевых МСР и в нашей стране уже прошла и следование по экстенсивному пути развития приведет к плачевным результатам всю экономику. Необходимо, наконец, определить, насколько оправданы существующие потребности, и сформировать пути перехода к новой модели потребления, соответствующей инновационной модели развития экономики, и на этой основе формировать новую стратегию развития МСК¹⁰.

Неудовлетворительное состояние государственного управления недропользованием

Необходимым фактором эффективного государственного управления недропользованием является высокое качество нормативных правовых документов, на основании которых осуществляется планирование и прогнозирование развития МСБ на долгосрочную перспективу. Состояние же современной системы планирования и прогнозирования в целом оценивается как неудовлетворительное. Сложность разработки единой государственной стратегии России и отдельных ее регионов в сфере изучения и воспроизводства МСБ во многом связана с качественной ограниченностью национальных доктринальных документов по минерально-сырьевой политике и незавершенностью формирования правовой базы природопользования в целом. Все имеющиеся на настоящий момент правовые акты¹¹ характеризуются излишней обобщенностью, неконкретностью, затрудняющих их реализацию, низким уровнем утверждения, рассогласованием с актами и действиями других государственных структур, в содержательном плане – игнорированием рекомендаций специалистов. В значительной степени сложившееся положение стало результатом отсутствия единой методологии формирования долгосрочной государственной стратегии в нефтегазовом секторе,

¹⁰ Арбатов, А.А. Роль потребления в формировании минерально-сырьевой базы страны. / А. А. Арбатов, И. Г. Грицевич // Экономика минерального сырья и геологоразведочных работ. – М.: ВИЭМС, вып. 9, 1988. – 57 с.

¹¹ См., например, Основы государственной политики в области использования минерального сырья и недропользования (утв. распоряжением Правительства Российской Федерации от 21 апреля 2003 г. № 494-р); Долгосрочная государственная программа изучения недр и воспроизводства минерально-сырьевой базы России на основе баланса потребления и воспроизводства минерального сырья (утв. приказом МПР России от 8 июня 2005 г. № 160).

которая должна предусматривать обеспечение стабильных, разумных и прозрачных правил взаимодействия государства и хозяйствующих субъектов.

Органы государственной власти РФ сосредоточили свое внимание на углеводородном сырье и фактически не осуществляют регулирование на уровне субъектов Российской Федерации, не владеют информацией, что происходит на их территориях, не осуществляют мониторинг и надзор. Одна из причин - это отсутствие методологии управления развитием МСБ на региональном уровне.

Одной из серьезных проблем при осуществлении государственного управления недропользованием является низкая эффективность государственного контроля над соблюдением лицензионных условий в недропользовании.

Прежде всего, это связано с недостатками в существующей практике лицензирования недропользования. Система, которая должна закладывать основы рационального пользования недрами, фактически размывает регламентные подходы к формированию лицензионных условий. Последние утратили свое назначение - регулирование рачительного, бережного отношения бизнеса к недрам, которые являются собственностью государства. Так, значительное количество лицензий, выданных в 90-х годах, вообще не содержит каких-либо условий по отношению к недропользователям. Отсутствуют технические и технологические параметры разработки месторождений, не закреплены ни сроки ввода месторождений в эксплуатацию, ни темпы отбора. Именно поэтому специалисты и недропользователи называют их «пустыми».

В связи с этим предлагается конкретизировать функции специально уполномоченного Федерального агентства по недропользованию в части воспроизводства МСБ и ответственности за прирост запасов полезных ископаемых, а также ужесточить контроль над ежегодными дополнениями к лицензионным соглашениям, в которые должны быть включены показатели годового уровня добычи, воспроизводства запасов, объемы разведочного и эксплуатационного бурения.

Несмотря на то, что большая часть месторождений нефти, газа, углей и урана предоставлена для разработки по лицензионным соглашениям, от 25 до 60% распределенных запасов до сих пор не введено в эксплуатацию. МПР России зафиксирован очень высокий процент неработающего фонда скважин (минимум 10%), что привело к разбалансированию систем разработки месторождений, выборочной отработке запасов нефти.

Прежде всего, это является результатом отсутствия поскважинного учета добычи. Пока нефтяники не торопятся устанавливать счетчики (раздельно нефть, ПНГ и вода), но государство должно настоять на их установке¹². В противном случае легко прогнозируемым пессимистическим итогом станет дестабилизация существующего топливно-энергетического баланса РФ. Последствия такой добычи уже начали сказываться, начиная с конца 2004 г. Темпы роста добычи начинают снижаться. В ближайшее время прогнозируется стабилизация, а к 2012 г. и медленное снижение добычи до уровня 450 млн т/год.

¹² Градецкий, А. Влияние налоговой системы на перспективы нефтяной отрасли России. /А.В. Градецкий, О.В. Ордин // Аналитический центр «Эксперт». М., 2005. С. 10-15.

Существующая в настоящее время схема управления и контроля разработки месторождений углеводородов выстроена при участии и в интересах крупных добывающих компаний и не отражает в должной мере интересы государства. Для изменения ситуации необходимо ввести постоянный мониторинг за использованием участками недр, который позволил бы не только осуществлять контроль эффективности использования запасов, но и выполнять оперативные прогнозы развития отрасли и через законодательные и нормативные документы влиять на деятельность геологоразведочных и добывающих предприятий¹³, для чего следует создать Центр мониторинга и анализа потребления и производства сырья и топлива и продуктов их переработки.

В связи с внесением изменений в 2004 г. в Закон о недрах (касающихся ликвидации принципа «двух ключей» при лицензировании права пользования недрами) субъекты Федерации лишились не только полномочий в сфере регулирования отношений недропользования, но и обязанностей, и ответственности за состояние и использование МСБ. Резко сокращена и их доля в доходах. Вместе с тем, для многих регионов страны МСБ недр - единственная реальная основа экономического развития и поддержки социальной сферы путем ввода участков недр в промышленное освоение.

Полная зависимость от решений центральной власти в вопросах ввода или неввода их в хозяйственный оборот, отсутствие возможности влиять на условия договора, размещение транспортной, энергетической и социальной инфраструктур, создание новых предприятий превращает региональные власти либо в незаинтересованных сторонних наблюдателей, либо в потенциальных противников развития добычных работ.

Поэтому необходимо поставить вопрос о возврате права участия субъектов Федерации в управлении и, особенно, контроле процессов недропользования в отношении месторождений, не относящихся к категории стратегических. В числе нефтяных и газовых к таковым можно отнести месторождения с запасами, например, до 10 млн т нефти и 30 млрд куб. м природного газа. Кроме возможностей восстановления реального контроля над разработкой таких месторождений, существенного пополнения региональных бюджетов, принятие этого предложения создаст реальную основу развитию малого и среднего бизнеса в МСК, который получит поддержку региональной власти.

Действующая система регулирования отношений недропользования в России, как уже указывалось выше, оказалась недостаточно эффективной. Причину этого прежде всего усматривают в административно-разрешительном порядке допуска пользователей и осуществлении ими пользовательских прав на эксплуатацию недр (лицензионная система недропользования) при почти полном забвении других, не менее эффективных и широко используемых в остальном мире систем: соглашения о разделе продукции, «чистые концессии», риск-сервисные контракты и др., что негативно влияет на инвестиционную привлекательность отраслей, связанных с использованием недрами¹⁴.

¹³ Ананко В. России нужен контроль за добычей. // *Нефтегазовая вертикаль*. 2006. № 16 (155).

¹⁴ Василевская Д.В. *Правовое регулирование отношений недропользования в Российской Федерации и зарубежных странах: теория и практика*. М., «Издательство «Нестор Академик», 2007. С.179.

Принятие в 2005 г., после пятнадцати лет рассмотрений, Федерального закона «О концессионных соглашениях»¹⁵ следует рассматривать как победу здравого смысла над рутинным мышлением отечественных законодателей. Однако хотя эта схема органически применима к природопользованию, нормы данного закона такую возможность исключают. Руководители МПР России настаивают на недопустимости использования концессий в недропользовании, перечеркивая тем самым многолетний положительный опыт развития МСБ на основе концессий 20-х годов прошлого века.

Стоит отметить, что в зарубежных странах в чистом виде договорной или разрешительной системы предоставления в пользование участков недр не существует, они взаимно дополняют друг друга. Концессионный договор (контракт) давно признан большинством зарубежных стран как действенный экономический механизм реализации государственной собственности, позволяющий сбалансировать интересы государства и инвесторов. В России же пока баланс защиты интересов заметно смещен в сторону государственных институтов, что снижает инвестиционную привлекательность многих промышленных проектов, а следовательно, и эффективность разведки и добычи полезных ископаемых.

Необходимость скорейшего возрождения института концессии (посредством принятия специального закона, регулирующего договорные отношения в сфере недропользования) связаны с развитием рыночных отношений в стране и необходимостью привлечения в хозяйственный оборот значительных инвестиций как из отечественных, так и из зарубежных источников.

Исходя из вышеизложенного, можно сделать вывод о необходимости безотлагательного изменения содержания экономического управления и регулирования недропользованием, а также формирования новых подходов к государственному управлению добывающей отрасли экономики в целях долгосрочного развития минерально-сырьевой добывающей отрасли и экономики в целом, посредством трансформации природоресурсного законодательства и принятия ряда организационно-управленческих решений.

¹⁵ Федеральный закон от 21 июля 2005 г. № 115-ФЗ «О концессионных соглашениях» // СЗ РФ. 2005. № 30 (часть II). ст. 3126.

БЮДЖЕТНАЯ ПОЛИТИКА И СОЦИАЛЬНЫЕ ФУНКЦИИ ГОСУДАРСТВА: НЕКОТОРЫЕ ПРОБЛЕМЫ ФОРМИРОВАНИЯ И РЕАЛИЗАЦИИ

Симонов В. В., доктор экономических наук

Современное развитие мировой экономики диктует необходимость смены парадигмы технологического развития: отход от нефтяной парадигмы и переход на принципиально новые источники энергии, требующий, по всей видимости, полного технико-технологического перевооружения (эти процессы подаются современной экономической теорией и политической мыслью под именем инновационной модели постиндустриального развития), становится, с одной стороны, *sine qua non* экономического роста промышленно развитых стран, а с другой – условием сохранения хотя бы относительной самоидентификации (на уровне элементов политической и экономической самостоятельности) стран, находящихся в рамках догоняющего развития.

В этих условиях вопрос о взаимоотношениях современного государства – российского, в частности, – с экономикой даже на первый взгляд, по меньшей мере, трихотомичен, и для его адекватного решения требуется предварительное определение:

- понятия и функций современного государства;
- системы инструментов, позволяющих государству выполнять его конституционные функции;
- места налогово-бюджетной политики в общей системе экономической политики.

Мы попытаемся затронуть именно эти проблемы (особенно вопрос о государстве и его активности в инвестиционной сфере), поскольку они в современном российском обществе могут вызвать максимально неоднозначное восприятие.

1. Государство в системе экономических отношений: концептуальные проблемы формирования бюджета развития

К определению функций государства как некоей политико-экономической структуры, объединяющей в себе определенные социальные элементы, мы попытаемся подойти лишь с точки зрения организационно-хозяйственной логики. При этом мы будем стремиться отойти от параноидальной – на уровне идеологического императива – привязанности к "единственно верной" организационно-хозяйственной модели (неокейнсианской, неолиберальной или любой другой) и сконцентрировать внимание на социально-технологическом аспекте развития и на путях его обеспечения.

В этой связи отметим, что современная российская экономическая действительность уже в самом начале 90-х годов XX в. совершенно неожиданно, если

посмотреть на дело с позиции мировой экономической истории, столкнулась с рядом дилемм.

1. *Является ли государство субъектом экономических отношений в рыночной системе координат или мы должны признать за ним лишь объектные функции?*

2. *Следует ли признать за государством обязанность разработки государственной политики в сфере экономики в целом и в отдельных ее отраслях или в условиях доминанты капиталистической частной собственности и всепроникающих товарно-денежных отношений эта функция государства становится излишней?*

3. Если считать государство ответственным за разработку государственной экономической политики, то *должна ли эта политика выполнять некие регулятивные функции* или же в ее компетенцию должна входить лишь функция фиксации текущих изменений, происходящих под воздействием сил рынка?

4. В том случае, если за государством признается функция выработки регулятивных экономических механизмов, *может ли существовать некая система обстоятельств, когда на государство возлагается обязанность прямого регулирования* хозяйственных процессов или регулятивная деятельность государства в отношении рыночных процессов должна быть исключительно косвенной?

Отрицательный ответ на первые части перечисленных дилемм означает полное и сознательное самоотстранение государства от базовых общественно-экономических процессов (как это делается во многих современных исследованиях и даже в официальных документах¹⁶). Тогда, по всей видимости, не останется ничего иного, кроме

¹⁶ МВФ, идеолог российских экономических реформ 90-х гг. XX в., «считал невозможным, чтобы правительство, управляя предприятиями, могло оградить себя от политического давления». Ангажированные идеологией Фонда западные экономические советники настойчиво рекомендовали российскому правительству политику формирования принципиально неэффективной экономики государственного сектора, опирающейся в значительной степени на заемные инвестиционные ресурсы и не создающей основ для последующего погашения заимствований за счет заимствований (см., напр.: Добсон Э. Долг и инвестиции для субъектов Российской Федерации. М., 2000, и нашу критику этой позиции в: Симонов В.В. Политика внешних заимствований и экономическая безопасность России (вопросы теории и практики) // Денежно-кредитная политика: научные основы и практика. М., 2003. С.237-238).

Кроме того, согласно вашингтонскому консенсусу – «консенсусу между МВФ, Всемирным банком и министерством финансов США относительно “правильной политики для развивающихся стран”» – общественные предприятия по определению не могут функционировать успешно – только потому, что они находятся в государственной собственности, и даже «промышленная политика, с помощью которой государство пытается сформировать будущие тенденции развития экономики, является ошибкой» (Стиллиц Дж. Глобализация: тревожные тенденции. М., 2003. С. 31, 34, 119, 220; выделено нами. – В.С.).

В полном соответствии с этими установками, глава Минэкономразвития России Г. Греф заявил, например, 21 июня 2004 г. на 8-й Международной конференции инвесторов, организованной «Ренессанс Капитал», что государство не должно участвовать в тех проектах, которые принципиально рентабельны. Он подчеркнул, что любой проект, который может привести к искажению конкуренции на рынке, «должен быть запрещен для государства», и указал, что государство никогда не будет сравнимо с частным бизнесом. Но в то же время развитие инфраструктуры, в частности, строительство дорог, должно осуществляться именно государством: государство, как сказал министр, должно сделать эти проекты рентабельными и после этого привлекать бизнес (ПРАЙМ-ТАСС, 21.06.2004).

А еще ранее проект стратегического документа «Программа социально-экономического развития Российской Федерации на среднесрочную перспективу (2003-2005 годы)», начав с постановки в качестве «приоритета на ближайшие три года» задачи «самоограничения государства с целью сокращения неэффективного вмешательства в экономику и социальную сферу» (с. 13), плавно переходит от нее к проблеме «излишнего вмешательства государства в экономические процессы, в том числе через регулятивные функции, государственную собственность, естественные монополии, несовершенные институты социальной сферы, которые в подавляющем большинстве случаев продолжают контролироваться государством» (с. 70-71), и заканчивает «необходимостью» «внести презумпцию нецелесообразности государственного регулирования в той или иной сфере» (с. 73; выделено нами. – В.С.).

Мысль о «презумпции нецелесообразности государственного вмешательства» плавно переключалась в проект «Программы социально-экономического развития Российской Федерации на среднесрочную перспективу (2005-2008 годы)» – см. п. 2.2.1 (с. 71).

как прокламировать принципиально новое качество современного государства, понимая его только как политическое образование, безответственное за процессы, которые разворачиваются на занимаемой им территории (если только они не затрагивают внутри- и внешнеполитическую сферу), и *не имеющее никаких специфических социальных обязательств перед народом*¹⁷, кроме обязательств по установлению и поддержанию правопорядка (законодательная и пруденциально-пенитенциарная функции¹⁸) и защите внешних границ (еще одна пруденциально-пенитенциарная функция)¹⁹.

Мы воздержимся от описания потенциальных опасностей, которые несет в себе данное восприятие (они достаточно подробно описаны Дж. Оруэллом в антиутопии "1984"). Заметим лишь, что подобного рода государство, вполне пригодное для периодов абсолютной экономической безмятежности и являющееся абсолютно адекватным объектом для любого рода интеграционных процессов (в том числе и для глобализационного проекта), вряд ли способно успешно функционировать в условиях хотя бы минимальной дисгармонии на внутреннем или на внешних рынках²⁰.

Но самое главное – непонятным остается ответ на основной вопрос государствоведения: зачем такое государство нужно большинству его населения, составляющему базу национального электората, которое не ориентировано на ведение индивидуального бизнеса и в то же время настроено как на эффективный труд (т.е. на эффективное освоение инвестиций, на производство материального ВВП), так и на получение адекватного материального возмещения за этот труд, и на возможность реального распоряжения этим возмещением не только в инвестиционных целях, но и в целях личного потребления?²¹

Таким образом, если мы попытаемся мыслить в рамках теории "эффективного государства", зафиксированной международными организациями еще в документах 1997 г.²², мы должны признать: отрицательный ответ на все первые части поименованных дилемм невозможен. Что же касается положительного ответа на них, то здесь возможна некая вариативность, которую мы и попытаемся рассмотреть.

Субъектность государства в системе экономических отношений. Даже если мы отвлечемся от гипотезы о превалировании субъект-субъектных характеристик доминирующих составляющих воспроизводственного процесса в информационном

¹⁷ По крайней мере, *de facto – de jure* подобные обязательства вполне могут быть зафиксированы (как благие желания) на самом высоком нормативно-правовом уровне, вплоть до Конституции.

¹⁸ Под пенитенциарной частью, исходя из смысла латинского термина, мы понимаем деятельность, связанную не только с наказанием, но и с социальным воспитанием.

¹⁹ Хотя, как полагают здравые экономисты из кейнсианского лагеря, «сама точка зрения, что можно отделить экономику от политики или – в более широком смысле – от общества, иллюстрирует узость взглядов» (Стиглиц Дж. Указ. соч. С. 68).

²⁰ В эти периоды объективную оценку эффективности данного рода государство дает, как правило, электоральный механизм: достаточно вспомнить этактистские и дирижистские тенденции в политической жизни послевоенной Европы.

²¹ Расходы на личное потребление являются, в некоторой части, и инвестициями (пусть – вынужденными, принудительными), коль скоро они возмещают не только затраты на производство товара, приобретенного для личного потребления, но и заложенную в цене товара прибыль, давая первичным и вторичным инвесторам возможность ее реинвестирования. При современном уровне накоплений большинства так называемого среднего класса требовать от него иных форм инвестирования – по меньшей мере, не гуманно, коль скоро назначение заработной платы – прежде всего, обеспечить адекватное воспроизводство рабочей силы во всех ее аспектах.

²² Государство в меняющемся мире: отчет о мировом развитии 1997 / Международный банк реконструкции и развития – Всемирный банк. М.: Прайм-ТАСС, 1997; Государство в меняющемся мире: (Всемирный банк. Отчет о мировом развитии – 1997. Краткое содержание) // Вопросы экономики. 1997. № 7. С. 4-34.

обществе²³, мы должны учитывать, что сама Конституция Российской Федерации (подпункт «г» пункта 1 ст. 114) одной из функций государства называет управление федеральной собственностью, устанавливая в этой сфере субъектный характер государства как экономического агента. При этом, выступая не только как субъект, но и как объект законодательного регулирования экономических отношений, государство (в лице своих хозяйствующих институтов) встает, в идеале, на равный уровень с иными субъектами хозяйственной деятельности.

Однако реальное положение дел может быть значительно более емким, чем это фиксирует законодательство. Как бы ни сокращались в исторической перспективе объемы государственной собственности, необходимо сохраняются отрасли и производственные объекты, которые, хотя бы в силу своего значения как хозяйственных единиц, обеспечивающих интересы безопасности государства в различных сферах (оборонная промышленность, например), не могут быть полностью приватизированы. Кроме того, история (в особенности история послевоенной Европы) наполнена примерами весьма специфической активности государства как экономического субъекта: национализируя неэффективные отрасли хозяйства, осуществляя их модернизацию за счет средств налогоплательщиков и осуществляя последующую реприватизацию, государство своей деятельностью в качестве прямого участника экономической активности обеспечивает возможности минимизации издержек частного капитала (для примера достаточно вспомнить политику лейбористских и консервативных кабинетов в Великобритании в 50-90-х годах XX в.).

Однако хозяйственная субъектность государства не ограничивается только этими функциями. Государство (в его институциональных проявлениях) является одним из ведущих продуцентов экономической и научно-технической информации (финансируя ее производство на государственных предприятиях или в рамках негосударственных структур), ее накопителей и потребителей. Кроме того, осуществляя инвестиции в инфраструктурный комплекс, государство стимулирует распространение (включая коммерческое) этой информации. Таким образом, оно не теряет своей организационно-хозяйственной субъектности и в тех сферах, которые выходят за пределы традиционного воспроизводственного процесса. Конституируясь в системе производства и потребления информации в качестве своеобразного *коллективного субъекта*, государство выступает как обладатель определенного набора специфических субъективных качеств (селекция информации, уникальность восприятия, абсорбционная способность и т.д.).

Признавая за государством субъектный характер в экономической сфере, мы должны признать за ним и возможность действовать, исходя из тех же организационно-хозяйственных принципов, что и иные субъекты экономики.

Разработка государственной экономической политики как функция государства. В принципе, серьезный мыслительный процесс в рамках этой темы можно было бы и не начинать вовсе, отослав всех, кто не разделяет данный тезис, к подпунктам «а», «б», «в» и «г» пункта 1 ст. 114 Конституции Российской Федерации, где в качестве полномочий Правительства России определены разработка и обеспечение реализации

²³ См.: Иноземцев В.Л. *За пределами экономического общества: постиндустриальные теории и постэкономические тенденции в современном мире*. М., 1998. Гл. 9, особ. с. 323 и слл.; его же. *Расколотая цивилизация: Наличествующие предпосылки и возможные последствия постэкономической революции*. М., 1999. С. 276 и слл.

того, что, собственно, и составляет содержание государственной экономической политики (федеральный бюджет, включая инвестиционные программы и расходы на расширенное воспроизводство²⁴; единая финансово-кредитная и денежная политика; единая государственная политика в области культуры, науки, образования, здравоохранения, социального обеспечения, экологии). При этом *осуществление определенных бюджетных расходов на расширенное воспроизводство* (включая сюда и инвестиционные программы, в том числе в инновационной сфере) *законодатель относит к категории задач и функций государства*.

Таким образом, реальные организационно-хозяйственные функции являются для российского государства конституционным императивом, одним из обоснований того властного мандата, которым его наделил народ – «носитель суверенитета и единственный источник власти в Российской Федерации»²⁵.

И эта ситуация – отнюдь не исторический парадокс или исключительная особенность современной российской переходной эпохи (с учетом накопленного исторического груза). Историческая практика промышленно развитых стран показывает, что использование государственных рычагов (причем не только косвенных, но и прямых) для стимулирования экономического роста является более нормой, чем исключением, для определенных (прежде всего – переходных) условий хозяйствования²⁶.

Применение диверсифицированного регулятивного инструментария в ряде случаев (в особенности в критические периоды истории, в то время, когда национальная экономика вынуждена отвечать на внутренние или внешние политические или экономические вызовы) оказывается единственным или одним из немногих способов наиболее адекватного выполнения государством его организационно-хозяйственных и даже политических функций.

Вопрос состоит лишь в том, насколько догматически подходят правящие круги той или иной страны к данным функциям, а, в конечном счете, – в том, что *первично для государства*: приоритеты хозяйственного развития в интересах населения и экономической безопасности страны или чистота той или иной идеологической конструкции, положенной в основу взглядов государства на проблемы развития, или насколько идеократической является та или иная государственная система.

В этой связи следует обратить внимание на особенности постановки вопроса о функциях государства (в том числе в сфере программирования развития и обеспечения реализации подобных программ) в отечественной экономической науке.

²⁴ Бюджетный кодекс Российской Федерации понимает под бюджетом «форму образования и расходования денежных средств, предназначенных для финансового обеспечения задач и функций государства и местного самоуправления» (ст. 6), а под федеральным бюджетом – «форму образования и расходования денежных средств в расчете на финансовый год, предназначенных для исполнения расходных обязательств Российской Федерации» (ст. 16; выделено нами. – В.С.). При этом в ту часть бюджетных расходов, которая относится к категории капитальных расходов (ст. 67), входит и «часть расходов бюджетов, обеспечивающая инновационную и инвестиционную деятельность, включающая статьи расходов, предназначенные для инвестиций в действующие или вновь создаваемые юридические лица в соответствии с утвержденной инвестиционной программой, средства, предоставляемые в качестве бюджетных кредитов на инвестиционные цели юридическим лицам, расходы на проведение капитального (восстановительного) ремонта и иные расходы, связанные с расширенным воспроизводством расходы, при осуществлении которых создается или увеличивается имущество, находящееся в собственности собственно Российской Федерации, субъектов Российской Федерации, муниципальных образований, другие расходы бюджета, включенные в капитальные расходы бюджета в соответствии с экономической классификацией расходов бюджетов Российской Федерации».

²⁵ Конституция Российской Федерации. Ст. 3, п. 1.

²⁶ См.: Инновационный путь развития для новой России. М., 2005. Гл. 3.

Приведем лишь один пример, связанный с взглядами на бюджетную систему – тот механизм, который дает возможность обеспечить формирование определенной целостной системы государственного воздействия на экономические процессы (как через доходную – путем использования различного рода налоговых стимулов, так и через расходную часть – путем предоставления субсидий и инвестиционной деятельности, включая сюда и систему государственных закупок) в целях придания им заданного направления.

Бюджет как экономическая категория рассматривается с позиций образования, распределения и расходования денежных ресурсов, «необходимых для обеспечения функций органов государственной власти по предоставлению ими государственных услуг населению страны». При этом подразумевается, что в круг этих услуг входит «воздействие государства на воспроизводственный процесс путем использования финансового механизма» прежде всего в том плане, что государство должно «создать основные элементы правовой и социально-экономической среды для свободных и самостоятельных граждан», а также и путем «формирования и использования централизованного фонда денежных средств, предназначенных для удовлетворения общегосударственных потребностей, понимаемых ... как потребности граждан страны в услугах государства»²⁷.

Рассмотренный с этих позиций, «бюджет является той координирующей основой, которая обеспечивает рыночное равновесие, построенное на компромиссе интересов всех участников воспроизводственного процесса, нацеленных на расширение совокупного потребления»²⁸.

Западные макроэкономисты, как правило, не затрудняют себя сущностным анализом общественного характера бюджетных отношений и определением места государства на рынке услуг. Они просто фиксируют определенное воздействие, которое государство может и должно оказывать на развитие экономической системы в целом²⁹.

Наша задача сложнее. До того, как принимать какие-либо решения касательно возможности государственной экономической политики как таковой, нам следует уяснить себе:

- что включает в себя понятие «услуги государства»;
- включают ли в себя эти услуги в экономической сфере какую-либо иную ответственность перед обществом, кроме обеспечения конституционных социальных обязательств³⁰;

²⁷ Годин А.М., Максимова Н.С., Подпорина И.В. *Бюджетная система Российской Федерации*. М., 2003. С. 13-14 (выделено везде нами. – В.С.).

²⁸ Там же. С. 403.

²⁹ См., напр.: «Изменение государственных расходов и налогов оказывает влияние на величину дохода. Это повышает возможности использования фискальной политики для стабилизации экономики. Когда экономика переживает спад, возможно, для расширения выпуска следует снижать налоги или увеличивать государственные расходы. А когда экономика на подъеме, следовало бы повышать налоги и сокращать расходы, чтобы вернуть экономику к состоянию полной занятости» и затормозить чрезмерный подъем (Дорнбуш Р., Фишер С. *Макроэкономика*. М., 1997. С. 97, 60 сл., 90 сл., 105, 586-587).

³⁰ Это – важная проблема, если мы будем иметь в виду производный характер государства: оно возникает ввиду того, что общество (в лице отдельных его членов и их первичных объединений и союзов), будучи не в состоянии выполнять некоторые организационные функции, делегирует их некоей структуре, которая, выступая от лица общества (и, таким образом, в некоторой степени объединяя его), должна эти функции выполнять. При этом, надо полагать, объем делегированных функций должен находиться в некоторой зависимости от масштабов общества – думается, что функции, которые делегирует своему государству, например, общество Лихтенштейна или Андорры, могут быть не столь дифференцированы

- полномочно ли государство осуществлять регулятивную деятельность в сфере экономики (включая сюда деятельность по программированию и финансированию развития), и зависят ли эти полномочия исключительно от теоретической модели, положенной в основу развития, или от конкретно-экономической ситуации, в которой находится определенное общество в отдельно взятый период своей истории;

- возможно ли, и до какой степени, использовать в регулятивных целях бюджетные средства, представляющие собой не только прямые фискальные выплаты (налоги с граждан и предприятий, ориентированные на финансирование деятельности правительства в интересах населения страны, включающих и интересы развития), но и те виды налогообложения (например, НДС или акцизы), которые вполне можно считать взносами граждан на цели развития³¹;

- и кто, в конечном итоге, это всё определяет - правительство, которое как любой институт не может не действовать в соответствии с принципом минимизации трудозатрат, или общество, конституционно наделяющее органы государственной власти неким спектром властных полномочий?

Главное в этом процессе – уйдя от идеократии «марксистско-ленинской политической экономии», не увязнуть в новой, очередной «единственно верной», теперь уже «рыночной», неолиберальной идеократии, которая грозит опять (по образу и подобию прежнего идеологического императива) похоронить под собой проблемы развития реальной экономики.

Регулятивные функции государства в хозяйственной сфере. Восприятие государства лишь как организатора экономического пространства, устанавливающего граничные нормативно-правовые рамки функционирования рынка и поддерживающего адекватную правоприменительную практику, в 90-е годы стало базой догматики российского неолиберализма. Эту тенденцию, ориентированную на тотальное дерегулирование экономики, мы уже отмечали - правда, очень много лет назад, когда никто и думать не мог о том, к каким сокрушительным результатам она приведет к середине 90-х годов³².

В то же время сейчас даже наиболее активные лэссеферисты разъясняют, что либерализация и дерегулирование «не суть одно и то же», что регулирование «по-прежнему остается актуальной задачей» и «изменилась лишь его цель» – упор делается теперь не на распределительной функции, а на «надежности системы в целом»³³.

и разнообразны, как, скажем, во Франции или в Китае, да и в двух последних случаях они могут весьма серьезно различаться хотя бы ввиду разной протяженности границ и численности проживающего в этих границах населения.

³¹ Помимо упомянутого фактического инвестирования гражданами в производство через цены товаров, поименованные налоги представляют собой еще один принудительный взнос населения, который нельзя всецело рассматривать (по примеру подоходного налога или налога на прибыль, не завязанных на конкретную номенклатуру товаров) как налог на абстрактные общегосударственные нужды (куда можно включить абсолютно любые мероприятия – от содержания госаппарата и финансирования предвыборных кампаний до социальных выплат): поскольку эти налоги связаны с определенными товарами и, более того, ориентируются на особенности воспроизводственного процесса (производство добавленной стоимости, например), вполне возможно постулировать их регулирующее воздействие на производство облагаемой номенклатуры товаров не только как рестрикции, но и как стимулятора (в случае их целевого расходования на развитие общественного воспроизводства).

³² Симонов В.В. Кредитная реформа в СССР: от тотального регулирования к тотальному дерегулированию? // Вопросы экономики. 1991. № 10.

³³ Государство в меняющемся мире. С. 78 (*mutatis mutandis*).

История выработала (за исключением, конечно, прямого военного подчинения), по меньшей мере, два реальных механизма государственного воздействия на экономические процессы: *нормативно-правовой* (законодательная и нормотворческая деятельность государственной власти всех уровней) и *бюджетный*, куда мы относим косвенное (снижение отчислений в доходы государства через налоговые льготы, изъятия и таможенные тарифы) и прямое (в виде системы прямых и портфельных государственных инвестиций, или опосредованное кредитным механизмом в виде системы государственного кредитования, включая экспортные кредиты с государственной поддержкой) расходование средств, полученных от налогоплательщиков, на общегосударственные нужды, понимаемые в данном случае как цели развития национальной экономики и обеспечения национальной экономической безопасности³⁴.

По меньшей мере, от Всемирного потопа и до Первой мировой войны оба эти механизма вполне естественно сочетались в деятельности правительств всех стран мира. Однако с подключением к проблеме экономистов дело приняло иной оборот: вот уже более 70 лет, с времен Великой депрессии, не утихают жестокие научные споры по поводу специальных выгод от применения того или иного механизма, взятого в «чистом» виде; более того, предпринимаются практические шаги, направленные на почти насильственное внедрение в практику той или иной теоретической модели (типа стабилизационных программ МВФ, в орбиту которых попала и Россия 90-х годов³⁵), подчас провоцирующие самые неожиданные хозяйственные результаты³⁶.

Однако, как мы показали выше, тенденция к сохранению за государством (через использование регулятивной роли государственных финансов, через разработку приоритетов бюджетного финансирования) функции выбора основного вектора движения не только централизованных, но и всех финансовых потоков в стране в целях достижения ожидаемых позитивных изменений структуры производства – далеко не исторический реликт. Более того, эта функция государства используется постоянно даже в наиболее либеральных экономических системах – тогда, когда национальные интересы требуют защиты или повышения конкурентоспособности национального производителя.

В условиях, когда экономические процессы осуществляются в системе капиталистических или даже посткапиталистических товарно-денежных отношений³⁷, разумное сочетание определенных границ, которые задаются пропорциями воспроизводственного процесса, сложившимися объективно в процессе функционирования рыночного механизма, и общественного (через институциональные

³⁴ Мы сознательно отказываемся от использования надуманных категорий «экономические» и «административные» методы: и нормативно-правовые, и бюджетные методы могут быть с одинаковым успехом отнесены к обоим этим квазикатегориям (бюджет, например, есть административная категория постольку, поскольку он утверждается законодательно, а введенное законом налоговое изъятие есть экономическая мера прямого государственного регулирования).

³⁵ См.: Симонов В.В. Внешняя задолженность и экономическая дестабилизация// Трансформация цивилизационно-культурного пространства бывшего СССР (тенденции, прогнозы). М., 1994; его же. Зависимый тип развития при переходе к капитализму: российский опыт // Альманах Центра общественных наук. 1997. № 2.

³⁶ См.: Дорнбуш Р., Фишер Р. Указ. соч. С. 37-39, а также в цитированной книге Дж. Стиглица (passim).

³⁷ Собственно, рынка как такового в природе никогда не существовало, это еще одна современная догма, во многом обязанная своим происхождением тому географическому срезу современной экономической науки, историческая память которого, как почти 50 лет назад отметил А. Тойнби, не заходит за пределы времени принятия Декларации независимости (Тойнби А. Дж. Цивилизация перед судом истории. М.-СПб., 1996. С. 87, 98). Как бы нам ни хотелось «деидеологизироваться» и отказаться от специфических определений, мы должны говорить о конкретном рынке в конкретных исторических условиях, в которых он имеет совершенно различные качественные характеристики.

механизмы государственной системы) регулирования развития хозяйства в целом в направлении, отвечающем национальным или интернациональным интересам, является тем *modus vivendi*, который, как показывает история, дает оптимальные результаты.

К совокупности бюджетных методов государственного регулирования экономики обычно причисляют:

- меры по стимулированию спроса (система государственных закупок; целевые бюджетные субсидии домохозяйствам; целевые бюджетные программы социального назначения, включая ценовые субсидии на социально значимые товары и прямую бюджетную поддержку потребителей; государственные инвестиции, в том числе в производственную и социальную инфраструктуру; и т.д.);
- финансовую поддержку производителей (инвестиции - займы, кредиты, гарантии, участие в капитале; налоговые льготы и изъятия; тарифная политика; субсидирование прибыли; и др.);
- финансовую поддержку научных исследований и перспективных разработок;
- финансирование государственных программ подготовки и переподготовки кадров³⁸.

В ряде случаев, особенно в условиях профицитности бюджета, прямые государственные расходы на цели развития даже прямо рекомендуются³⁹.

Необходимость обоснования эффективности использования тех или иных методов государственного регулирования ставит перед государством двуединую задачу: *определить* (в рамках стратегических программ развития) *отраслевые приоритеты, создать политические и нормативно-правовые условия* (включая определение налогового режима), которые стимулировали бы приток частных инвестиций в данные отрасли, а также, при необходимости, *дать импульс этому процессу путем осуществления точечных инвестиций* из средств государственного бюджета либо в сами эти отрасли, либо в отрасли, связанные с ними тесными производственными связями.

Таким образом, программирование экономического развития (на уровне экономики в целом и функциональных, отраслевых программ развития, в частности) и контроль за бюджетной эффективностью выполнения государственных программ развития – задачи, обусловленные не только нормами Конституции, но и смыслом эффективного государства, как его понимает современное международное сообщество⁴⁰.

Прямые и косвенные методы государственного регулирования. Отказ от прямых методов государственного регулирования – несомненная доминанта современной неолиберальной глобальной экономической системы.

Это, однако, не означает, что наши современники должны совершить невозможное – заразиться амнезией, чтобы полностью выбросить из памяти те периоды экономической истории капиталистического мира, когда прямое государственное воздействие на экономику считалось если не нормой, то одним из естественных

³⁸ К этим мерам примыкает антимонопольная политика государства, представляющая собой фактически административный механизм прямого регулирования рынка – в той своей части, в которой она затрагивает регулирование монопольных цен (включая антидемпинговые меры).

³⁹ Дорнбуш Р., Фишер С. Указ. соч. С. 103, 107.

⁴⁰ См. предисловие Д. Вулфенсона (тогдашнего президента Мирового банка) к годовому отчету Мирового банка за 1997 г.: *Вопросы экономики*. 1997. № 7. С. 4, 11, 13, 14; *Государство в меняющемся мире*. С. 181.

вариантов развития отношений между субъектами рынка и государством, стремящимся к выполнению не только неких социальных функций, но прежде всего функций по защите национальной или групповой экономической безопасности (в том числе и в интересах самих субъектов рынка).

Определение необходимости применения тех или иных методов из широкого спектра нормативно-правовых и бюджетных методов регулирования, а также возможности их сочетания в конкретных историко-экономических обстоятельствах – прямая компетенция правительства. В своем выборе оно должно быть ориентировано только на экономическую динамику безотносительно тех или иных теоретических построений, которые господствуют в науке в определенные временные периоды.

При этом государство должно быть свободно в своем выборе хотя бы настолько, насколько это позволяют его международные обязательства, и, отказавшись от любых вариантов презюмирования в сфере экономики⁴¹, совершать этот выбор в интересах национального производителя и национальной экономики.

Возможность использовать прямые или косвенные методы реализации функции выбора направления и темпов развития национального хозяйства и формирования его структуры (в соответствии не только с состоянием экономики окружающего мира и потребностями повышения конкурентоспособности национальной экономики на мировом рынке, но и с задачами роста внутреннего потребления и накопления) – эта возможность дает в руки государства реально действующий инструмент управления и государственным хозяйством, и частными инвестициями в приоритетные отрасли экономики.

Главный критерий использования того или иного регулятивного механизма – его хозяйственная и/или социально-политическая эффективность, а не идейная непорочность.

Конъюнктура мирового рынка капиталов показывает, что реальные инвесторы (мы не говорим сейчас о «горячих» деньгах) отдают явное предпочтение тем проектам, которые имеют определенные государственные гарантии. Прямые государственные вложения в проект либо в его инфраструктурное окружение, подкрепленные включением данного объекта в отраслевую программу развития, могут стать самым весомым доводом в пользу осуществления в данный проект частных инвестиций.

2. Формирование доходной части федерального бюджета: социальные проблемы

Обратимся к данным о доходах федерального бюджета, утвержденных в виде Федеральных законов о бюджетах на соответствующие годы, либо содержащихся в бюджетных проектировках (для 2008-2010 гг.)⁴² (табл. 1).

⁴¹ Любая презумпция – категория историко-идеологическая, а отнюдь не самоценная: она возникает в ограниченные временем периоды и существует ровно столько, сколько ей позволяют идеологические установки конкретного общества в конкретных исторических условиях. Например, презюмировать невмешательство государства в экономические процессы в период торговой войны – в рынке ли, вне рынка ли – означало бы сознательно ставить свою страну в уязвимое положение.

⁴² Мы специально выбрали информацию о бюджетном прогнозе, а не о его исполнении, поскольку прогнозные цифры – это, во многом, отражение той теоретической основы, которой руководствуются составители бюджета, тогда как исполнение бюджета свидетельствует более о сложившейся хозяйственной практике; для нас же сейчас важны именно теоретические соображения. Взяты укрупненные показатели; статьи учитывают изменение бюджетной классификации.

Таблица 1. Динамика доходов федерального бюджета (по проектным показателям) в 2000-2010 гг., млрд. руб.

	2000	2001	2002	2003	2004	2005	2006	2007	2008	2009	2010
Прямые налоги	213,2	192,9	669,4	777,8	1036,1	1434,3	1921,8	2014,2	1875,1	1979,0	2102,2
Косвенные налоги	495,5	700,6	994,8	1132,2	1134,2	1607,9	1642,0	2198,5	2318,0	2968,3	3417,0
Доходы от внешнеэкономической деятельности	226,8	208,6	358,3	268,9	869,8	1608,4	2260,7	2414,1	2070,8	2109,1	2154,0
Доходы от имущества, находящегося в государственной собственности, или от деятельности государственных и муниципальных организаций	24,7	26,8	50,5	111,5	159,5	81,6	113,3	99,8	99,3	105,4	102,1
Доходы ВСЕГО	1103,2	1193,5	2125,7	2562,6	3273,8	4896,5	6146,3	6964,8	6643,2	7463,3	8087,3

Источник: Федеральные законы «О федеральном бюджете Российской Федерации» за соотв. годы.

Единственный принципиальный вывод, который рождается из табл. 1, – это очередной комплимент Минфину: иначе вряд ли возможно оценить запланированный рост доходов федерального бюджета в 7,3 раза в 2010 г. (в сравнении со столь близким к финансовому кризису 90-х годов 2000-м годом).

Доходы по всем значимым позициям активно растут: прямые налоги – почти в 10 раз, косвенные – в 7 раз, доходы от внешнеэкономической деятельности – в 9,5 раза.

Вне этой тенденции – разве что доходы от государственной собственности: но и здесь рост в 4 раза должен, по всей видимости, свидетельствовать об увеличивающейся эффективности ее использования.

Однако те же самые данные, рассмотренные со структурных позиций, уже не столь эффектны (табл. 2).

К прямым налогам отнесены: налог на прибыль организаций; НДФЛ (до тех пор и в том объеме, в которых он зачислялся в федеральный бюджет) и ЕСН; платежи за пользование недрами и НДПИ; налоги на совокупный доход.

К косвенным налогам отнесены: НДС, включая НДС на товары, ввозимые на территорию Российской Федерации; все виды акцизов, включая акцизы по подакцизным товарам, ввозимым на территорию Российской Федерации.

В доходах от ВЭД учтены налоговые (таможенные пошлины) и неналоговые (таможенные сборы) доходы.

Таблица 2. Структура доходов федерального бюджета (по проектным показателям) в 2000-2010 гг., %

	2000	2001	2002	2003	2004	2005	2006	2007	2008	2009	2010
Прямые налоги	19,3	16,2	31,5	30,4	31,6	29,3	31,3	28,9	28,2	26,5	26,0
Косвенные налоги	44,9	58,7	46,8	44,2	34,6	32,8	26,7	31,6	34,9	39,8	42,3
Доходы от внешнеэкономической деятельности	20,6	17,5	16,9	10,5	26,6	32,8	36,8	34,7	31,2	28,3	26,6
Доходы от имущества, находящегося в государственной собственности, или от деятельности государственных и муниципальных организаций	2,2	2,2	2,4	4,4	4,9	1,7	1,8	1,4	1,5	1,4	1,3
Доходы ВСЕГО	100	100	100	100	100	100	100	100	100	100	100

Во-первых, обращает на себя жесткая приверженность правительства к идеологической установке о принципиальной неэффективности государственной собственности: ее доля (и без того более чем скромная) в совокупных доходах федерального бюджета неуклонно снижается – до 1,3% к 2010 г.

Во-вторых, показательна неустойчивость доходов от внешнеэкономической деятельности: после пика в 2006 г. (36,8%) они снижаются к 2010 г. до 26,6% (сравним: 20,6% в 2000 г.). Это говорит, как не странно, прежде всего, о неэффективности государственных расходов с народнохозяйственных позиций: государство с готовностью следует за прогнозами конъюнктуры мирового рынка углеводородов, соглашается с сырьевой привязкой российского экспорта, сохраняет практически неизменным соотношение доходов от экспорта и импорта (в 2010 г. соотношение экспортных и импортных пошлин останется на уровне 2,6 – как в 2000 г.), в целом – никак не заботится ни о росте промышленного потенциала и активном включении России в мировой товарооборот как экспортера готовой продукции, ни о развитии импортозамещающих производств. В итоге, полагаться на рост значения внешнеэкономической деятельности в процессе формирования доходной части федерального бюджета не приходится, и правительство в своих прогнозах этого и не делает.

В-третьих, прямые налоги, за счет которых государство имеет возможность активно стимулировать инвестиционную активность, регулировать производственную деятельность и направлять ее в необходимое для роста конкурентоспособности страны инновационное русло, отнюдь не являются первостепенной заботой правительства. Доля этой категории налогов (рост относительных показателей, который мог бы, помимо прочего, свидетельствовать также и об активизации воспроизводственного процесса за счет роста потребительского потенциала производственного сектора и населения) в доходах федерального бюджета в 2010 г. оказывается ниже уровня 2004 года.

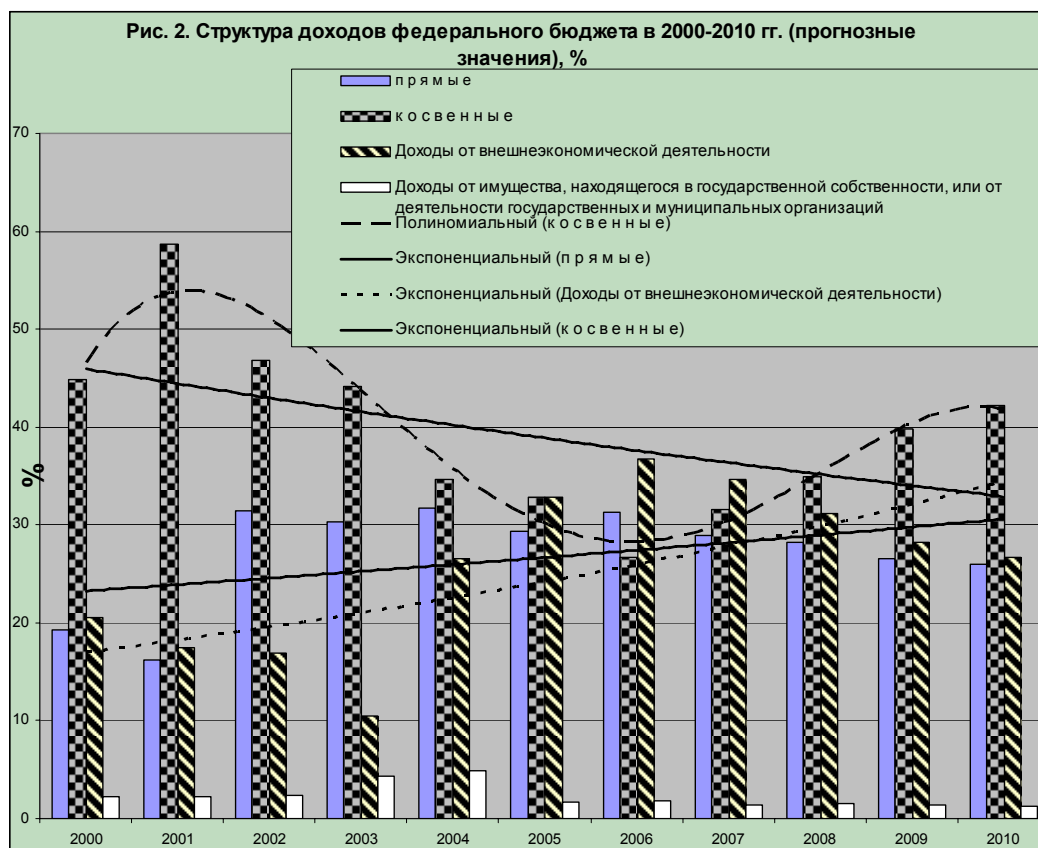
Весь бюджет строится Минфином, в итоге, на косвенном налогообложении: доля косвенных налогов в доходах федерального бюджета уверенно выходит в перспективе на

уровень, превышающий 40%. Налоговая политика, проводившаяся в первые послекризисные годы, предлагается к повторению и в 2010 году.

При этом рис. 1 наглядно иллюстрирует еще один весьма важный, на наш взгляд факт: сам прирост бюджетных доходов достигается (особенно в прогнозе на 2008-2010 гг.) фактически только за счет косвенных налогов; принципиальных изменений в прямом налогообложении и в доходах от внешнеэкономической деятельности не происходит.

И хотя в целом за период 2000-2010 гг. косвенное налогообложение развивается под воздействием понижающей тенденции, эта тенденция обязана своими возникновением только пику 2001 года; начиная с 2006 года в планах правительства доля косвенного налогообложения в суммарных бюджетных доходах уверенно растет, выходя на уровень 2000-2003 гг., что и показывает полиномиальный тренд (рис. 2).

Среднегодовой темп роста прогнозируемых Минфином доходов от косвенных налогов составляет за данный период порядка 21% при средних темпах роста совокупных бюджетных доходов в 22% в год – разница в тенденции практически отсутствует. Можно, конечно, возразить в том смысле, что среднегодовой прирост прогнозных показателей по прямым налогам составляет почти 26%, однако не думается, что 5% могут стать веским доводом в пользу политики, проводимой Минфином.

Взимаемые через цену товара косвенные налоги (налог на добавленную стоимость, акцизы на подакцизные товары национального производства и импортные) фактически представляют собой повторное обложение потребителя⁴³, причем – на те же цели, которые должны быть достигнуты за счет выплаченных им прямых налогов. Именно

⁴³ Рассмотрим известную систему $c + v + m$ в ее взаимосвязи не столько со стоимостью произведенного продукта, сколько с воспроизводственным процессом, взятым в целом.

Процесс воспроизводства становится расширенным, когда в него вовлекается не только та часть стоимости, которая связана с возмещением затрат, но и часть прибавочной стоимости (последнюю можно разделить на составляющие $m_1 + m_t + m_x$, где m_1 – часть прибавочной стоимости, возвращающаяся в процесс общественного воспроизводства, m_t – выплаченные прямые налоги, а m_x – потребляемая часть, включая отложенный спрос).

На практике же, однако, воспроизводственный процесс расширяется также за счет той части заработной платы, которая входит в него в денежной форме непосредственно после ее передачи работнику.

Зарботную плату можно распределить как $v_1 + v_2$, где v_1 – средства, выплачиваемые предпринимателем в качестве платежей на социальное страхование – медицинское, пенсионное и др., – начисляемые от фонда заработной платы и, таким образом, фактически недоплачиваемые работнику; поэтому, кстати, мы не стали бы относить их на себестоимость в части, не связанной с заработной платой; а v_2 – те средства, которые работник получает непосредственно на руки).

Однако средства, обнимаемые понятием v_2 , в плане их расходования (и, соответственно, возвращения в воспроизводственный процесс) возможно подразделить на несколько частей:

v_{2a} – расходы на приобретение необходимых продуктов (продукты питания, одежда и т.п.);

v_{2b} – расходы на жизнеобеспечение (коммунальные услуги, аренда земли и жилья и т.п.); первые два пункта ($v_{2a} + v_{2b}$) составляют некий базовый потребительский пакет работника;

v_{2c} – оплата товаров и услуг, которые нельзя отнести к предметам первой необходимости, но которые входят в своеобразный «стандартный потребительский пакет» для той или иной социальной группы (бытовая техника, автомобили и т.п., включая сюда и расходы на страхование, помимо медицинского и пенсионного);

v_{2d} – отчисления из собственных средств на медицинское страхование, пенсионное обеспечение, возвращающиеся в процесс воспроизводства через посредство инвестиций негосударственных специализированных фондов; средства по позициям $v_{2a} \dots v_{2d}$ расходуются работником практически сразу же после их получения и, таким образом, практически немедленно возвращаются в процесс воспроизводства (при этом работник либо теряет собственность на них, либо сохраняет ее в титульном виде, причем – с весьма проблематичной возможностью когда-либо это титульное право реализовать в полном объеме);

v_{2t} – прямой налог, выплачиваемый непосредственно физическим лицом с полученной заработной платы и иных доходов (подходящий налог/налог на доходы физических лиц);

v_x – трудно рассчитываемая часть средств, которая остается в собственности работника несколько дольше и может рассматриваться как отложенный спрос или тезаврированные ценности.

Только показатель v_x определяет объем средств работника, выводимый (хотя бы временно – в той части, когда речь идет об отложенном спросе) из воспроизводственного процесса; всё остальное практически сразу же возвращается в процесс общественного воспроизводства, давая ему возможность расширяться в более значимых масштабах.

Таким образом, с точки зрения осуществления расходования средств в процессе расширенного воспроизводства классическая формула может быть переписана как:

$$c + [v_1 + (v_{2a} + v_{2b} + v_{2c} + v_{2d}) + m_1 + (m_t + v_{2t})] + (v_x + m_x), \text{ где}$$

$c + v_1 \dots v_{2t} + m_1$ – та часть стоимости, которая обеспечивает непрерывность процесса расширенного воспроизводства (если мы говорим о составляющих v и m , то этот вывод означает практически немедленное включение средств, полученных субъектом производства, в воспроизводственный процесс); а

$v_x + m_x$ – та часть стоимости, которая идет на личное потребление (означающее, фактически, лишь отложенный спрос – т.е. включение в воспроизводственный процесс несколько позже того момента, в который эти средства попадают в руки субъекту воспроизводственного процесса).

так и выходит, если рассматривать государственный бюджет как систему централизованной оплаты платных услуг, оказываемых государством населению (в частности, услуг в сфере образования и здравоохранения – через систему организаций, находящихся в государственной собственности), осуществляемой из централизованных фондов, созданных из обязательных взносов населения.

С социальной точки зрения рост косвенного налогообложения означает повышение налоговой нагрузки на потребителя, ухудшение его финансового положения, сокращение текущего потребления и, соответственно, снижение инвестиционного вклада потребителя в экономику. Кроме того, минимизируется отложенный спрос потребителя, что может оказать негативное влияние на воспроизводственный процесс и в перспективе.

3. Инвестиционный бюджет: формы и условия

Бюджетная политика, ориентированная на бездефицитный бюджет, гарантирующий только выполнение минимума социальных обязательств государства (при их всемерном сокращении) имеет *превентивный характер* – поскольку представляет собой инструмент борьбы с кризисами перепроизводства в реальном секторе. Кроме того, она является *орудием международной конкурентной борьбы* – так как исключает дополнительные механизмы роста (помимо частного капитала) национальных экономик государств-конкурентов; в этой связи такая политика становится *инструментом в борьбе за передел мира*, поскольку тормозит развитие не только экономик, но и силового потенциала стран-конкурентов.

Как одна из целей государственной политики, превентивная бюджетная политика целесообразна: 1) внутри страны – в условиях кризиса перепроизводства и для его предотвращения; 2) во внешней политике – как система экономического подавления слабых конкурентов более развитыми государствами; при этом первые оказываются вынужденными, тем не менее, выступать в роли экономических и/или политических сателлитов экономически развитых стран.

В условиях, когда внутри страны необходимо добиться быстрого экономического роста для обеспечения занятости, увеличения доходов населения и роста, за этот счет, внутреннего потребления, а также стратегической перестройки экономики в целях роста ее конкурентоспособности; во внешней политике – необходимо занять или вернуть определенные позиции на мировом рынке, – в таких условиях необходима *активная бюджетная политика*, обеспечивающая заданное направление развития народного хозяйства через систему государственного заказа, финансируемого – полностью или частично (через систему частно-государственного партнерства) – из средств государственного бюджета.

Кроме того, активная бюджетная политика дает возможность консолидировать бюджетные средства, направляемые на экономическое развитие (при этом социальные обязательства государства могут выполняться либо на общегосударственном уровне, либо с использованием механизма федеративных отношений).

Однако информация о структуре государственных расходов Российской Федерации (табл. 3) наглядно иллюстрирует: достижение активной бюджетной политики для российского правительства – дело далекого будущего.

Таблица 3. Динамика расходной части бюджетной системы Российской Федерации в 2000-2009 гг.

	2000	2001	2002	2003	2004	2005	2006	2007	2008	2009
Расходы бюджетной системы <i>ВСЕГО</i> , % к ВВП	34,0	33,9	36,0	34,6			31,8	32,5	31,7	31,2
Расходы федерального бюджета, % к ВВП	11,5	11,4	12,2	18,0	17,1		16,4	17,5	17,0	16,8
Структура расходов федерального бюджета <i>ВСЕГО</i>, %	100	100	100	100	100	100	100	100	100	100
<i>в том числе:</i>										
а) процентные	25,1	17,1		11,9	11,6		4,5	3,4	3,3	3,1
то же, % к ВВП	3,5	2,4	2,1	2,1	2,0	1,7	0,7	0,6	0,6	0,5
б) непроцентные	74,9	82,9		72,6	71,8		95,4	96,6	96,6	96,6
то же, % к ВВП	10,6	12,1	13,7	13,0	12,3	14,7	15,7	16,9	16,5	16,2
Функциональная структура расходов, %	100	100	100	100	100	100	100	100	100	100
общегосударственные вопросы	2,4	4,36		5,8	18,2	16,8	14,6	14,7	14,3	14,3
национальная оборона	18,6	18,0		14,7	16,4	17,8	14,1	13,7	14,7	15,3
национальная безопасность	10,2	11,0		10,4	12,3	13,3	12,0	11,2	11,9	13,0
национальная экономика		8,0		6,6	6,1	6,9	3,6	4,7	3,4	2,9
ЖКХ							0,3	0,2	0,2	0,2
охрана окружающей среды		0,4		0,5	0,4	0,1	0,1	0,1	0,1	0,1
образование	3,8	4,1		4,2	4,5	3,5	4,4	4,8	4,7	4,3
культура и СМИ		0,5		1,1	0,6	1,0	0,9	0,9	0,9	0,8
здравоохранение и спорт		1,9		1,7	1,9	1,7	3,2	3,4	3,1	2,8
социальная политика	7,4	9,0		6,4	6,4	5,3	4,4	4,8	4,9	4,5
межбюджетные трансферты	8,1	15,6		29,9	30,7	29,8	31,6	30,6	32,9	32,5
обслуживание государственного долга	25,7	20,1		11,8	10,8	8,8				
<i>расходы инвестиционного характера</i>					2,5	2,7	10,6	11,2	9,6	9,2

Структура бюджетных расходов показывает: правительство стремится активно минимизировать затраты, направляемые на финансирование исполнения социальных обязательств государства, – затраты на образование, здравоохранение, обеспечение культурных потребностей населения в совокупности составят не более 8% суммы расходов федерального бюджета в 2009 г. Добавленные к ним расходы по строке «социальная политика» доводят суммарный показатель до 12,4%.

Трудно судить, насколько эти цифры достаточны для обеспечения функций социального государства, «политика которого направлена на создание условий, обеспечивающих достойную жизнь и свободное развитие человека», о которых говорит Конституция Российской Федерации (ст. 7).

События последних лет явно свидетельствуют: правительство России уверено в том, что расходы бюджета по обеспечению социальных обязательств государства должны быть минимизированы, а расходы на социальные нужды должно в максимальной степени финансировать само население (по крайней мере, уверенно можно говорить в этом смысле о реформах в здравоохранении, пенсионном обеспечении и образовании).

Снимая с себя большинство социальных функций, бюджет постепенно становится источником финансирования государственного аппарата, как механизма реализации «платных услуг» населению.

Однако государственные услуги вряд ли могут быть платными – они, во всей их совокупности, оплачены заранее, через налоги, в том числе путем прямого налогообложения населения (налог на доходы физических лиц), являющегося, фактически, целевым (население выплачивает в виде налогов часть собственных средств, которые должны направляться на содержание государственной системы).

Поэтому даже бесплатные государственные услуги для населения – лишь квази-бесплатны.

Дополнительная оплата таких услуг, включая социальные услуги (например, платная магистратура в вузах или платные медицинские услуги в государственных медицинских учреждениях), фактически представляет собой повторное налогообложение населения.

Таким образом, если государству не хватает бюджетных средств на финансирование оказания бесплатных услуг населению, это означает либо неэффективное расходование средств (включая сюда и те способы расходования, которые, в конце концов, становятся предметом ведения правоохранительных органов), либо непродуманную или неэффективную налоговую систему.

Поэтому платность государственных услуг населению свидетельствует, помимо прочего, и о серьезных недоработках Министерств финансов – поскольку расходы на оказание таких услуг должны быть учтены при формировании бюджета.

Помимо двойного налогообложения, платность государственных услуг становится механизмом, стимулирующим неконтролируемый и необоснованный рост цен на эти услуги за счет межотраслевого и внутриотраслевого выравнивания нормы прибыли (если в отдельных отраслях норма прибыли составляет 100% и более, то к этой цифре будут стремиться и прочие отрасли), а также стимулом инфляционного роста издержек, приводящего к росту цен в смежных отраслях экономики.

Однако правительство, увлеченное теорией «платных услуг», уверенно превращает государственную систему в некое предприятие сферы услуг, существующее за счет бюджетных ресурсов, перераспределяющее эти ресурсы и умудряющееся организовать взимание с налогоплательщиков дополнительной платы за выполнение государственным аппаратом государственных функций.

Это занятие отвлекает от проблем, связанных с такой функцией государства, как определение направлений развития экономики и стимулирование развития именно в этих направлениях, в том числе – за счет бюджетных расходов, включая инвестиции. Запланированное падение, начиная с 2007 г., инвестиционных расходов государства свидетельствует об отсутствии серьезной государственной инвестиционной политики на обозримую перспективу.

В условиях инновационного вызова, с которым сталкивается отечественное хозяйство на современном этапе развития мировой экономики, такая динамика, надо полагать, вряд ли может обеспечить реальные структурные изменения.

Однако подобного рода тенденции – основа российской бюджетной политики. Она развивается в этом русле уже второе десятилетие, и пока не видно никаких свидетельств того, что схема, начертанная некогда западными экономическими советниками, в ближайшем будущем может быть существенно изменена.

Традиционно государство выполняет в инвестиционном процессе как функции нормативно-правового регулирования, так и собственно инвестиционные функции (финансирование инвестиций из средств госбюджета – вне зависимости от категории субъекта этой деятельности) (табл. 4).

Таблица 4. Основные направления деятельности государства в инвестиционной сфере

Собственная организационно-экономическая деятельность	Регулирующая деятельность	
	в отношении негосударственных корпоративных субъектов	в отношении индивидуальных субъектов
1	2	3
Меры в рамках конституционных обязанностей государства <i>Разработка государственных программ развития</i> • программ социально-экономического развития на установленную перспективу • отраслевых программ развития • целевых отраслевых инвестиционных программ <i>с определением целевых ориентиров, источников финансирования, критериев оценки эффективности выполнения</i> <i>Создание нормативно-правовой базы, регулирующей инвестиционный рынок и стимулирующей его развитие (включая регулирование отношений собственности на продукты интеллектуальной деятельности; регулирование систем прогнозирования инвестиционной деятельности в общегосударственном масштабе; поддержание конкуренции; и т.д.)</i>		
<i>Осуществление собственной инвестиционной деятельности:</i>	<i>Нормативно-правовое обеспечение финансирования инвестиционной деятельности (по направлениям)</i>	
• организация и финансирование инвестиций на государственных предприятиях (включая финансирование НИОКР) • государственные закупки в инвестиционных целях на внешнем рынке (включая закупки объектов инновационной деятельности) • реализация на рынке готовой продукции инвестиционных объектов после ввода в эксплуатацию (включая реализацию результатов инновационной деятельности, находящихся в собственности государства)	• прямые инвестиции (включая определение режима привлечения иностранных инвестиций) • портфельные инвестиции (включая определение режима деятельности иностранных инвесторов на национальном фондовом рынке) • кредитование (включая операции на международном рынке ссудных капиталов) • деятельность государственных и негосударственных инвестиционных фондов (включая венчурные)	

Меры в рамках становления системы частно-государственного партнерства		
<i>Прямое финансирование (включая совместное) собственно инновационной деятельности</i> • финансирование государственного заказа • целевое кредитование (включая экспортное под государственные гарантии) • предоставление государственных гарантий по целевым проектам • долевое участие в проектах		
<i>Косвенное финансирование инвестиций:</i> • налоговая политика • тарифная политика <i>Организационно-институциональная поддержка</i> • стимулирование кооперационных связей • развитие государственных и межгосударственных систем вариантного прогнозирования структуры и объемов инвестиций на основе консультаций с частными фирмами • государственные и частно-государственные инвестиционные фонды (включая венчурные)		
<i>Инвестиции в смежные отрасли:</i> • инфраструктура • кадровое обеспечение	<i>Стимулирование негосударственных инвестиций в смежные отрасли</i> • налоговая политика • денежно-кредитная политика • валютная политика • бюджетная политика (долевое участие в реализации целевых проектов) • содействие формированию инфраструктурного обеспечения (венчурные фонды с участием государства)	
Меры в рамках формирования кадрового потенциала инвестиционной деятельности <i>Стимулирование деятельности по сохранению, повышению и изменению квалификации</i> • организация, законодательное и финансовое обеспечение системы подготовки и переподготовки кадров		
		• образовательные субсидии и кредиты • меры по поддержанию работоспособности и репродукционного потенциала кадров

Функции государства как института, обеспечивающего установление законодательных границ функционирования инвестиционного процесса в целом,

реализуются в конституционном порядке и сомнений не вызывают ни в либеральных, ни в консервативных кругах.

Функции, связанные с непосредственным инвестированием в реальный сектор, подвергаются серьезному сомнению в неолиберальном лагере. При этом особые дискуссии вызывает даже не столько сама возможность бюджетных инвестиций⁴⁴, сколько возможность *эффективного* государственного инвестирования, использования бюджетных средств для получения прибыли.

Как мы уже писали⁴⁵, представители неолиберального лагеря готовы пойти даже на повышение налоговой нагрузки на население, лишь бы уйти от предоставления государству возможности эффективно распоряжаться собственными средствами. В качестве примера сошлемся на рассуждения о возможности сооружения за счет внешних госзаимствований инфраструктурных объектов с обязательной последующей приватизацией тех из них, которые окажутся прибыльными⁴⁶. Погашение же внешней задолженности остается при этом обязанностью государства, в руках которого не оказывается, однако, инструмента для погашения накопленного внешнего долга из доходов, получаемых от эксплуатации предприятий, сооруженных за счет государственных внешних заимствований, что и означает, в конечном итоге, увеличение налогового бремени.

Мы далеки от того, чтобы признать государственные инвестиции в реальный сектор явлением, современной экономике абсолютно чуждым⁴⁷, – по крайней мере, если мы говорим об экономике России в той стадии ее развития, в которой она находится в настоящее время и которую по ряду признаков вполне можно соотнести с восстановительным периодом развития экономики стран Западной Европы.

Мы также не можем взять на себя ответственность утверждать, что государственные инвестиции должны ориентироваться только на инфраструктурные отрасли и быть абсолютно бесприбыльными. Несомненно, задачи государства в сфере инфраструктуры обширны – прежде всего потому, что инфраструктурные проекты весьма капиталоемки и далеко не всегда обеспечивают короткие сроки окупаемости. И хотя данного рода проекты имеют несомненную значимость для общества в целом, для частных инвесторов они, в силу указанных особенностей, могут оказаться неприемлемыми.

Однако, говоря о принципиальной необходимости государственных инвестиций в экономику, следует выделить *ряд граничных положений*. Их соблюдение позволяет не только отнести подобные инвестиции к сфере «государственных услуг», но и придать им

⁴⁴ Они вполне допустимы (при соблюдении ряда ограничивающих условий) даже по упомянутому выше Э. Добсону – по крайней мере, в инфраструктурный сектор экономики.

⁴⁵ Симонов В.В. Политика внешних заимствований и экономическая безопасность России (вопросы теории и практики). С. 237-238.

⁴⁶ См.: Добсон Э. Указ. соч. С.34-41.

⁴⁷ Для некоторых секторов экономики постановка вопроса о связи их с государственной финансовой политикой находит, как представляется, определенное понимание на высоком уровне государственного управления – когда речь идет, например, о необходимости «таких финансовых решений и механизмов, которые способны мотивировать к достижению эффективных результатов и сами организации социальной сферы», так что «финансовая политика должны стать одним из стимулов к повышению доступности и качества социальных услуг» [Послание Президента Российской Федерации Федеральному Собранию Российской Федерации: (О положении в стране и основных направлениях внутренней и внешней политики государства). М., 2005. С. 43; выделено нами – для того, чтобы подчеркнуть общий макроэкономический смысл идеи, не ограничивая ее лишь социальной сферой. – В.С.]

значение факторов, способствующих становлению того типа экономики, в котором заинтересовано современное общество.

Государственные инвестиции могут быть целесообразными в случае, если они:

- *эффективны*, т.е. обеспечивают не только самокупаемость и самофинансирование, но и надлежащее поступление средств в бюджет (*бюджетная эффективность*);

- *селективны*, т.е. соответствуют заданным критериям выбора инвестиционных проектов; эти критерии могут быть обусловлены как экономическими, так и политическими соображениями и должны иметь целью, прежде всего, соблюдение интересов национальной безопасности (экономической, социальной, политико-военной и др.);

- *телеологичны*, т.е. имеют жесткое целевое назначение и обеспечивают (в рамках государственных программ развития) выполнение задачи по стимулированию именно тех направлений развития и секторов экономики, которые отвечают интересам общества; при этом инвестиции государства могут (а подчас и не должны) не обеспечивать полное финансирование проектов (то же касается системы государственных гарантий), поскольку уже сам факт прямого участия государства в данном случае будет свидетельствовать о его заинтересованности в конкретных направлениях развития и станет значимым сигналом для частных инвесторов в процессе установления ими инвестиционных приоритетов.

При этом, несомненно, государственные инвестиции (как и любые иные мероприятия, связанные с расходованием средств налогоплательщиков) должны подлежать жесткому планированию и контролю в соответствии с действующим законодательством и осуществляться в рамках тех организационных процедур, которые этим законодательством предусмотрены.

О КОРРУПЦИОННЫХ РИСКАХ

А.В. Нестеров, доктор юридических наук

Коррупция в России, по мнению многих аналитиков, достигла масштабов национального бедствия. По данным Генеральной прокуратуры РФ, ежегодный ущерб от коррупции составляет 15 млрд долларов без учета так называемого крышевания [1], а также административных поборов [2]. Крышевание из криминала перешло на политический и административный уровень. По оценкам некоторых аналитиков, не менее 10 процентов стоимости товаров (услуг), производимых бизнесом, составляют выплаты чиновникам. Существует большое количество излишних платных государственных услуг, навязанных силой власти [2]. Таким образом, в любом товаре (услуге) есть весомая часть непроизводственного товара власти. Этот не произведенный продукт представляет опасность не только для общества, но и для самой власти.

В 2006 г. власть всерьез озаботилась данной проблемой. В частности, Россия ратифицировала Конвенцию ООН против коррупции, а это привело к тому, что теперь антикоррупционные требования стали обязательными для всех органов государственной власти. Появились легитимные понятия коррупционный риск, коррупциогенность и антикоррупционная безопасность.

Была разработана и внедрена «Методика анализа коррупциогенности нормативных правовых актов органов исполнительной власти» [3], в которой были представлены типичные основные коррупционные факторы в российском законодательстве. Данная методика предполагает внедрение технологии снижения коррупционных рисков законодательства. Таким образом, фактически были сформулированы обязательные требования по антикоррупционной безопасности к законодательному продукту, в частности, по антикоррупционной защите законов. Предложено, в случае соответствия законопроекта данным требованиям, ставить штамп «Проверено. Коррупционных факторов нет».

Однако известно, что в России недостаточно иметь хорошие законы, необходимо, чтобы они еще и выполнялись. В [4] В.Н. Южаков отметил, что примерно 50% взяток связано с несовершенством законов (отсутствием в них соответствия требованиям антикоррупционной безопасности). Следующие примерно 30% взяток можно нейтрализовать путем организации механизма контроля над действиями чиновников и обеспечения их конкретной ответственности за нарушения регламентов. Оставшиеся 20% имеют другие причины.

Таким образом, власть стала рассматривать результат своей деятельности как некоторый продукт, к которому стали предъявлять не только формальные требования, но

и по существу. Власть признала, что она выпускает нормативные правовые акты с дефектами, последствия которых в виде экономического ущерба ощущает все общество.

Существуют ли в России научно обоснованные подходы по обеспечению безопасности продуктов как таковых? Да. Надо только признать, что продукт власти, как любой продукт деятельности людей, обладает свойствами продукта продуцирования продуцентом.

Одним из основных принципов теории безопасности продуктов продуцирования является принцип детерминизма, или наличие однозначных причинно-следственных связей между причиной (аргументом) и следствием (функцией). Однако такой подход является односторонним, т. к. он игнорирует еще два важных фактора (человеческий и природный). Известно, что 40% аварий в мире происходят из-за ошибок операторов. Много несчастных случаев происходит из-за случайных природных явлений. Поэтому теория безопасности использует вместе с данным подходом еще два подхода, в частности, учет наличия случайных природных и психологических воздействий на степень риска причинения вреда. В этой связи принципиально невозможно создать абсолютную безопасность. Однако практическую безопасность с очень высокой степенью вероятности можно обеспечить реально. При этом необходимо уметь определять степень риска.

Современная методология анализа риска причинения вреда опирается на теорию допустимого риска [5], где допустимый риск — это риск, который считается допустимым при существующих общественных ценностях. Таким образом, допустимый риск является производным от моральных норм. Чем выше общественная мораль, тем ниже допустимый риск и соответственно выше безопасность. Сравнение данных о техногенных катастрофах и коррупции в экономически развитых странах с высокими моральными нормами и в других странах, в которых моральные нормы недостаточно высоки, подтверждает данный тезис.

В этой связи теория безопасности вынужденно оперирует категориями общественных ценностей, которые зависят от моральных норм и которые явно или неявно применяются обществом. К общественным ценностям, которые необходимо защищать, относятся жизнь или здоровье людей, имущество физических и юридических лиц, государственное и муниципальное имущество, окружающая среда, жизнь и здоровье животных и растений. Защита данных объектов осуществляется на основе нормативных правовых актов, решений организаций и граждан. Обязательной защите подлежат опасные объекты, чтобы они не могли нанести ущерб. Также подлежат защите особо ценные объекты, но уже по другим соображениям, в частности, от нанесения им ущерба.

При расчете значения степени риска причинения ущерба расчетное значение сравнивается с допустимым уровнем риска, который в свою очередь основывается на совместном экономическом учете преимуществ, получаемых от применения создаваемого продукта, и возможного ущерба, который может быть получен в результате использования продукта. Продуцируемый продукт всегда характеризуется некоторым риском причинения ущерба и самим ущербом (вредом, потерями), который может быть причинен в процессе использования продукта, потенциально обладающего данным риском.

Современный менеджмент риска осуществляется с помощью итеративного алгоритма, в котором процесс длится до тех пор, пока не будет выполнен критерий равенства расчетного риска и оптимального риска. В данном алгоритме сравниваются значения двух

функций. Первая из них представляет собой зависимость приведенных доходов $X(r)$, которые формируются в процессе применения продукта с риском, от степени риска R (чем больше риск, тем больше доход). Вторая функция $Y(r)$ представляет собой зависимость расходов, связанных с реализацией безопасности, характеризуемой риском, а также ущербов, обусловленных риском, от степени риска (чем меньше риск, тем больше расходы). Тогда допустимый риск — это аргумент, обеспечивающий минимум величины Z , являющейся суммой двух составляющих X и Y , или в этом случае за допустимый риск принимается оптимальное значение аргумента функции Z , дающее минимум значения Z .

Логика данного метода основывается на том, что действие считается морально оправданным тогда, когда благоприятные последствия данного действия превышают отрицательные последствия. Поэтому вопрос о моральности таких действий решается исходя из экономических соображений. При этом разделяют три вида такой стратегии (этический эгоизм, этический альтруизм, утилитаризм) [6].

К этическому эгоизму относят морально оправданное действие, если его благоприятные последствия превышают неблагоприятные с точки зрения лица, совершающего это действие. Этический альтруизм представляет собой морально оправданное действие, если его благоприятные последствия превышают неблагоприятные для всех, кроме того, кто совершает это действие.

К утилитаризму относят морально оправданное действие, если его благоприятные последствия превышают неблагоприятные для всех.

В практической деятельности при продуцировании продуктов в основном наблюдаются два вида поведения — этический эгоизм и утилитаризм. Кроме того, известно предположение, что этический эгоизм связан с психологическим эгоизмом, который заключается в том, что все действия индивида всегда обусловлены эгоистическими интересами и что это факт человеческой природы. Известно также, что это утверждение нельзя ни подтвердить, ни опровергнуть эмпирическим путем.

В современном российском обществе наблюдаются черты этического эгоизма, поэтому государство должно учитывать в своей технической и административной политике инструменты обязательного подтверждения соответствия продуктов общественного (административного) продуцирования требованиям технических регламентов, а также и других видов регламентов, регулирующих общественные отношения, например, административных регламентов. В противном случае психологические эгоисты в погоне за прибылью или исходя из коррупционных интересов, могут продуцировать опасные продукты.

Утилитаризм также может содержать определенную опасность, т. к. существующий риск распределен не равномерно по отношению к источнику опасности. Источник опасности обеспечивает существенные выгоды всему обществу в целом, но опасность ущерба распределяется в пространстве не равномерно. Она, как правило, обратно пропорциональна квадрату расстояния от источника опасности. Поэтому с моральной точки зрения утилитаризм не в полной мере решает задачу оправдания допустимого риска для лиц, находящихся в непосредственной близости от источника опасности.

Выход из морального тупика заключается в том, что общество, понимая эту ситуацию, часть средств, полученных за счет применения таких продуктов, должно тратить на

компенсацию безопасности граждан, организаций и окружающей среды, создавая специальные фонды, системы страхования и реализуя специальные программы помощи пострадавшим [6].

Еще одна проблема утилитаризма применительно к безопасности заключается в том, что допустимый риск принимается на уровне степени вероятности несчастного случая в естественных условиях или степени вероятности природных катастроф [7]. Однако если природную катастрофу практически невозможно остановить, но человек имеет возможность выбрать другое место пребывания, то техногенная авария в большинстве случаев обусловлена техническими причинами или/и ошибками человека, и тогда у пострадавшего свободы выбора нет. Точно так же практически нет свободы выбора у граждан и их организаций перед лицом административного чиновника, если чиновник на законных основаниях «стрижет» свою административную ренту. Например, в [9] приводится информация об объемах только одного вида административной ренты, связанной с техническим регулированием промышленной безопасности. По данным Ростехнадзора, в 2005 г. было утверждено 194 375 заключений экспертизы промышленной безопасности на общую сумму 26,6 млрд рублей, которые заплатили предприятия за так называемые услуги экспертов, навязанные силой власти государственного органа. Поэтому необходимо учитывать не только естественные риски, но и риски возникновения коррупционных механизмов.

В этой связи была разработана теория целесообразности продуцирования продуктов (идея телеологизма). С точки зрения морального телеологизма продукт должен продуцироваться безопасным в аспекте современных возможностей человека, в противном случае нет смысла его создавать. Поэтому появился подход, согласно которому риск должен быть настолько низким, насколько это возможно при существующем уровне развития материально-технической базы. Таким образом, осуществляется нормирование безопасности на основе научно-технических достижений. Хотя данный подход кажется более предпочтительным, но на самом деле критерий «насколько это возможно при существующем уровне развития» является размытым и сложно реализуемым. Данные соображения определяют то, что на современном этапе развития общества фактически существуют два принципа нормирования безопасности, при которых государство позволяет при продуцировании продуктов определенную степень риска причинения ущерба гражданам, организациям и окружающей среде.

Однако существуют взгляды, согласно которым при правовом нормировании факторов риска причинения вреда в технических регламентах необходимо руководствоваться принципом учета и регламентации только самых существенных факторов, а не всех реально влияющих на безопасность объекта технического регулирования [8]. «Реализация указанных принципов будет способствовать компактности технического регламента и практической реализуемости всех предписанных им обязательных требований», декларируется в [8]. С данными взглядами трудно согласиться, особенно пострадавшим от просто существенных и реально повлиявших факторов.

Обычно выделяют безопасность субъектов и объектов, при этом под безопасностью субъекта понимают отсутствие недопустимого риска уменьшения или уничтожения права субъекта. В ФЗ РФ «О техническом регулировании» безопасность продукции, процессов

производства и т. д. трактуется как состояние, при котором отсутствует недопустимый риск, связанный с причинением вреда жизни или здоровью граждан, имуществу физических или юридических лиц, государственному или муниципальному имуществу, окружающей среде, жизни или здоровью животных и растений.

Состояние является свойством процесса взаимодействия продукта и субъекта, поэтому под безопасностью также понимают свойство, характеризующее способность продукта препятствовать нанесению вреда или ограничивать его величину субъекту, организации или окружающей среде. В этой связи, учитывая, что продукт продуцирования может быть представлен продукцией, процессом продуцирования и элементами среды продуцирования, безопасность должна определяться как свойство продукции (результата, закона), состояние процесса продуцирования и ситуация среды, в которой осуществляется продуцирование, при которых отсутствует недопустимый риск причинения вреда субъектам, организациям и окружающей среде.

Мерой риска может служить показатель $M-H \cdot B \cdot P$, который определяется произведением степени вероятности наступления негатива (Н), временем его воздействия (В) и уровнем его негативных последствий (Р). Если же мы рассматриваем продукты жизнедеятельности целеустремленных индивидов (людей, организаций или программно управляемых устройств), то тогда, кроме вероятности наступления негатива, необходимо рассматривать вероятность обнаружения негатива (брака). Обнаружение брака в продукте на стадии продуцирования позволяет не допустить наступления негативных последствий при использовании продукта, а выявление причин возникновения брака в продукте позволяет осуществлять предупреждающие воздействия по недопущению брака. Кроме того, такой анализ может позволить не только устранять причины брака, но и выявлять причины брака, но при этом необходимо уметь оценивать вероятность появления источников опасности.

Необходимо отметить, что продуценты могут продуцировать неопасные продукты, потенциально опасные продукты и принципиально опасные продукты. Для последних продуктов обязательным является наличие защиты, которая контролируется государством и теоретически или практически должна обеспечивать полную безопасность, т. е. риск нанесения вреда от данного продукта должен быть равен нулю или очень малой величине. Потенциально опасные продукты должны обладать такими значениями их свойств, которые обеспечивают их безопасное использование и контролируются государством.

Таким образом, существуют продукты, которые принципиально не требуют защиты. Поэтому понятие безопасности не сводится только к защищенности. В этой связи безопасный продукт может обладать свойствами защищенности, безотказности и доступности. Существуют продукты, от безотказности и доступности которых зависит безопасность. При этом еще необходимо помнить, что продукт может характеризоваться принципиально различными свойствами пригодности, безопасности и качества.

В теории безопасности выделяют три степени ущерба, в котором может находиться объект: неработоспособное состояние, опасное состояние и аварийное состояние. Неработоспособное состояние характеризуется нарушением обязательных требований (повреждением) и определяется приемлемым ущербом. Опасное состояние возникает в результате происшествия (инцидент) и определяется неприемлемым, но допустимым ущербом. Аварийное состояние возникает в результате аварии и определяется

недопустимым ущербом. Таким образом, можно выделить три степени ущербного состояния объекта: угрожающее, опасное и вредное и тем самым разделить следующие понятия: угроза, опасность и вред. Сам же ущерб определяется как состояние объекта, характеризующее процесс его негативного изменения.

В зависимости от того, где может находиться источник опасности (внутри или/и снаружи защиты), строится защита продукта (объекта). Особенно это важно для информационных продуктов, т. к. сами информационные объекты могут не обладать опасностью, но нарушение системы информационной безопасности, в том числе информационной защиты, может прямо или косвенно привести к негативным последствиям для граждан, организаций и окружающей среды. Таким образом, безопасность граждан, организаций и окружающей среды является функционалом (функцией функции) от действительной или потенциальной опасности продуктов (способности нанести ущерб). Защита (защищенность) в данном случае выступает как свойство объекта, характеризующее способность объекта препятствовать нанесению ущерба или ограничивать его уровень.

В теории безопасности существует понятие «вызов», под которым будем понимать совокупность категорий угроза и вред. При этом будем рассматривать вызов как свойство, которым может обладать только индивид, в частности целеустремленный субъект. Вызов представляет уже не просто угрозу, а угрозу, которая уже нанесла ущерб, хотя бы репутации. Вызов в отличие от угрозы требует отклика, т. к. вызов нарушает определенные нормы. Коррупция представляет собой явный вызов государству, поэтому оно должно на него ответить. Особенность антикоррупционной безопасности заключается в том, что, если мы ее не будем учитывать, то все усилия по соблюдению других видов безопасности, в том числе в соответствии с ФЗ РФ «О техническом регулировании», будут сведены на нет.

Литература

1. Байбеков Ш. А «крыша» все выше // <www. profile.ru>.
2. Рубцов А.В. Реформа системы технического регулирования // <www. tybet.ru>.
3. Опыт антикоррупционной экспертизы проектов федеральных законов // <www. csr.ru>.
4. Южаков В.Н. Презумпция подверженности соблазну // <www. csr.ru>.
5. Александровская Л.Н. и др. Статистические методы анализа безопасности сложных технических систем. М.: Логос, 2001.
6. Аронов И.З. Морально-этические аспекты нормирования безопасности // Стандарты и качество. 2006. № 3.
7. ГОСТ Р 51344-99. Безопасность машин. Принципы оценки и определения риска.
8. Терещенко Л.К. и др. Концепция правового обеспечения технического регулирования // Журнал российского права. 2006. № 6.
9. Рынок надзора // <www. nitr/16.08.2006>.

АРХЕТИП НАРОДНЫХ ПРЕДСТАВЛЕНИЙ В ФОРМИРОВАНИИ НОВОЙ ТИМИЧЕСКОЙ¹ ПАРАДИГМЫ

Ткаченко О. В., кандидат философских наук

При анализе современных социокультурных детерминант чести в России необходимо учитывать, что «проблема формирования общенациональной, интегративной идеи не может быть решена, - как указывает В.С. Стенин, - без осмысления исторического вызова, который сегодня стоит перед страной».

С перспективами постиндустриального развития следует соотносить стратегии и результаты современных российских реформ. К сожалению, приходится констатировать, что в ходе перестройки и современных реформ постепенно был утрачен главный исторический ориентир [1]. Что касается России, на вопрос, какие из идей и лозунгов различной ориентации станут актуальными в стране через 5—10 лет, за какими из них будущее, также наибольшее преимущество получили праволиберальные, правосоциалистические и правопатриотические лозунги. 46,5% видят будущую Россию Великой державой, сильным социальным государством, основанным на возвращении к традициям и моральным ценностям (некий синтез советской и досоветской традиций, как некоторые говорят, «советская власть без коммунистов»). Все остальные варианты «будущего России» носят скорее периферийный характер. Русский изоляционизм также вряд ли способен породить идеологию, даже соединившись с православием и романтикой русского скитальчества, монашества и казачества. Ведь Российское государство в силу занимаемого геополитического положения не сможет остаться в стороне от мировых тенденций глобализации и усилившихся миграционных потоков.

Множественность цивилизационных парадигм в России создает множество трудностей для формирования общенациональной идеологии.

Идеология, по мнению Платона, может быть охарактеризована как «одна царская ложь», которая, как надеялся Платон, может обманывать правителей, но остальных жителей города будет обманывать в любом случае.

При этом основной упор при выработке подобных концепций делается на их универсальности, доминировании ценностей определенного типа, и все же часть общества остается неохваченной или не разделяет предлагаемых взглядов.

Либеральные ценности современных реформаторов не выдерживают верификации консерваторами и т. д. При этом все считают себя патриотами.

¹ Тимос — психологический фундамент таких политических добродетелей, как честь, храбрость, дух гражданственности и справедливость [Платон. Республика], прилаг. — тимический (представления и т. д.).

В этой связи патовая ситуация современного «неозастоя» играет на руку зарождающимся идеологическим концепциям тем, что снижается градус политической напряженности в обществе, и адаптация идей может происходить менее болезненно

Наибольшее значение для нас в этой связи имеет опыт формирования успешной американской идеологии. В основу американской идеологии, как известно, заложены идеи Просвещения. Эта идеология носит ярко выраженный мессианский характер, указывая всей мировой пастве путь движения к сакральным для Америки ценностям. Как писал Вальтер Шубарт о национальной идее, «народ же, который живет только для себя или из любви к себе пытается властвовать над другими, обладает национальной алчностью, но не национальной идеей». С. Булгаков, в свою очередь, считает, что национальная идея опирается не только на этнографические и исторические основания, но, прежде всего, на религиозно-культурные, она основывается на религиозно-культурном мессианизме, в который с необходимостью отливается всякое сознательное национальное чувство.

В связи с поликультурностью Российской Федерации неоднократно говорилось о необходимости выявления базовых ценностей. Советская официальная идеология обнаружила неспособность вариативно отстаивать положительные достижения своего общественного строя и, критикуя дефекты западного, оказалась неподготовленной к массовой идеологической атаке. В стране началась идеологическая паника. Началась беспримерная кампания очернения всего, что касалось советской истории, советского социального строя и коммунизма вообще. Идеологический перелом не ограничился сферой сознания. Представляется, однако, что в Советском Союзе не было предпосылок и оснований для перехода к капиталистическим социальным отношениям и к соответствующим им политическим формам. В массе населения не было никакой потребности в переходе к капитализму.

Либеральные ценности теперь ассоциируются с иноземным засильем и национальным унижением, с циничной (циничной не по-русски) атомизированной властью олигархов и с разобщенностью. Ценности капитализма как эффективного, динамичного, позитивного и уютного (где действительно реализуется принцип «все на благо людей») общества хоть и вызывают уважение на микроуровне и к ним стремятся, но на том же микроуровне они приводят в действие самые низкие и опасные качества национального характера и, вообще, человеческой натуры: зависть, жадность, жестокость, презрение.

На макроуровне же либеральные ценности теперь уже вполне однозначно отвергаются ценностной системой русского народа. Либеральный капитализм в России «пошел», но не прижился. И, кажется, не приживется без внутренней трансформации, возможно, подобной той, что пережил капитализм в дальневосточных культурах, подобной, конечно, не по структуре и направлению, а по самой глубине необходимой трансформации.

Любая идиосинкразия американских тимических представлений воспринимается как «непросвещенность», и в духе Просвещения требуется исправить и наставить на «путь истинный» заблудшую страну, подтолкнув жителя штыком в бок с самыми гуманными намерениями. При этом еще раз особо важно подчеркнуть, американская идеология носит мессианский характер, а «универсальность и непотопляемость» идеологии Америки состоит в том, что все трудности на пути воспринимаются как нечто демоническое, и эта девиация,

отступничество от пути светлого разума мобилизуют американское общество на борьбу с варварами. Мегалотимия¹ Америки, чувство ее исключительности и непогрешимости как раз и состоят в принятии божественного благословения протестантизма как высшей формы религиозного сознания, и, не имея в силу исторических причин корней традиционализма, Америка довольствуется видимыми проявлениями «чистого разума» и общечеловеческими ценностями, скрывая под этим свои экономические и военно-политические интересы. Таким образом, в американской идеологии заложен принцип «непотопляемости». По-большевистски откинув принципы традиционного тимоса старой Европы, Америка живет только разумом, причем для легитимности этот разум сакрализован. «Как можно не любить демократию?» — вопрос, имеющий мессианский оттенок. Как и всякий воинствующий мессианизм, американский обладает комплексом исключительности, и создание новой идеологии на концепции просвещенного мессианства неизбежно вызовет конфликт идеологий.

Вместе с тем, как указывает В. С. Комаровский, «в христианстве, в отличие от Запада, Россия восприняла главным образом духовную, а не деятельную, сторону. Поэтому общественные тимические идеалы, «конечные устремления» постоянно находились в центре общественной жизни, актуализируясь в форме идеи «Москва — Третий Рим, а четвертому не бывать» либо в форме вселенского русского духа (Ф. Достоевский) или в форме мирового коммунизма. Другие российские идеологи отмечали, что в мировоззрении россиян сохранились значительные рудименты дохристианских, архаических верований. Отсюда вера в чудеса, мгновенные и простые решения. Наблюдаемое сегодня повсеместно в России состояние конфликтной ситуации объясняется не только тяжелым материальным положением абсолютного большинства граждан, но и кризисом духовных идеалов, распадом системы основных ценностей, отсутствием объединяющей и национальной идеи, цели государственного развития. Для России это очень тяжелые утраты, ибо на таком фундаменте она стояла веками, в том числе и в коммунистическую эпоху. Лишь поверхностный анализ может удовлетвориться исследованием разных форм насилия как основным фактором, объясняющим стабильность советского общества на протяжении длительного периода.

В основе стабильности лежало принятие подавляющим большинством населения коммунистических идеалов и основных ценностей, которые составляли массовое мировоззрение, определяемое пафосом преобразований, самопожертвования, героизма, гордости за Великую державу.

Патриотическое сознание — не только как априорное тимическое чувство Родины, но и как совокупность интуиции, фольклорно-художественных образов, идей — появилось на Руси почти одновременно с возникновением Киевского княжества.

Понятие Родины сложилось в условиях цивилизации, во взаимодействии с другими ее понятиями, такими как государство, религия, культурно-историческая традиция.

¹ Желание быть признанным высшим, чувство собственного превосходства Ф. Фукуяма предлагает обозначить древнегреческой калькой «мегалотимией». Противоположное желание понимается как «изотимия» — желание получить признание в качестве равного другим [Фукуяма, 282—283].

Вместе они образуют культурно-символический мир, который имеет свои характерные формы, такие как памятники былой славы, национальные мифы — тимические образы, сначала фольклорного происхождения, затем разработанные средствами искусства. К ним относятся также знаки государственно-патриотической символики: знамена, гербы, гимны и многое другое. Символический мир патриотического сознания образует, однако, только верхушку айсберга, каким является образ Родины в сознании соотечественников. Еще глубже, в подсознании, лежит архетип Родины-матери, древний и могучий. В этот глубинный массив входит этноцентризм и, как полагают некоторые ученые, смутный отголосок территориальности наших животных предков. Все вместе образует чувство Родины, интуитивное, слабо оформленное, но имеющее глубокие и крепкие корни.

Новое поколение — поколение романтиков, а не, как следовало бы ожидать, жестоких прагматиков, и на новом витке тимических представлений востребованы любые атрибуты идентификации собственной социокультурной уникальности — от языческой до советской символики и идеологии. Несомненно, сакрализация ценностей и формирование тимической парадигмы имеют несколько этапов, и, прежде чем стать сакральными, ценности должны пройти процесс благородного старения, подобно тому, как мебель, прежде чем стать антиквариатом, становится рухлядью.

Принимая во внимание, что часть общества апеллирует к дефицитным ценностям, следует заметить, что в условиях тотальной рационализации любая иррациональность дефицитна и мегалотимична.

В своей книге «Территория государства» С. Н. Бабурин заключает, что «русская цивилизация предполагает гармоничное сочетание двух элементов: духовного (культурного) и земного (территориального, пространственного). Первый предполагает прежде всего русский язык, русскую культуру, второй — Русскую землю, ту территорию, которую в течение столетий осваивали и защищали русские люди, государственную общность, сложившуюся на этой территории».

Большинство современных идеологических концепций строится таким образом, что исследователь или группа исследователей детально разрабатывают многотомную концепцию, освещающую все стороны жизни общества. Вместе с тем, как подчеркивал А. Ф. Лосев еще в 1918 году, сила и слабость русской философии в ее образности. Это недо- или сверхфилософия, во всяком случае, это особая форма философского дискурса. Подобным образом мы считаем и должна формироваться концептуальная тимическая парадигма. Иногда не стоит разрабатывать всю концепцию в деталях. Подобная детализация может просто привести к выхолащиванию содержимого.

При этом следует учитывать опыт формирования идеологий, как отечественный, так и зарубежный.

Тимические представления в идеологии государства обычно сводятся к поэтизации и сакрализации ценностей и идолов. В этой связи поражают ограниченность современных идеологов и «топорная» работа по формированию сакральных моментов истории. Введя в концепт государственной идеологии возвращенные из небытия имена Минина и Пожарского, власть противопоставила себя обществу, подменив праздник Октябрьской революции событиями многовековой давности, очевидно полагая, что народу все равно по какому

поводу водку пить. Подобного рода подмены должны готовиться на протяжении нескольких лет. Необходимо дать представление о ценности, затем сделать эту ценность массовой, затем сакрализовать ее. Это, как минимум, три этапа. Увы, но реклама любого напитка содержит более продуманную политику, нежели российское государственное строительство. Если современный российский кинематограф находится на подъеме, то можно было бы ожидать исполнение, если не социального, то уж государственного заказа на эпическую картину, как минимум, в духе «Сибирского цирюльника», причем для достижения в новом празднике действительного единения и подмены им ценностей Великой Октябрьской социалистической революции, должна была быть создана множественная трактовка событий в рамках общей идеи. Реализация в разных жанрах восполнила бы сформированные заранее дефицитные потребности гражданского единения.

Вообще в комоды российской истории множество исторических событий и личностей, которые могли бы быть использованы для формирования тимических представлений. Не сакрализован подвиг ликвидаторов аварии на Чернобыльской АЭС, особую тимическую нагрузку мог бы получить День космонавтики, тем самым актуализировав мегалотирию покорителей космоса, подвиг русского народа в Отечественной войне 1812 года. Возникает вопрос, «кому это выгодно?», ведь концепт восприятия русской культуры на Западе сложился давно, а мы все никак не можем заново открыть эти постулаты, смакуя разницу между либерализмом и консерватизмом на уровне отдельной личности.

Не претендуя на создание полноценной российской идеологической концепции, мы предлагаем рассмотреть возможность актуализации образа «матушки-земли русской» как тимической доминанты данной концепции. Прецедентом в данной концепции служит уже использованный в годы Великой Отечественной войны тимический призыв «Родина-мать зовет!» Женское начало выбрано не случайно. Мобилизационно, оно действует гораздо сильнее, чем мужское, апеллируя к архетипам сознания.

На наш взгляд, этот образ имеет в настоящее время неоспоримые преимущества перед американским пан-мессианизмом.

По мнению В. Шубарта, «национальная идея есть нечто большее, чем естественное стремление народа к свободе и могуществу. Она преследует более высокие цели, для которых ей и нужны свобода и могущество. В национальной идее выражается не то, чем нация хочет быть для себя, а то, чем она хочет стать для мира» и далее «истинная национальная идея предполагает мысль обо всем человечестве и является производной именно от этого».

Этот образ апеллирует к традиционным цивилизационным формам, что может служить связующим звеном в противостоянии Запада и Востока. Плюс к тому же заложенная в тимосе толерантность православия добавит обоснованности в концепции традиционализма. За столом международных переговоров России, апеллируя к своей тысячелетней истории, будет гораздо легче исполнять патерналистскую роль в примирении амбиций американского отрока с древним исламом.

Экстенсивность русского тимоса и толерантность православия могут явиться связующим звеном между Востоком и Западом. Легитимность в глазах обоих может быть достигнута признанием древности и принятием России в деятельном формировании поликультурного пространства многополярного мира.

В этой идее фиксируется значимость России и многонациональной российской культуры для всего человечества. Особо следует обозначить включаемые в идею сбережения народа, страны и культуры ценности, ориентирующие на охрану природной среды как общего дома всех населяющих страну народов, на заботу о физическом и духовном здоровье людей, воспитание молодого поколения с ориентацией на духовные ценности и созидательный труд.

Америка постоянно ощущает потребность в рефлексивном тимосе, самоубеждении в правильности своих действий ввиду отсутствия должной исторической преемственности (опять же социальная инерция), придавая своей идеологии мессианский характер. Включая в концепт идеологии патерналистски ориентированного концепта «матушки-земли», американский мессианизм, с его целеуказаниями в образах жизни и мышления, приобретает оттенок отроческого максимализма, заслуживающего снисходительной улыбки и сдержанного поощрения.

Легитимность образа «матушки-земли русской» в глазах граждан легко восстанавливается, ведь до сих пор не может быть решен вопрос о приватизации той самой «матушки-земли», и территориальные границы, как было показано выше, пожалуй, единственное, что объединяет граждан в силу поликультурности современного состояния, а в этносе любого народа земля священна.

Сакрализация земли может положить начало формированию инновационной компоненты сознания в плане природопользования, во всяком случае, сформировать определенное общественное мнение. Несмотря на атомизацию части общества, патерналистская компонента сильна даже в лагерном тимосе, и декларативно-патерналистская установка сильна и в несовременном тимосе.

В межнациональных отношениях родительский тип отношений выбьет стул из-под сепаратизма, апеллирующего к России как к равному себе в культурном плане.

Как указывал И. Хейзинга, играение роли становится важнее, чем сама роль, и в данном случае есть надежда, что на государственном уровне будет мультиплицирована первоначальная идеологическая установка. Даже экстенсивность, как основную черту российской действительности, можно с успехом использовать в идеологических целях патернализма. Экстенсивность в плане инерционности социальных ролей на международной арене вполне соответствует патернализму, образу неторопливого рассудительного, добродушного, в силу своей самодостаточности, родителя, а именно такого рода патернализма ожидает большинство российского населения.

Необходимо воспринимать Россию как свою мать, которая переболела большевизмом, сталинизмом, всеми видами исторических недугов и «-измов» и теперь, не стесняясь, откровенно заявляет об этом, чтобы не стыдливо скрывать свое прошлое, а с достоинством выстоявшей, окрепшей, осознавшей себя иметь право судить, в том числе, и об американском ювенализме. Несомненно, этот патерналистский образ не может покрывать всю существующую действительность, иначе он приобретет черты ретроградства.

Необходимы значительные усилия деятелей культуры, чтобы отразить в едином образе черты древней матушки-Руси, Родины-матери и матрешки. Улыбка скептиков-прагматиков может здесь не учитываться, ведь это как минимум три составляющие российской действительности, и может когда-нибудь российский художник, разгадав улыбку Джоконды, сможет синтезировать образы, придав новую силу этой тимической образности.

Российская воинская слава и маскулинность сильной половины России отнюдь не пострадают и не будут ущемлены, ведь еще В. Шубарт, Н. Бердяев, О. Шпенглер и А. Тойнби относили англосаксонскую культуру к маскулинному типу, а русскую, как и другие восточные, к женскому типу, и это не мешало славе русского оружия — защитников земли Русской.

Как указывает С.Н. Артановский, в современном тимосе много такого, что заглушает голос Родины. Тем не менее, чувство Родины живо в сердцах миллионов русских людей во всех частях света. Но сегодня в нашей стране это чувство находится как бы на перекрестке веры и сомнения. Тысячу лет существует христианская Россия, и все это время наши предки считали Родину священной. Стоит ли поспешно отказываться от этой веры в Родину? Ведь ее поддерживает вся наша культурно-историческая традиция. История говорит нам, что на протяжении своего развития Россия не раз бывала в тяжелом положении — и всегда выходила из него закаленной и сильной. Так будет и на этот раз, но для этого надо, чтобы она стала «крепким домом». Любить Родину, которой стыдишься, — трудно. Для россиян сегодня налицо конфликт идеального образа Родины, который создали наша любовь к ней, историческая память, и нынешней неприглядной действительности. Но если народ почувствует, что положение в нашей стране меняется к лучшему, дела идут на подъем, тогда оживет все то, что «скупое и суровое таилось в нас» (Н. Гумилев), в первую очередь чувство Родины. Патриотическое сознание обретет «второе дыхание» — и новое, современное звучание. В основе его будет право человека на свободный выбор — принять сердцем Родину или ее отвергнуть. Но есть уверенность, что миллионы людей выскажутся «за» — и тогда их сознательное чувство укрепит инстинктивную привязанность.

Все сказанное позволяет сделать вывод о том, что магистральной тенденцией последнего времени является сдвигание некогда «правого» электората «влево», в сторону социал-консервативных тимических ориентаций при одновременном сдвигании некогда «левого» электората, ностальгировавшего по СССР и голосовавшего за коммунистов, примерно в этом же направлении, но, соответственно, вправо, к сильному и социально ориентированному государству, но «без коммунистов». Эта идеология носит достаточно цельный синтетический характер и в наибольшей степени подходит для ведущей политической партии. Современной России нужна сильная и последовательная социал-консервативная партия. Она в случае успешного ее формирования может объединить большую часть нынешних «левых», более трети «правых» и почти всех «русских патриотов».

Таким образом, на международной арене патерналистская матушка-Россия априорно получает мегалотимию сразу в нескольких плоскостях и на нескольких уровнях. Любой исследователь, взяв за основу данную парадигму, может развить эти преимущества, не найдя, кажется, при этом, недостатков. Самое главное, «разобрав по косточкам», детализировав эту концепцию, не лишит ее сакральности, не развенчать сакральное обыденностью, показав «приводные ремни» этого идеологического механизма, дать российскому обществу дополнительную точку опоры для дальнейшего развития.

Литература

1. *Бабурин С. Н.* Территория государства: Правовые и геополит. проблемы. — М.: Изд-во МГУ, 1997.
2. *Платон.* Республика/Платон. Собр. соч. В 4 т.: Т. 4. — М.: Мысль, 1994.
3. *Степин В. С.* Исторический вызов и проблема общенациональной идеи // Реформаторские идеи в социальном развитии России. — М., 1998.
4. *Фукуяма Ф.* Конец истории или последний человек. — М.: АСТ, 2004.
5. *Хейзинга И.* Homo Ludens. - М.: АСТ, 2004.
6. *Шубарт В.* Европа и душа Востока. — М.: Русская идея, 2000.

ГЕНЕЗИС СЕКУЛЯРНОГО ПОЗНАНИЯ: ЦЕННОСТНО-МИРОВОЗЗРЕНЧЕСКАЯ ПАРАДИГМА СЕКУЛЯРИЗМА

*Багдасарян В. Э.,
доктор исторических наук*

Бог умер?

Рефлекторную парадигму модернизационной эпохи в истории человечества составила прокламация тезиса – «Бог умер». Выстраиваемая система нового миропорядка не была, таким образом, религиозно индифферентной. Провозглашение смерти божьей противопоставлялось религиозному догмату о божественном бессмертии. На этой основе конструировалась вся система секулярной культуры. Она несла в себе заряд не столько богоотрицания, сколько богоубийства. Смена знака с плюса на минус предполагало выстраивание контросистемы, переориентацию в религиозном смысле от Бога к его противостоятелю. Новую идейную парадигму секуляризованного мира представляла наука, в своем генезисе она выступала в качестве мировоззренческой антитезы религии, неся, соответственно, в высших ценностных установках императив богоборчества.

Основная проблема футурологической перспективы преломляется через вопрос о замене миростроительской исторической парадигмы смерти божьей парадигмой божьего воскресенья. Операционная задача дискурса о гуманитарном знании видится в данной связи в раскрытии возможностей и целесообразности синтеза религиозного и научного подходов. Такого рода синергичная система, аккумулирующая потенциал религии и науки, составила методологическую основу представленного в рамках доклада анализа. Речь идет в данном случае не о рациональном доказательстве веры, в рамках идущей от аристотелизма и схоластики Фомы Аквинского западной традиции, а, как раз, об обратном. Религия («метафизический выбор»), с одной стороны, задает для науки базовую систему ценностного выбора (априорных предпочтений). С другой, она выступает интегративным по отношению к уровню эмпирики механизмом, модельным принципом глобальных, как в пространственном, так и временном континууме, обобщений. Не наука, как это следовало из томизма, выступает, таким образом, платформой для религии, а религия – для науки.

Религиозными, и даже воцерковленными в рамках традиционного православия людьми, выступали многие выдающиеся ученые прошлого – К.Циолковский, Н.Пирогов, Д. Менделеев, доказывая, по меньшей мере, саму возможность указанного синтеза. Ниже приводится подборка высказываний видных исследователей, представляющих

различные направления научных знаний, указывающих на неоправданность расщепления сфер науки и религии.

Таблица 1. Ученые о вере в Бога

Фамилия ученого	Отрасль наук	Основной вклад в науку	Цитата
Г. Галилей	механика и астрономия	Один из основоположников точного естествознания.	«Священное Писание никогда не может ни лгать, ни ошибаться; изречения Его абсолютны и непреложны».
И. Ньютон	Физика, математика	Создатель классической механики	«Библия содержит в себе больше признаков достоверности, чем вся светская история»; «Мы имеем Моисея, пророков и апостолов, даже самого Иисуса Христа. Если мы не хотим соглашаться с ними, то мы имеем столь же мало извинения, как и иудей».
И. Кеплер	астрономия	Первооткрыватель законов движения планет	Заканчивал свой трактат о строении мира апелляцией к божьему провидению: «Благодарю Тебя, Творец и Владыка, что ты сподобил меня радости восхищаться делами рук Твоих».
Р. Бойль	химия и физика	Один из основоположников химического анализа.	«Сопоставленные с Библией все человеческие книги, даже самые лучшие, являются только планетами, заимствующими весь свой свет и сияние от Солнца».
К. де Геер	ботаника и энтомология	Видный последователь теории К. Линнея.	«Кто поверхностно рассматривает природу, тот легко теряется в безграничном «Все», но кто глубже вникает в ее чудеса, тот постоянно приводится к Богу, Владыке мира».

В. Гершель	астрономия	Основоположник звездной астрономии	«Все человеческие открытия служат для более сильного доказательства истин, находящихся в священных Писаниях».
Т. Карлейль	история и философия	Автор концепции о роли «героев» в истории	«Библия является вернейшим выражением, когда-либо высказанным буквами нашего алфавита, вышедшими из души человека, через которое, как бы через Богом открытое окно, все люди могут посмотреть на тишину вечности и распознать вдали проблеск давно забытого дома».
М.Фарадей	физика	Основоположник теории об электромагнитном поле	В речи на тему о «химическом анализе слезы», уподобил слезу, исходящую от сердца и направленную к сердцу с Библией, исходящей от Бога, и те, кто сам от Бога, слушается ее голоса.
Н.И. Пирогов	хирургия и анатомия	Основоположник военно-полевой хирургии	«Мне нужен был отвлеченный, недостижимо высокий идеал веры. И принявшись за Евангелие, которого я никогда еще не читывал, а мне уже было 38 лет от роду, - я нашел для себя этот идеал».
М. Борн	физика	Один из создателей квантовой механики	«Многие ученые верят в Бога. Те, кто говорит, что изучение наук делает человека атеистом, вероятно, какие-то смешные люди».

А. Эйнштейн	физика	Создатель теории относительности	«Можно с уверенностью сказать, что доктрина личного Бога, управляющего событиями природы, никогда не может быть опровергнута наукой»; «Чем больше наука делает открытий в физическом мире, тем более мы приходим к выводам, которые можно разрешить только верой»; «Я не могу себе представить настоящего ученого, который не обладал бы глубокой верой. Это можно выразить и так: нельзя верить в безбожную науку».
В. Гейзенберг	физика	Один из создателей квантовой механики	«Первый глоток из сосуда естественных наук порождает атеизм, но на дне сосуда ожидает нас Бог».
Д.Ю. Александер	генетика	Создатель гибридов кукурузы с высокой урожайностью и повышенным содержанием белка	«Наука не может проникнуть черед таинственный покров пространственного бытия.... Вера одна проникает туда и находит за ним трон Божества, Которое творит.... бытие».
Э.А. Милн	астрономия	Автор трудов по теории звездных и планетных атмосфер.	Начинал свою книгу о строении Вселенной в соответствии с библейской космогонией: «Вначале Бог сотворил небо и землю».

Дж. Рескин	искусствоведение	Идеолог прерафаэлитов	«Если во всем том, что я написал, есть какая-нибудь ценность, то это потому, что в детстве мать моя ежедневно читала мне места Библии и ежедневно требовала заучивать эти места на память».
Д. Даусон	геология и палеонтология	Исследования геологии и палеонтологии палеозойской эры	«Когда бы кем ни была сделана попытка изобразить историю мироздания, попытка эта не может представить чего-нибудь более высокого и достойного, чем Библейское повествование о творении».
Х.Н. Алайя	химия	Один из выдающихся современных исследователей США в области химии	«Это чудесно, насколько активны члены нашего отдела химии в церковных делах. Это большая неправда, что ученые в большинстве - атеисты».
Ж.С. Дюшезн	физика	Исследователь в области молекулярной физики	«Связь науки с религией никогда не была такой близкой и тесной как в наше время. Ученые, изучающие космическое...

Сколько еще необходимо ссылок на научные авторитеты для того, чтобы отказаться, наконец, от изжившей себя теории разграничения истин религии и науки. А если эти сферы могут быть синтезированы в когнитивном значении, то допустимый может представляться и их синтез в онтологическом плане.

Расщепленное знание: три стадии гносеологической инволюции

Три стадии расщепления когда-то единого и цельного знания отражали процесс смены мировоззренческих парадигм. Древнейший мировоззренческий тип характеризовался универсальной цельностью знания. Нельзя было быть медиком, не будучи астрономом, нельзя было быть астрономом, не являясь при этом теологом.

Вспомним мыслителей прошлого – все они, фактически без исключения, являлись универсалистами. Научная специализированность как противоречащая существовавшему познавательному типу характеристика, была попросту лишена смысла.

Первое расщепление заключалось в деконструкции универсального знания по нишам религиозных учений. Генезис религий определялся адаптацией единых знаний к конкретным условиям этнического бытия: ментальным, расовым, географическим, хозяйственным. Вариативность такого приспособления выразилась в многообразии религиозных традиций. Вместе с тем, посвященные через эзотерику осознавали единство высших знаний. Однако профанизация религий привела со временем к их противопоставлению друг другу.

Сущность второй стадии в расщеплении системы знаний явилось разделение науки и религии. Концептуально оно было оформлено теорией двух истин. Утрата универсальной целостности миропознания выражалась в следующем. Во-первых, за скобки познания оказался выведен весь трансцендентный пласт знаний. Картина мира ограничивалась его материальным измерением. Естественно-научная парадигма, в различных ее модификациях составила методологию миропознания.

Во-вторых, структура познания оказалась сведена исключительно к сфере науки. Между тем, познавательный процесс может быть выражен, помимо научного, в художественном, интуитивном и даже мистическом ракурсах. Мистику следует, наконец, признать одним из видов познания. Однако, для данной познавательной практики логика, да и вообще, рациональная рефлексия, противопоказаны. Классическим примером такого рода познания на Востоке можно назвать медитативный иррационализм дзэн. Мистическая познавательная традиция христианской культуры была представлена, в частности, исихазмом и апофатической теологией. Построенная на апелляции к логике научная система миропознания с мистикой не совместима.

В-третьих, утверждение науки в качестве универсальной познавательной парадигмы не оставляло места для чуда. Последнее стало относиться исключительно к ведению религий. Между тем, чудо не сводимо исключительно к феномену сверхъестественного. Весьма важен связанный с ним аксиологический пласт. Его проявлением в гуманитаристике являются, в частности, идеи уникальности, единовременности, неповторимости. Неокантианская философия соотносила указанные черты с идеографическим методом познания. В противоположность ему в основе естественно-научного дискурса лежат идеи типичности и повторяемости, определяемые через методику генерализации.

Вторая стадия расщепления знаний еще не привела к их окончательной атомизации. Они по-прежнему сохраняли некую целостность. Роль удерживающего каркаса выполняла в данном случае идеология. Она в этот период отнюдь не воспринималась в качестве антипода наук. Напротив, посредством ее разрозненные научные дисциплины складывались в концептуально единую, интегрирующую их систему. По большому счету идеология являлась высшей теоретической стадией исследовательского восхождения. Функциональное назначение наук оценивалось, прежде всего, их потенциальным вкладом в общие идеологические построения.

Третье расщепление знаний определялось парадигмой деидеологизации. Следствием ее явился раскол науки и идеологии, обретших в общественном сознании

положение антиподов. Ввиду того, что построение идеологических конструктов связывалось с гуманитаристикой, деидеологизация означала дисфункцию и утрату смыслового назначения гуманитарных дисциплин.

Процесс деидеологизации знаний протекал по той же схеме, что и осуществленная прежде их секуляризация. Вначале развели науку и религию, затем – науку и идеологию.

В итоге исторически реализованного трехстадиального расщепления сложился современный парадокс. Уровень специализированных знаний населения мира, казалось бы, стремительно возрастает. Однако их цельность при этом неуклонно разрушается. А усеченное знание есть знание деформированное. В силу своей усеченности, оно трансформируется в незнание, приобретает характер заблуждения.

Почему в данном случае избрана регрессирующая, нисходящая линия развития? Это сообразуется с признанием феномена Откровения. Всякое удаление от порождающего некое явление или процесса Принципа объективно ведет к деградации форм его воплощения. Преломляясь в материальном мире, чистая духовность объективизируется, уплотняется, утрачивает в итоге свои имманентные качества. Происходит процесс духовной энтропии.⁴⁸ Изначальный духовно-энергетический потенциал Откровения по мере удаления от своей исходной точки все более растрачивается. Л.Н. Гумилев выразил идею растраты энергии, имея в виду, правда, ее биосоциальное содержание, в концепции об импульсах пассионарности.⁴⁹ Р. Генон писал о «прогрессирующей материализации» мира.⁵⁰ Свет божественного откровения для человека все более тускнеет.

Традиции как форма трансляции знаний

Постижению природы их единства помогает феномен традиций. Именно благодаря появлению традиций стало возможным само формирование человеческого общества. Через них осуществился исторический переход от биологического к социальному состоянию. Традиции выполняли функцию аккумуляции и передачи из поколения в поколение накопленного опыта.

Отсутствие развитой системы трансляторов знания (особенно в условиях дописьменной культуры) обуславливало жесткость традиционного формата, регулируемого механизмами табу и ритуала. Консервация архаического общества выполняла, таким образом, охранительную роль по отношению к зыбкому еще полю трансляции познавательного опыта. Интеграционная миссия и когнитивный универсализм генезиса традиций может быть раскрыт как в рамках религиозного, так и материалистического дискурса.

Естественно-научная объяснительная модель связывает их формирование с распространением магической протонаучной практики. Она представляла собой адаптационный механизм по отношению к природному ареалу обитания соответствующей общности. Тысячелетия такого рода адаптации позволили выработать оптимум бытийных конструктов, проявляемых в самых разных формах: от специфики способов управления до локальных особенностей пищевого рациона.

⁴⁸ Генон Р. *Царство количества и знамения времени*. М., 1994.

⁴⁹ Гумилев Л.Н. *Этногенез и биосфера Земли*. М., 1993. С. 258-298.

⁵⁰ Генон Р. *Кризис современного мира*. М., 1991. С. 15.

По многим параметрам современная наука существенно отстает от уровня магической практики. Достаточно в данном иллюстративном ряду указать на феномены ясновидения, целительства, психоэнергетического транслирования. «Колдун» по сей день может составить альтернативу «ученому». К нему обращаются зачастую в тех случаях, когда средства современной науки оказываются исчерпанными. Многочисленные примеры успехов такого обращения указывают на познавательную неполноту современного научного дискурса.

Второй подход истолкования генезиса традиций соотносится с религиозным миропониманием. Содержательную основу традиционной культуры составляет при данной интерпретации акт божественного откровения. Историософский дискурс задается фигурой «культурного героя», транслирующего человечеству «высшее знание». Задача сохранения полученного свыше откровения определяла специфику социального и политического структурирования традиционного общества. Знания, таким образом, по источнику происхождения дифференцировались на божественные и мирские. Соответственно, выделялись эзотерический, т.е. высший, и профанный, т.е. низший, познавательные пласты. В своей высшей трансцендентной ипостаси знания носили универсальный всечеловеческий характер.⁵¹

Они включали в свой арсенал не только информационный, но и ценностный компоненты, выступавшие как синтезированное целое (синергия этического и феноменологического уровней). Добро и зло едва ли не в каждой мифологической традиции являлось первоуровнем познавательной деятельности человека. Достаточно хотя бы упомянуть мифологему библейского плода познания.

При всей вариативности локальных культов представления о базовых человеческих ценностях в традиционных религиях удивительным образом совпадали. Так, под содержанием десяти христианских заповедей могли бы расписаться представители любой из конфессий. Универсализм высшего познавательного уровня традиционных религий не означал существования единого универсального ученья («брахмавидьи»), о котором говорили теософы. Совпадая на высшем уровне, на среднем и низшем пути познания расходились.

Это согласуется с подходом Рене Генона, объяснявшего различия сакральных форм, вариативностью качеств человеческой и исторической среды, на которую проецируются лучи Единой Высшей Истины. Ядро традиционных учений, в котором преодолевались конфессиональные расхождения, определялось им как «Примордиальная Традиция» или «Изначальное Предание».⁵²

В отличие от современной сетевой модели, структура знания традиционного общества преломлялась через символику пирамиды. Соответственно и традиции пирамидально диверсифицировались по степени своей универсальности. Традиции с большой буквы адресовывались через откровения всему человечеству, выражая его традиционалистское всеединство. На среднем уровне актуализировалась парадигма вариативности божественной репрезентации. Среднеуровневая традиция закрепляла один из возможных путей постижения Бога. Все они были истинны в мировом

⁵¹ Курносков Ю.В. *Тайные доктрины вчера и сегодня (Эзотеризм как культурно-исторический феномен)*. М., 1996.

⁵² Генон Р. *Избранные произведения*. М., 2004.

человеческом масштабе. Но в локальном континууме истинность имела монистический характер. Уместно говорить в этом отношении о традиционалистском плюрализме миропознания. Современная плюрализация осуществляется в принципиально ином формате, будучи соотнесена с методологическим индивидуализмом, при системной монистичности и даже унификаторстве. Напротив, домодернистский плюрализм был плюрализмом систем, но не плюрализмом индивидуумов. Среднеуровневые традиции выступали историческими конструктами интеграции цивилизационных общностей. Не случайно, что модернистская детрадиционализация обернется на практике энтропией цивилизаций.

Наконец, традиции третьего типа связывались с микроуровневым масштабом измерения. Они закреплялись, главным образом, на уровне повседневного бытия, смыкаясь с обрядовой практикой и заповедными нормативами. Разрушение традиций и энтропийная профанизация приводили повсеместно к трансформации локальных знаний в суеверия. Степень вариативности путей познания естественно возрастала, соотносясь с природно-средовыми локалитетами. Веками вырабатывались оптимальные семиотические пропорции, составляющие локально-этническую символику. Архитектура, аранжировка помещений, одежда, пища закреплялись традицией по принципу их наибольшего благоприятствования специфике антропологической природы и географической среды. Если традиции первых двух уровней выражались главным образом через религиозный и мифологический пласт познания, то для третьего была характерна ниша магического опыта. Противопоставлять религию и магию, как это часто делается в рамках теологической критики народных суеверий, гносеологически некорректно. Различие между ними есть не различие учений, а уровней познания.

Идея потенциальной возможности синтеза науки и магии высказывается далеко не впервые. Еще Н.А. Бердяев, выстраивая проекцию «нового средневековья», провозглашал: «Будет восстановлена космическая иерархия, и человек займет свое царственное место в живой природе. Человек будет властвовать над иерархией природных духов не путем корыстного разъединения, а путем любовного соединения. Магия тем и отличается от науки и техники, что для нее природа всегда одухотворена и что она вступает в общение не с механическими силами, а с природными духами, будь то демоны или духи светлые. Когда вернется великий Пан и природа вновь оживет для христианского мира, тогда неизбежно возродится и магия. Наука и техника переродятся в магию, будут познавать живую природу и вступят в практическое общение с духами природы. Магия станет светлой».⁵³

Сакрализации в традиционном обществе подвергался не только процесс обучения, но и фигура носителя знаний. Учитель являлся для учеников высшим духовным авторитетом. Не случайно, педагогическая деятельность относилась к прерогативе жрецов. Зачастую учитель по факту духовного родства почитался выше кровных родителей. Ему приносились клятвы верности. Дуальная связка – учитель – ученик составляет основу большинства религиозных традиций. В секулярном обществе она разрушается, будучи заменена отношениями клиентизма. Учащийся перестает быть учеником в прежнем сакральном смысле и становится клиентом.

⁵³ Бердяев Н.А. *Философия свободы. Смысл творчества*. М., 1989. С. 517.

Религиозная форма обучения предполагала эксклюзивную методику передачи знаний. Эксклюзивный характер носила, в частности, образовательная модель оккультной платоновской Академии, тогда как аристотелевский Лицей в большей степени соответствовал принципам обучения монтеневской школы нового времени. Знаниям не обучались, а в них посвящались. Система инициаций обуславливала восприятие образовательных учреждений в качестве храма. Профанизация знаний явилась обратной стороной секуляризации школы.⁵⁴

Впрочем, и современная секуляризационная образовательная модель имеет под собой религиозные основания. Она определяется протестантской мировоззренческой парадигмой. Гражданской Церкви соответствует светское образование. Тезис о «всеобщем священстве» преломляется в секулярном статусе учителя. Он уже не посредник с трансцендентным миром, а светский педагог – моралист. Всеобщее священство предполагает всеобщую грамотность, ибо каждый верующий должен уметь читать Библию. В результате эксклюзивно-эзотерическая система образования упразднялась. Не случайно, впервые модель тотального образования была апробирована в лютеранской Швеции.

К настоящему времени система обучения наукам, как суммарным знаниям по определенным аспектам бытия, себя исчерпала. Обучение не поспевает за динамикой научного приращения. Существуют пределы усвоения учащимися эмпирического материала. Рано или поздно образовательная критическая масса будет превзойдена (симптомы к чему уже обнаруживаются). По-видимому, эра сциентизма подходит к своему завершению.

Химеры религиозных расколов

Противники традиции немало сделали для внесения раскола в ряды ее адептов. Традиционалистские силы искусственно противопоставляются друг другу, провоцируются к взаимной конфронтации. Многовековая история их борьбы исчисляется многочисленными жертвами и разрушениями, исключая, казалось бы, возможность для взаимного примирения. Примером такого противостояния может служить антагонизм монотеистических религий по отношению к язычеству. Языческая картина мира преднамеренно примитивизировалась, будучи сведенной исключительно к многобожью. В действительности же политеизм не являлся универсальной чертой древнейших религиозных культов. Даже у восточных славян многобожие сочеталось с мифологемой о Роде, выступавшим единым аккумулярованным воплощением всего теологического измерения. Да и само понятие «язычество» сродни дефициям «варварство» или «дикость». Оно выступает как своеобразный маркер, используемый одной религиозной традицией (в данном случае авраамическими религиями) для негативизации и сведения к одному знаменателю всего национально-племенного многообразия конфессиональных форм. Однако усилия воинствующих богословов по искоренению языческих пережитков не достигли желаемого результата. В реальности под вывеской монотеистических конфессий сложился религиозный синтез нового учения с языческой традицией. Сам факт их слияния доказывает общность традиционалистской мировоззренческой парадигмы. Характерно, что единение достигалось как на уровне повседневного

⁵⁴ Холл М.П. *Энциклопедическое изложение масонской, герметической, каббалистической и розенкрейцеровской символической философии. Новосибирск, 1993.*

ритуально-мифологического рационализма, так и высшего эзотерического миропонимания.

Другим примером гиперболизации антагонизмов явилось историческое противостояние христианской и исламской цивилизации. Известно, что к войне за веру против мусульман дипломатически подталкивалась Западом Россия. Новая мировая война предсказывается в формате разлома христианского и исламского мира. В действительности, точек соприкосновения между ними гораздо больше, нежели противоречий. Базируясь на единой платформе авраамизма их близость друг к другу с особой наглядностью выступает при сравнении с буддистским или даосским культурными типами. Несторианская версия христианства, базирующаяся на представлении о Христе, как величайшем пророке (но не богочеловеке), могла бы быть интерпретирована как протоислам. В сложившееся современное клише религиозного раскола мира не укладываются фиксируемые в традиционном мире факты двухконфессиональной идентичности. Известны случаи самоидентификации верующих одновременно в качестве адептов учения Христа и Мухаммеда, Христа и Будды.

Постижение союза традиционных религий означало бы крах инфернальной проекции развития мира. Вместо противостояния друг другу они перешли бы в единую оппозицию к таящей угрозу для каждой из них секулярной модели мироустройства. Осознание угрозы такого сценария привело к корректировке формата глобализации. В последние годы версия единого унифицированного по либеральным канонам глобализированного мира все настойчивее модифицируется в направлении принятия концепта в новом глобальном проекте роль своеобразного третейского судьи конфликтующих друг с другом локальных цивилизаций. За ним закрепляется ниша геополитически изолированного пространства материального благоденствия.

Традиционализм представляет путь солидаризации традиционных конфессий. Традиционалистский концепт основывается на постулате: «У каждого народа свой путь к Богу». Это не означает ни унии, ни какого бы то ни было религиозного компромисса. Ни один из народов не отрекается от своей веры, но и не попирает как ложные другие традиционные верования. Конфессиональное единение достигается перед угрозой глобальной экспансии безрелигиозной (или квазирелигиозной, имея в виду неоспиритуалистические модернистские культы) системы мироустройства.

Еще в профетике Вл. С. Соловьева обыгрывался сюжет о примирении в борьбе против Антихриста православных, католиков и протестантов, богословские противоречия между которыми, казалось бы, неразрешимы.⁵⁵ Такая же парадигма единения может быть выдвинута и в отношении иных традиционных конфессий. Соотнесение «нового мирового порядка» с «антихристовым царством» находит соответствующее преломление не только в христианской апокалиптике, но и, с определенными модификациями, в эсхатологизме едва ли ни всех цивилизационнообразующих религий. К примеру, в исламской традиции «малахим» изоморфный характер имеет цикл предсказаний о грядущем царствовании Даджжала.⁵⁶

Традиционалистская универсализация знаний имеет принципиальные различия с теософской «тайной доктриной». По большому счету, теософы не являлись

⁵⁵ Соловьев В.С. *Три разговора о войне, прогрессе и конце всемирной истории*. М., 2002.

⁵⁶ Бурханий Д. *Махди и Антихрист // Конец Света (эсхатология и традиция)*. М., 1997.

традиционалистами. Их умонастроениям в большей степени соответствовала идентификация в качестве революционеров. Сутью теософской инверсии являлась замена христианской традиции, к которой они имели в целом негативное отношение, на традицию эзотерического буддизма. Консервативные начала жизни категорически отвергались. Теософы призывали к упразднению институтов традиционного общества, к отмене сословий и даже к ликвидации народностей. Возможно даже говорить о фобиях, репродуцируемых в теософской среде в отношении традиционных сторон народной культуры. «Народы, - писала с ненавистью Е.И. Рерих, - неграмотны и покрыты вонью и мерзкими насекомыми. Какой из ветхих предрассудков оплакивать? Весь сундук насекомых надо сжечь».⁵⁷

Бунт профанного уровня: антиэзотерика модернизма

Поддержание системы эзотерических знаний соотносилось с иерархической структурой организации общества. Демократия, как сетевая модель, соответствует иному принципу – всеобщности знания. Энтропийная деградация традиционных структур приводила к дезавуированию образа «держателей истины».

Десакрализация высшего знания являлась одним из ведущих мотивов феномена «восстания масс». Его первые прецеденты обнаруживаются задолго до наступления эпохи Нового времени. Компонент охлократического бунта присутствовал в частности при утверждении парадигмы мировых религий. Истинность эзотерического посвящения ставилась под сомнение. Вера впервые противопоставлялась знанию. «Нищие духом» оказывались ближе к Господу, нежели эзотерики. Это было первым симптомом расщепления единой познавательной модели.

Происходившую гносеологическую трансформацию можно охарактеризовать как «бунт профанного уровня». Всеобщность божественного откровения воспринималась через утверждение его одноуровневости. Путь нисхождения от эзотерики к экзотерике, а от экзотерики к профанной сфере предполагал следующим шагом переход к системе секулярного мира. Именно такая историческая логика будет определять суть протестантской трансформации. Сначала через критику индульгенций дезавуируется католический иерократизм. Далее выдвигается императив «всеобщего священства» («каждый сам себе священник»). В протестантских и постпротестантских сектах это выражается в утверждении индивидуализма религиозного опыта. А поскольку конфессиональное единство общества уже отсутствовало, утрачивалась и легитимность сакральной традиции. Секуляризм и лаическая модель построения общества становились итогом произошедшей исторической инверсии.

Однако, возвращаясь от протестантизма к первохристианству, очевидным становится отсутствие секулярной предопределенности при актуализации модернизационных потенциалов. Новации нового, интернационального по своей сути учения, существенно поколебав устои традиционного общества, не привели к отрицанию его базовых основ. Традиция сакрального знания была сохранена. Средние века представляли в этом отношении сложную синтетическую модель. С одной стороны, благая весть христианской веры имела доступность для всех и каждого, вне зависимости

⁵⁷ Рерих Е.И. *Агни Йога*. СПб., 1993. Кн.3. С. 46.

от индивидуального опыта гнозиса. С другой, за ширмой общей доступности сформировался феномен эзотерического христианства.

Культ христианских святых сочетался с почитанием Гермеса Трисмегиста. Его изображения в композициях соборных фресок были распространены по всей средневековой Европе.⁵⁸ Теоретик догмата Троицы св. Климент Александрийский писал о существовании наряду с письменной, устной христианской традиции, передаваемой ограниченному кругу верующих. И Климент, и Ориген разграничивали общедоступный опыт веры и религиозную тайну посвященных.⁵⁹

Однако эзотерическая и социальная иерархия уже не совпадали. Хранители традиций высшего посвящения далеко не всегда находились на вершинах иерократической лестницы. Эзотерика вытесняется на периферию церковной жизни. Чаще она даже оказывается представлена в рамках различного рода религиозных движений, таких как, к примеру, исихазм. Отделение сакрального знания от официальных институтов истолкования и хранения традиций явилось в долгосрочной перспективе одним из факторов деконструкции традиционалистской познавательной модели.

Миф о Ренессансе

Секулярное общество формирует собственную мифологию. Одним из его базовых мифов является миф о Ренессансе. Сложилось устойчивое клише об эпохе Возрождения, как высшем проявлении освобожденного от средневековых пут свободного человеческого духа. Акцентировалось внимание на блестящих плеядах поэтов, художников, скульпторов, при игнорировании общего контекста их деятельности. Между тем, пропаганда возрожденческого гуманизма коррелировала с небывалым для христианской Европы уровнем духовного разложения общества. Для реконструкции данного состояния достаточно обратиться к свидетельству Николо Макиавелли: «Ныне же никто не может искупить крайней нищеты, гнусности и позора: в тиранах сих не почитается религия, не соблюдаются законы и отсутствует армия; теперь они замараны всякого рода мерзостью. И пороки их тем более отвратительны, что больше всего они гнездятся в тех, кто восседает *pro tribunali*, кто командует другими и кто желает быть боготворимым».⁶⁰

Гиперболизировалась плотская сторона человеческой природы. Духовная парадигма средневековой культуры подменялась сензитивной парадигмой культуры Возрождения.⁶¹

Гуманизм Возрождения обернулся в повседневной жизни ренессансного человека тривиальным эгоизмом, близким к солипсической патологии. Э. Фромм реконструировал психологический тип людей эпохи Ренессанса следующим образом: «Они пользовались своей властью и богатством, чтобы выжать из жизни все радости до последней капли; но при этом им приходилось применять все средства, от психологических манипуляций до физических пыток... Все человеческие отношения были отравлены смертельной борьбой за сохранение власти и богатства. Солидарность с собратьями или, по крайней мере, с членами своего класса сменилась циничным

⁵⁸ Страден Д. *Герметизм. Сокровенная философия египтян*. СПб., 1914.

⁵⁹ Фаликов Б.З. *Европейский оккультизм и религии Индии // Дискурсы эзотерики (философский анализ)*. М., 2001. С. 172; Генон Р. *Христианство и инициация // Конец Света (эсхатология и традиция)*. М., 1997; Дугин А.Г. *Метафизика Благой Вести (православный эзотеризм)*. М., 1996.

⁶⁰ Макиавелли Н. *Сочинения*. СПб., 1998. С. 187.

⁶¹ Амбелен Р. *Драмы и секреты истории. 1306-1643*. М., 1992. С. 38, 69.

обособлением; другие люди рассматривались как «объекты» использования и манипуляций, либо безжалостно уничтожались, если это способствовало достижению собственных целей. Индивид был охвачен страстным эгоцентризмом, ненасытной жадой богатства и власти».⁶² Своеобразную роль Нового Вавилона, ныне адресуемую США, в ренессансную эпоху брала на себя Венеция.⁶³

Религиозный вызов возрожденческого гуманизма заключался в уподоблении человека Богу. От идеи богоподобности европейский человек перейдет затем к идее богоборчества. Обожествление человека в Ренессансе осуществлялось не в виде его одухотворения, а в превознесении на уровень Бога собственной человеческой природы. Наиболее иллюстративно такой подход афористически раскрывается в творчестве представителя флорентийских платоников XV в. Марсилио Фичина. Слова проводимой им апологии человека вполне могли бы стать манифестом богоборчества: «Человеческое могущество почти подобно божественной природе; то, что Бог создает в мире своей мыслью, человеческий ум замышляет в себе посредством интеллектуального акта, выражает посредством языка, пишет в книгах, изображает посредством того, что он строит в материи мира... Человеку нужно небесное могущество, чтобы подняться до неба и измерить его... Человек не только использует стихии для служения ему, но, чего никогда не делает животное, он покоряет их для своих творческих целей. Если божественное проведение есть условие существования космоса, то человек, который господствует над всеми существами, живыми и не живыми, конечно, является некоторого рода Богом».⁶⁴ Характерно, что А.Ф. Лосев интерпретировал Ренессанс в качестве проекции идеи титанизма. Титанизм же в свою очередь соотносился с докосмологическим миром хаоса, первозданным бесформенным материальным субстратом.⁶⁵

Секулярные врата Зла: инфернальная парадигма секулярной инверсии

Немецкий традиционалист К. Шмитт определял в свое время сферу политики (*das Politische*) как реальность, начинающуюся с определения образа врага.⁶⁶ То же самое можно сказать о генезисе цивилизаций. Без конкретизации понятия Зла не может быть постигнуто и Добро. Напротив, при деактуализации образных характеристик антимира (антисистемы) происходит процесс цивилизационной энтропии. Опыт становления и гибели мировых империй, включая СССР, в этом плане весьма иллюстративен.

Секулярная культура нивелирует проблему идентификации зла. Традиционные добродетели, если и ставятся под сомнение, все-таки номинально входят в общий дидактический арсенал современного человека. Однако Добро невозможно без выделения антагонистичной по отношению к ней категории Зла. Но что есть Зло для современного секулярного общества? Прелюбодеяние, содомия, мошенничество, корыстолюбие, праздность, эгоизм – все эти пороки открыто и акцентировано популяризируются современными средствами массовой информации. Вопрос об их греховности индивидуально относителен. А об инфернальной подоплеке – вообще не

⁶² Фромм Э. *Бегство от свободы*. М., 1995. С. 49-50.

⁶³ Бек К. *История Венеции*. М., 2002.

⁶⁴ Лосев А.Ф. *Эстетика Возрождения: Исторический смысл эстетики Возрождения*. М., 1998. С. 333.

⁶⁵ Буркхардт Я. *Культура Италии эпохи Возрождения*. М., 1996; Лосев А.Ф. *Эстетика Возрождения: Исторический смысл эстетики Возрождения*. М., 1998; Андреев М.Л. *Культура Возрождения // История мировой культуры: Наследие Запада*. М., 1998.

⁶⁶ Дугин А.Г. *Философия политики*. М., 2004. С. 369-370.

идет речи. Что же до Мирового Зла, то сама проблема такого рода в сознании секулярного общества отсутствует. Сама ее поставка облекается в формы гротеска, эпатажа, психо-социальных девиаций, фобий и маний.

Тенденция нивелировки Зла обнаруживается уже в католической схоластике. Учение о высшем предопределении идентифицировало Зло в качестве компонента божественного замысла. При мегапроектном рассмотрении оно, приобретало, таким образом, черты добродетели. Католическая теодицея дошла до поставки вопроса о субстанциональном отсутствии зла в природе. В протестантизме данная тенденция только усилилась. Для просветительского пантеизма сама постановка вопроса об inferнальном зле бессмысленна. Итогом трансформаций явилось формирование секулярного христианства. Его принципиальное отличие от традиционного христианского учения заключалось в купирование сюжетной линии о приходе Антихриста. А христианство без апокалиптики – это уже антихристианство. Наибольшую рефлексию проблема Мирового Зла вызывала в православие. Возможно, именно поэтому российская цивилизация гораздо в большей степени, нежели Запад, внутренне отторгала путь секуляризации, противопоставляя ему исторически различные формы идеократии. Итак, секулярная культура есть система, впервые в мировой истории выстраиваемая вне координат добра и зла. По существу это означало то, что мир отдается на откуп Злу. Реализуется манихейская модель миростроительства.

Явно диссонировала с традиционным религиозным пониманием секулярная схема репрезентации исторического процесса. Вектор хода истории сменился на противоположный. Учение о прогрессе выступало в качестве отрицания историософии апостасии. Современной модификацией прогрессизма выступает теория модернизации. В модернизационной схеме не находится места ни для грехопадения, ни для апокалиптики, ни для второго пришествия. Человеческий план раскрытия истории оказывается, таким образом, принципиально отличным от теологического плана (та же парадигма двух истин).

Но за секуляризованной «очеловеченной» моделью исторического процесса обнаруживается прообраз иного мира. Если бы Люцифер задумал написать собственную версию всемирной истории она, очевидно, предстала как концепция прогресса. То, что ранее называлось отпадением от Бога, было теперь определено понятием прогресса. Генезис формирования нового концепта корреспондировался с эзотерикой учений, позиционирующихся на буферном пространстве между традицией и контринициацией. Так, в кабалистике утверждался новый по отношению к традиционному подходу, императив преобразования мира. Данная установка, преломляясь через Каббалу, составила парадигму алхимической философии трансмутаций. Исследования алхимиков таили в себе социально-политические выводы: пролетарский металл - свинец (Сатурн) превращается в аристократический - золото (Солнце), что достигается посредством привлечения ртути – Меркурия, обозначаемого красным пентаклем (пятиконечной звездой). Принцип сохранения впервые замещался на принцип модернизации.⁶⁷

⁶⁷ Рабинович В.Л. *Образ в зеркале алхимии*. М., 1981; он же. *Алхимия как феномен средневековой культуры*. М., 1979; Морозов Н.А. *В поисках философского камня*. СПб., 1909; Жеребцов А. *Тайны алхимиков и секретных обществ*. М., 1999; *Великое делание: теория и символы алхимии*. Киев,

Не случайно, что распространение интереса к кабалистике в европейской элите было связано, прежде всего, с именем Пика дела Мирандолы. Именно он, как известно, первым апробировал применительно к историческому процессу вместо схемы апостасийного регресса, модель стадияльного восхождения.

Сообразно с учением Каббалы, Пика дела Мирандола переосмысливал традиционный христианский взгляд на вопрос о человеке как образе и подобии Божьему. Пропагандист гуманизма писал, что человек сам конструирует свой образ в соответствии с самим же им избранными формами. Идея человеческого самоконструирования представляла вызов по отношению к традиции божественного сотворения. Человек, пояснял Мирандола, может «переродиться в низшие, неразумные существа, но может переродиться по велению своей души и в высшие, божественные».⁶⁸ Посредством «чистого разума» он способен стать ангелом и даже подняться еще выше... А выше ангелов находится только Бог. Патетика гуманистического антропоцентризма сводилась, таким образом, к предвечной тематике люциферового уподобления Демиургу. Люцифический замысел реализовывался опосредованно, через возвеличивание до уровня теургических сфер человеческого «Я».⁶⁹

Левополушарное сознание: одномерность рационализма

Научное познание имеет в своей основе рациональную природу, религиозное – мистическую. Для каждого из них характерен определенный психофизиологический тип человека. При сведении проблемы к антропологическому рассмотрению рационалистами становятся, главным образом, люди левополушарной организации, мистиками – правополушарной. Правоориентированный тип мышления характеризуется образностью, холистичностью (целостностью), интуитивностью, левое – вербальностью, последовательностью, аналитичностью. В действительности асимметрия головного мозга крайне редко представлена в «чистом» антропологическом выражении. Мышление конкретного индивидуума конструируется как сложный синтез «право» и «левополушарных» свойств. Ментальное содержание исторических эпох формировалось во многом из факта долевого представительства «рационалистов» и «мистиков». Очевидно, что определяемый парадигмой рационализации переход к модели секулярного общества нового времени коррелировал с вектором доминанции человека «левополушарного» типа.⁷⁰ Чем же задавалась данная антропологическая инверсия? П.Ю. Черносвитов оценивает резкое возрастание численности «левополушарников» в XVII-XVIII вв. как каузально необъяснимую трансформацию.⁷¹

При реконструкции исторически меняющихся картин мироустройства, как правило, игнорируется двухосновная биосоциальная природа человека. Между тем, изменение средовых условий существования вида *homo sapiens* не могло не отразиться на уровне

1995; *Теория и символы алхимиков*. М., 1995; Лу Куань Юй. *Даосская йога: алхимия и бессмертие*. СПб., 1993; *Алхимии золотые сны*. М., 1995.

⁶⁸ *История эстетики. Памятники мировой эстетической мысли*. М., 1962. Т.1. С. 507-508.

⁶⁹ Баткин Л.М. *Итальянские гуманисты: стиль жизни, стиль мышления*. М., 1978. С. 99.

⁷⁰ Аршавский В.В. *Межполушарная асимметрия в системе поисковой активности*. Владивосток, 1988; Блум Ф., Лейзерсон А., Хофстедтер Л. *Мозг, разум и поведение*. М., 1988; Брагина Н.Н., Доброхотова Т.А. *Функциональные асимметрии человека*. М., 1981; Ротенберг В.С., Аршавский В.В. *Межполушарная асимметрия мозга и проблема интеграции культур // Вопросы философии*. 1984. №4.

⁷¹ Черносвитов П.Ю. *Картина мира и типы мышления // Цветущая сложность: Разнообразие картин мира и художественных предпочтений субкультур и этносов*. СПб., 2004. С. 102-123.

психофизиологической организации. Дисциплинарная самоизоляция различных сфер научного знания не позволяет в должной мере учесть в формате ментальной истории вызовы природной среды. Проведение такого рода соотнесения позволяет обнаружить удивительно точное совпадение рациональной инверсии перехода к новому времени с резким глобальным изменением климата.

Именно на XVII-XVIII вв. пришелся временной интервал «малого ледникового периода». Регулярно покрывалась льдом Темза. Под ледяным покровом оказывались иногда даже Босфор и Адриатическое море. «Русская зима» никогда не была столь же суровой как в XVII-XVIII вв. Фиксировались случаи смерти от переохлаждения в результате неожиданно начавшихся заморозков в летние месяцы.

Средние века были значительно теплее. Активная торговля по Белому морю, колонизация викингами Исландии и Гренландии, волновое расширение в северном направлении христианской ойкумены – все это соотносилось со специфическими условиями средневекового периода. Да и русское государство могло возникнуть на территории прежней приледниковой зоны только вследствие совпадения процесса ее генезиса с благоприятным климатическим трендом.

Возможно предположить также наличие прямой факторной зависимости колебаний годовых изотерм с доминированием того или иного типа мышления. Понижение температурной нормы соотносилось с ментальным кодом рационализма, повышение – мистики.

Очевидна зыбкость выстраивания теоретической конструкции на основании только одного, пусть и удивительно точного в хронологическом отношении, совпадения соотносимых феноменов. Верификация выдвинутого предположения обуславливает постановку задачи идентификации по климатическим и ментальным параметрам изоморфных историко-временных интервалов. Второй по удаленности «малый ледниковый период» пришелся на VII-IV вв. до н.э. Именно на этот интервал, следует напомнить, экстраполировал К. Ясперс понятие «осевого времени» (800-200 гг. до н.э.). Как и XVII-XVIII столетия «малый ледниковый период», пришедшийся на эпоху античности, ознаменовался стремительным распространением в популяциях носителей «левополушарного» сознания. Именно этот обозначенный временной интервал четко фиксировал границы исторической феноменологии древнегреческой философии.⁷²

Оба наиболее резких и долговременных похолодания за период фиксированной истории человечества обернулись в ментальном плане ростом рационализма, закладывающего платформу для научного миропознания. Напротив, современное вступление в фазу глобального потепления, вероятно, будет сопряжено с трендом развития мистических компонентов мышления.

Современная познавательная модель выглядит по отношению к познающему субъекту одномерной. Мыслители древности полагали, целостное познание как синтез аполлонического и дионисийского пути. Достижение гармонии представлялось возможным в сочетании рационального и иррационального начал. Наука сознательно самоограничилась спектром радио. Причем, рациональность мыслилась не в

⁷² Барченко Е.П., Пасецкий В.М. *Тысячелетняя летопись необычных явлений природы*. М., 1988; Латов Ю.В. *Парадоксы производственной силы природы // Что нового в науке и технике*. 2005. №5. С. 79-86; Соломина О.Н. *Горное оледенение Северной Евразии в голоцене*. М., 1999.

аполлоническом ключе, как мистифицированная эстетика катарсиса, а в исключительно приземленном ракурсе.

Дионисийская же составляющая в науках попросту невозможна. Отсутствуя в методологии научного познания, она, впрочем, проявляется через феномен эвристических озарений, без которых ни одно из великих открытий мира не могло бы состояться. Однако сам дионисийский путь познавательной практики принципиально выведен за скобки исследовательской деятельности. На ряд характерных для традиционного общества методов иррационального познания был наложен маркер социальных девиаций. К таковым, например, оказалось отнесено широко используемое в магической практике солнечных мистерий алкогольное самопостижение глубин человеческой психики. В этом смысле традиция ударных доз питья русского народа во многом объяснимо особой мистической парадигмой российской цивилизации. Пьянство русского человека метафизично. В отличие от европейца, он пьет не для того, чтобы улучшить кровообращение, а заглянуть в бездну трансцендентного хаоса. Ту же медитационную роль в ряде культурных традиций стран Востока играло курение наркотических трав. Конечно, речь не идет об апологии данных форм познавательных практик. Полярные примеры сознательно приведены для расширения существующего спектра осмысления феномена познания.

Теория «двух истин» была дуальна лишь по названию. В действительности в ней утверждалась монистическая модель одномерного мира. Речь применительно к секулярному обществу шла не о легитимизации и разграничении сфер двух путей познания – рационального и мистического, а репрессивности первого по отношению ко второму.

Протест Ф.М. Достоевского против тоталитарной рассудочности составлял лейтмотив развития русской аксиологической альтернативы секуляризму. М.Фуко писал о тоталитаризме западной рациональности. В вину рационализму ставился геноцид иррациональных сторон человеческой экзистенции. «Репрессивный разум, - пояснял эту оценку А.С. Панарин, - источник тотальной рационализации - берет на подозрение все спонтанные проявления жизни; все то, что не находится под знаком функции, не подчинено «рациональному проекту», подлежит безжалостному выкорчевыванию. В отличие от традиционалистских видов репрессии, направленной против врагов, рационалистическая репрессия направлена против всего того, что живет само по себе, вне генерального плана и рационально организованной функции. Средневековая культура терпела всякого рода скитальцев, странников, нищих, равно как и неутилитарных созерцателей и мечтателей, уединяющихся в монастырских или университетских кельях. Новая система тотальной выбраковки негодного человеческого материала, возникшая в XVIII веке, стала тестировать людей на рациональную пригодность».⁷³

Естественнонаучная картина мира: сужение горизонтов познания

Естественная наука отнюдь не сразу приобрела черты науки секулярной. После первой волны ее институционализации в шестидесятые годы XVII в., она испытала даже период гонений. Фактически к концу столетия естественные науки еще имели статус

⁷³ Панарин А.С. *Православная цивилизация в глобальном мире*. М., 2002. С. 58.

эзотерической доктрины. Они, возможно и далее сохраняли бы такое положение, если бы не PR акция, связанная в Англии с открытиями И. Ньютона, а во Франции – с деятельностью президента Академии Ж. Фонтанеля.⁷⁴ Наименование «академик» было тождественно понятию «еретик».⁷⁵ Традиции такой идентификации восходили к св. Августину, выступившему в свое время с трактатом «Против академиков».

Первые теоретики философии науки подчеркивали комплексность научного пути познания. Знания первоначально мыслилось лишь в синтезе дисциплин. О дисциплинарно изолированном знании в XVII – XVIII вв. речи еще не велось. «Вся философия, - указывал Р. Декарт, - подобна как бы дереву, корни которого – метафизика, ствол – физика, а ветви, исходящие от этого ствола, - все прочие науки, сводящиеся к трем главным: медицине, механике и этике».⁷⁶ В дальнейшем же ветви стали восприниматься как самостоятельные организмы. Утрачивалось понимание их места в единой системе и зависимости от других частей.

Итогом логического развития теории «двух истин» явилось сужение спектра познания границами Природы в ее сугубо материальном истолковании. Характерно, что бэконовский «Новый Органон» открывается афоризмом непосредственно адресованным против религиозной модели познания: «Человек, слуга и истолкователь Природы ровно столько совершает и понимает, сколько он охватывает в порядке Природы: свыше этого он не знает и не может ничего».⁷⁷ От расщепления единого познавательного постижения мира, ограничивающегося теперь исключительно материальной сферой, оставался один шаг до собственно материалистической концепции космогенеза.

Этот шаг был уже совершен в трудах Френсиса Бэкона. В противоречии с традицией христианского креационизма он утверждал первопричинность материальной субстанции, оценивая данный тезис как «величайшую из всех когда-либо высказанных» идейных позиций. «Эта первичная материя и ее специфические силы и действия, - формулировал Бэкон новую познавательную парадигму, - не могут иметь никакой собственной причины (Бога мы всегда исключаем), ибо до них ничего не было», «не было никакой производящей их причины и ничего более первичного в природе».⁷⁸ В бэконовской оговорке «Бога мы всегда исключаем» и содержится ключ к пониманию генезиса науки.

Известна, вместе с тем, принадлежность Ф. Бэкона к различным оккультным эзотерическим обществам розенкрейцеровского толка. Имеется устойчивый шлейф преданий о членстве в такого рода закрытых организациях других «рационалистов» - Р. Декарта, Б. Паскаля, Г. Лейбница. Как же совмещался в их сознании рационализм философской теории с мистицизмом оккультных орденов? Данное противоречие может быть разрешено посредством признания сохраняющейся для перечисленных мыслителей актуальности многоуровневой иерархической модели знания, с включением в него профанической, эзотерической и эзотерической ступеней. Провозглашаемые для всеобщего пользования научные концепты не затрагивали неразглашаемой части учения.

⁷⁴ Копылов Г.Г. *Научное знание и инженерные миры // Кентавр. 1996. №1; Гайденоко П.П. Эволюция понятия науки (XVII-XVIII вв.). М., 1987.*

⁷⁵ Бутми Н.А. *Каббала, ереси и тайные общества. СПб., 1914. С. 225-255.*

⁷⁶ Декарт Р. *Избранные произведения. М., 1950. С. 420-421.*

⁷⁷ *The Works of Lord Bacon. London. Vol. 2. P. 433.*

⁷⁸ Бэкон Ф. *О принципах и началах. М., 1937. С. 13-14.*

Наука сакральная и наука профаническая

Высокая Традиция разграничивала внутри себя науку сакральную и науку профаническую. Результатом расщепления теории «двух истин» в поле современных наук было сохранение лишь профанного уровня. Из сферы научного моделирования устранялись высшие универсальные принципы, что приводило в итоге к деформированному мировосприятию. Вместо синтетического знания утверждалось знание усеченное. Ценностное значение последнего ограничивалось узко прагматическими задачами. Его цельность, ввиду множественности деталей и фактов, оказывалось в рамках последовательно реализованного научного подхода в принципе недостижимой.

Еще для Аристотеля физическое постижение мира являлось вторичным, по отношению к метафизическому. Впоследствии у просветителей метафизика стала нарицательной характеристикой ложного знания. Еще более показательна «двухистинная» деконструкция познания космоса на сферы астрологии и астрономии. Для древних такого разделения не существовало. Для них это были не две науки, а два уровня единого знания. Астрология выражала высшие духовные аспекты постижения космоса. Теория «двух истин» выводила ее за рамки научного дискурса. Следующим шагом явилось наложение на астрологию маркера лженауки.

Та же процедура была проделана в отношении алхимии. Алхимический уровень представлял собой высший пласт восхождения в сфере познания химии. Через него осуществлялся выход на духовные аспекты протекания химических процессов. Последующие дезавуирование алхимии осуществлялось путем сведения ее к проблеме производства алхимического золота и обвинения алхимиков в шарлатанстве. В действительности же, эзотерика трансмутаций менее всего ориентировалась на материальные аспекты бытия.

Мертвой наукой является современная математика. Какая бы то ни было духовная составляющая, по логике самого предмета, в ней отсутствует. Между тем в эзотерическом знании математика имела высший, ныне дезавуированный пласт нумерологии. Цифры и геометрические фигуры имели как земное - исчислительное, так и небесное – символическое значение. Образец такого совмещения представляло, в частности, пифагорейство. Геометрию в сакральной традиции называли наукой о душе, ибо она исследует сферу идеального. За геометрическим символизмом происходило раскрытие множественности форм проявления божественного единства. Через геометрию происходило осознание процесса космогенеза. Сейчас сам стиль мышления математиков не предполагает наличия в их науке ни гуманитарной, ни тем более теологической составляющей

Разрушенными с позиций научной критики оказались традиции «сакральной географии» и «сакральной истории». Характерно, то что их разрушение осуществлялось с позиций материализированной реальности (физическая география, позитивная история). Символическая сфера дезавуировалась, разоблачалась на предмет противоречивости и недостоверности, посредством перенесения на нее критериев и характеристик иного бытийного уровня. Так, для секулярной физической географии «Запад» и «Восток» есть относительные понятия. В сакральной географической традиции они преломляются через дихотомию восточной традиции божественного откровения и западной инфернальности,

жизни и смерти. Позитивными характеристиками в сакральной географии ариев наделялись Север и Восток, негативными – Юг и Запад.

Секуляризация истории вылилась в сведение ее к фактографическому описанию прошлого. Историографический процесс последовательно шел в направлении деконцептуализации исторического материала. Данный вектор развития был изначально задан расщеплением истории и метаистории. Историософский пласт оказался в итоге выведен за рамки предмета изучения профессиональных историков. «Таким образом, - резюмировал Р. Генон свои рассуждения о соотношении сакрального и профанического познания, - вся современная наука основана на руинах более древних наук, на останках, отторгнутых ими и оставленных в распоряжение невежд и «профанов».⁷⁹

Преимущества секуляризованных наук видится в корреляции их развития с феноменом технического приращения. Но в данном случае корректнее говорить о смене целевой установки познания. Ни всякую познавательную модель возможно адекватно оценить, исходя из критерия технического прогресса. Познание древних было адаптивно по отношению к природе. Мыслитель древности был в большей степени созерцателем, нежели преобразователем. Именно секулярная наука установила парадигму преобразовательного познания. Космогония традиционного миропонимания сменилась космоургией модернизированного общества. Предложенное Г. Гачевым противопоставление цивилизационных «принципов «гонии» и «ургии» здесь многое объясняет. Традиция «гонии» - рождения - подразумевала сакрализацию природы и родовой (в широком понимании - национальной) преемственности. Ургийность секулярного общества соотносилась с архетипом человека – производителя. Адаптивность сакральных наук заменялась производственно-преобразовательной ориентированностью нового секулярного знания. США явились наиболее адекватным историческим воплощением принципа ургиности. Гонические категории – «род», «природа», «народ», «родина» в ургийной культуре окончательно перечеркивались.⁸⁰

Одномерная материальная парадигма мира соотносилась в эзотерике с выведением новой породы человека – голема. Големическая природа есть материальный субстрат. В отличие от человека божественного создания у голема отсутствует духовная составляющая.

Согласно еврейским фольклорным преданиям, голем представлял собой оживленного магическими средствами глиняного великана. Он выступал как онтологический антипод Адама. По преданию, Альберту Великому удалось изготовить голема. Но тот был разрушен Фомой Аквинским, усмотревшим в его создании вызов Богу. Другим создателем т.н. «пражского голема» назывался раввин Лёв (16 – нач. 17 вв).⁸¹

Секулярная система по своей культурно-антропологической направленности големична. Под лозунгом свободы личности осуществлялось ее освобождение от высших духовных нормативов. Дух, как изначально заложенный Богом компонент человеческой природы, у современного человека все более атрофируется. Реализуется глобальный проект антропологической инверсии. Человек превращается в голема. Важнейшую роль в големическую трансформацию внесли науки. Человеческий микрокосмос

⁷⁹ Кризис современного мира. М., 1991. С. 51.

⁸⁰ Ценности американизма и российский выбор // Знание-сила. 1993. №5. С. 68-70.

⁸¹ Майринк Г. Голлем. Вальпургиева ночь. М., 1990.

деконструировался ими в соответствии с дисциплинарными сферами. Человек как цельное существо, образ и подобие Божье оказывался вне рамок научного дискурса.

Характерно, что при детальной проработке анатомно-физиологических, психологических, ментальных аспектов человеческого бытия, ни одна из наук не взяла на себя функцию исследователя духа. Дух, как самостоятельный предмет изучения, не закреплён ни за одной из современных научных дисциплин. Такое подчеркнутое игнорирование духовной сферы свидетельствует в очередной раз, что базовая парадигма «двух истин» сохраняет по сей день свою актуальность.

Еретические истоки секулярных концептов

Генезис «теории двух истин» имеет свои истоки в средневековом еретичестве. Основным внутренним антиподом христианства за весь инквизиционный период истории Европы выступала, как известно, ересь манихейства. Ее еретическими модификациями оценивались учения павликиан, богомилов, катаров, альбигойцев, и даже, тайная доктрина тамплиеров.⁸²

Антагонизм манихейства не был привязан исключительно к христианству. Манихейское учение распространялось на широком пространстве от Испании до Китая, модифицируясь всякий раз применительно к сюжетно-мифологической канве каждой из религий. В этом смысле манихейство являлось первой глобальной ересью, противостоящей не отдельно взятой религиозной традиции – христианской, исламской, индуской, а традиционализму в целом. Глобализированный манихейский антагонизм подтверждает со своей стороны общность на высшем уровне познания традиционных религий.

В традиционной христианской космологии мир выстраивался как единая пирамидальная структура, нисходящая от божественного до тварного уровня. Разграничение манихеями земной и небесной сфер бытия привело к разрушению цельности мироздания. Следующим из онтологической деконструкции логическим шагом должна была стать гносеологическая деконструкция. Вслед за признанием субстанциональной изолированности сфер следовала констатация различий в способах их познания: религиозно-мистический – для трансцендентных сфер и научно-национальный – тварных. Хрестоматийность такого подхода для современной науки не должно затемнять тот факт, что в основе его лежит неоднократно осуждаемая, как сатанизм, и искореняемая посредством крестовых походов средневековая ересь.

Через призму антихристианской манихейской инверсии может быть раскрыта также парадигма Ренессанса. Признание человеческого «Я» как самоценности, вне его божественного служения, само по себе уже представляло вызов христианской версии раскрытия личности через Бога. Гуманизм, взятый, с начала эпохи Возрождения, на всеобщее вооружение, как универсальная ценность, шел в разрез с религиозным пониманием божественно-человеческих отношений. «В самом начале, – реконструировал логику возрожденцев в дополнениях к «Диалектике мифа» А.Ф. Лосев, – Бога мы даже и трогать не станем: Бог-де, конечно, есть, Помилуйте! Как же без абсолютного существа! Даже и в церковь, пожалуйста, ходите. Но просим только одной безделицы: признайте,

⁸² Амбелен Р. *Драмы и секреты истории. 1306-1643. М., 1992. С. 26-55; Бутми Н.А. Каббала, ереси и тайные общества. СПб., 1914. С. 80-96; Булгаков С.В. Православие. Ереси, секты. Западные верования. Соборы. М., 1994. С. 349-350.*

что и вы имеете право на существование... В этом-то и заключен весь секрет... И Бог остается нетронутым, и религия остается в целостности и мир существует, как существовал до сих пор, но... я тоже имею право на существование... Невинное тоже и есть огромное победа сатаны над Богом».⁸³

Истоки манихейской ереси обнаруживаются и в просветительской доктрине пантеизма. Пантеистический концепт нового времени имел принципиальные отличия от пантеистического мировосприятия, характерного для первобытной магии. Парадигма одухотворения природы замещалась парадигмой растворения Бога в природе. Сообразно с манихейской традицией, продолженной в кабалистике, речь шла о погружении Первочеловека в тьму материального мира – клипот.⁸⁴

Вследствие грехопадения великая душа Адама Кадмона раскололась на 70 частей, погрузившихся в клипот (нечто нечистое, представляющее материальную субстанцию). 70 осколков есть 70 народов мира. Задачей высших посвященных в кабалистические таинства заключается в предначертании освободить чистые души из клипота, собрать их и восстановить первоизданную гармонию Адама. Восстановленный Адам Кадмон истолковывается как «Новый Иерусалим».⁸⁵

Мировая душа не только не одухотворяла природу, а оказывалась в плену субстанциональной материи. Отсюда был всего один шаг до материализма в атеистическом истолковании. Сходные мотивы в развитии космологического сознания древней Индии преломлялись через учение о пуруше и пракрити (мировой душе, попавшей в силу незнания – авидьи, в плен субстанции мировой материи).

Антропогенез в трактовке манихейства определился сатаной, создавшим человека посредством заключения всех имеющихся в царстве тьмы частиц света в материю. Пантеизм естественно резко порывал с традицией христианства. Через утверждение пантеистического миропонимания отрицалось самостоятельное неопосредованное существование Бога, загробное инобытие, божественное откровение, вообще, наличие нравственной и интеллектуальной связи между человеком и Господом.

Пантеистическая парадигма современного миростроительства

Как отмечал Р. Гвардини, в противоположность средневековому рассмотрению тварного мира через призму трансцендентной субстанции, мировоззренческой парадигмой цивилизации Нового Времени являлся пантеизм. Бог растворялся в природе и последняя, будучи прежде низшей из космологических сфер, становилась теперь единственно возможной сферой.⁸⁶

Происходит секулярная инверсия в экономике, политике, праве. Основным законом вместо религиозного текста теперь выступает Конституция. Известно, что разработчиками первых конституций, и американской, и французской, и польской, и латиноамериканских (в т.ч. российских конституционных проектов эпохи Александра I) являлись лица, принадлежавшие к ломам вольных каменщиков. Фиксируются буквально текстовые совпадения уставов масонских братств с первыми конституциями (особенно в части преамбулы). Еще более очевидно такого рода компоненты обнаруживаются в

⁸³ Лосев А.Ф. *Диалектика мифа*. М., 2001. С. 256-259.

⁸⁴ Гайдено В.П. *Природа в религиозном мировосприятии* // *Вопросы философии*. 1995. №3.

⁸⁵ Воробьевский Ю.Ю. *Путь в Апокалипсис: Точка Омега*. М., 1999.

⁸⁶ Гвардини Р. *Конец нового времени* // *Вопросы философии*. 1990. №4.

Декларации прав человека и гражданина и в первых Декларациях независимости. Так, Декларация прав человека и гражданина начинается с апелляции к некой теологической фигуре - Верховному существу. Характерно, что не к Христу. Далее в ней проводится связь Верховного существа (традиционное масонское наименование Демиурга) с выдвигаемым концептом естественных прав человека. Сообразно с пантеистическим миропониманием, Бог растворяется в Природе, и человек, будучи частицей божественно-природной субстанции, уже в силу своего рождения наделен естественными правами. Отсюда выстраивалось все дальнейшее развитие идеологии прав человека.

Показательна также в этом отношении Декларация независимости США. Она открывается положением о том, что права человека устанавливаются по законам природы и ее Творца. Далее следовал тезис о наделении Творцом всех людей неотчуждаемыми правами. Христианская мысль, как известно, ничего о неотчуждаемых правах, а тем более, о естественном праве человека не говорит. Напротив, в ней получила развитие прямо противоположная идея - о первородном грехе. Право, согласно с христианской традицией, дается не в силу рождения, а на основании Божественного завета – Ветхого – для евреев, Нового – для христиан.⁸⁷

Преамбула большинства конституций (за исключением конституций, дарованных монархами) открывается с провозглашения народа источником права (мы народ такой-то...). Легитимизируется, таким образом, народный суверенитет. Данное положение также не является мировоззренчески нейтральным, сочетаясь с обозначенной выше спецификой пантеизации права. Конституционная правосубъектность устанавливается не сверху, а снизу, идет не от Бога, а совокупной народной воли.

В иных цивилизационных моделях земная жизнь не воспринималась в качестве самоцели. В тех культурах, где господствует представление о посмертном бытии, она подчинена достижению благодати небесной. Адепты инквизиции оправдывали казни и пытки человеколюбием. Согласно христианскому принципу обратного воздаяния, земные муки лишь помогают человеку обрести рай и потому могут рассматриваться как благо. Инквизиция исходила из средневекового понимания права человека, заключающегося в ограждении его церковью от соблазнов. Главная задача заключалась в спасении души, пусть даже ценой пожертвования бренного тела⁸⁸

В постхристианской цивилизации Нового Времени жизнь человека, как частицы пантеистической эманации, оправдывалась уже фактом его рождения. Для иных религиозных доктрин никаких абстрактных прав человека не существует. Функциональное предназначение индивидуума определено сверхзадачами бытия коллектива. Только в рамках теории гласящей, что человек и есть высшая цель, т.е. Бог, уместно говорить о его онтологических правах.⁸⁹

Теория «естественного человека», модификацией которой является доктрина «прав человека», уничтожает социальный, культурный, исторический облик личности, превращая его в абстрактного атомизированного индивида. Принцип арифметического, т.е. количественного равноправия (исономии) в противоположность геометрическому – качественному (соответствующему афоризму Гераклита: «Один для меня – десять тысяч,

⁸⁷ *История государства и права зарубежных стран. М., 2000. С. 73, 111.*

⁸⁸ *Григулевич И.Р. Инквизиция. М., 1976.*

⁸⁹ *Острецов В.М. Масонство, культура и русская история. М., 1998.*

если он - наилучший»⁹⁰) обуславливает торжество желаний большинства, профанических знаний, низменной этики, паразитической экономики.

Современным российским адептом христианства следует иметь в виду, что идея президентской республики противоречит православному пониманию природы власти, а входит в политический арсенал протестантской и пантеистической мысли. Декларируемое М. Лютером всеобщее священство приводило к отрицанию, как института церкви, так и монархии, ибо всякий может обращаться к Богу напрямую. Ж. Кальвин, провозгласив, что успех в земной жизни является следствием богоизбранности человека, создал обоснование не только святости предпринимательских доходов, но и политической карьеры. Таким образом, помимо монархических особ, на высшие ступени власти получал право претендовать каждый. Теория богоизбранности в кальвинизме явилась следствием развития католического догмата о железном предопределении. Как известно, православное богословие отвергало данный постулат, а потому для него ссылка на божественную волю избрания президента была лишена смысла.

Тем более не коррелировала с православием пантеистическая концепция мироустройства, согласно которой Бог идентифицируется с природой, а, следовательно, теряла свою актуальность монархическая власть, воспринимаемая прежде в качестве моста, связующего человечество с высшими сферами. Формула «Глас народа – глас божий» отражает пантеистическое восприятие политики. Православная теза выражает прямо противоположный подход к системе народоправства «Глас народа Христа распял».

В свое время Гогенцоллерны любили подчеркивать, что получили корону от неба, и только перед небом будут держать отчет. Разъяснять массам тонкости государственной политики считалось делом неблагодарным. Идеологическим преломлением пантеизма явилась теория «общественного договора», подменяющая собой божественную этиологию власти. Государство провозглашалось следствием соглашения между людьми, а не установлением свыше. Если уполномоченные на основании этого консенсуса к осуществлению властных обязанностей выполняют их ненадлежащим образом, договор можно расторгнуть и перезаключить. Для оптимизации общественного контроля за властью была выработана технология периодического переоформления договора (предположим, с частотой раз в четыре года). Отсюда проистекает процедура выборности верховной власти.

Пантеизм нашел свое преломление и в классической экономической теории. Не будет преувеличением сказать, что выдвинутый А. Смитом принцип *laissez – faire* проистекал из религиозных воззрений шотландского ученого. Концепция саморегулирующегося рынка напрямую связывалась с получившим широкое распространение в просветительской среде пантеистическим учением. Пантеизм, как известно, подразумевал природную эманацию божественной субстанции. Природа в соответствии с этим пониманием, наделялась качеством разумности. Отсюда и проистекал концепт саморегулирующегося рынка. Его саморегуляция допускалась на основе веры в изначальное устройство экономических механизмов в соответствии с

⁹⁰ История политических и правовых учений. М., 1996. С. 41.

Высшим Разумом.⁹¹ Отрицать самодостаточность рынка означало поставить под сомнение разумность божественного устройства. Являясь саморегулирующимся в человеческом значении, он был управляем в теологическом смысле. В соответствии с духом эпохи Просвещения, рыночная экономика преподносилась как бесперебойно функционирующий механизм. Даже свободная конкуренция представлялась в механическом свете. Каждый конкурирующий друг с другом субъект в общем замысле существования системы выполнял определенную свыше миссию. «Невидимая рука», управляющая рынком в теории А. Смита - это «божественное проведение».⁹²

Только при данном мировоззренческом ракурсе понимания оправдывалось снятие с государства функций управления рынком. Конечно, государственное управление не могло быть совершеннее божественного. Но насколько современный экономист должен разделять данные подходы смитовской теологии?

Очевидно, что саморегулирующийся рынок жестко привязан к контексту «естественной религии» XVIII в. При избрании иных мировоззренческих парадигм логика системы рыночной самоорганизации разрушается. Необходимо также подчеркнуть, принципиальное расхождение теологии Высшего разума с богословием традиционных религий (и, в частности, с православием).⁹³

С точки зрения основателя альтернативной «физической экономики» Л. Ларуша, истоки концепта смитовского экономического человека следует искать в общественной доктрине Дж. Локка. Общество, согласно локковскому пониманию, представляет собой механистическое сцепление атомизированных индивидуумов. Их поведение редуцируется до трех основополагающих импульсов: «оставаться в живых» (импульс жизни), «стремиться к чувственному удовольствию» (импульс свободы), «удовлетворять жадность» (импульс собственности). Экономическая деятельность человека низводилась, таким образом, до уровня животных инстинктов. Л. Ларуш противопоставлял локковско-смитовской модели экономики традицию ее понимания, идущую от Г. Лейбница. Альтернатива биологизации экономической деятельности виделась в ее обожествлении. Через труд в понимании Лейбница происходило уподобление человека Творцу. Саморегуляции рынка противопоставлялось сотрудничество с Богом в вечном антиэнтропийном «подкручивании мировых часов».⁹⁴ В действительности, оставляя в стороне ларушевский полемический запал, следует признать, что альтернативная вариативность локковской и лейбницеvской моделей экономики отражало различие двух теологических подходов нового времени. Деистический концепт преломлялся через принцип креационистского управления экономическими процессами, пантеистический – их естественной саморегуляции.⁹⁵

⁹¹ Соколов В. В. *К исторической характеристике пантеизма в западноевропейской философии* // *Философские науки* (Научные доклады высшей школы). 1960. № 4.

⁹² Аникин А. В. *Адам Смит. М., 1968. С.58-64; Яковенко В.И. Адам Смит. Его жизнь и научная деятельность. СПб., 1894; Смит А. Теория нравственных чувств. СПб., 1895; Юм Д. Естественная история религии. СПб., 1909; Юм Д. Диалоги о естественной религии. СПб., 1909.*

⁹³ Смит А. *Исследование о природе и причинах богатства народов. М., 1962. С. 253, 331.*

⁹⁴ Ларуш Л. *Физическая экономика. М., 1997; Ларуш Л. Место России в мировой истории* // *Шиллеровский институт науки и культуры. Бюл. № 8. М., 1998; Ларуш Л. О сущности стратегического метода* // *Шиллеровский институт науки и культуры. Бюл. № 9. М., 2000; Ларуш Л. О духе российской науки* // *Экология - XXI век. - 2003. Т. 3, № 1/2. С. 169-178; Тукмаков Д. Уподобление Богу (Физическая экономика Ларуша как преодоление энтропии)* // www.zavtra.ru.

⁹⁵ Лейбниц Г.В. *Соч. в 4 т. М., 1982-1984; Локк Дж. Избр. филос. произв. М., 1960. Т. 1-2.*

Пантеистический идеал естественного всечеловека приводил к национальному, историческому, религиозному и сословному обезличиванию. Различные социальные утопии проистекали из пантеистического восприятия человека, как чистого листа бумаги, на котором базировалась идея тотального равенства, в смысле одинаковости субъектов природы. Отрицание существования надприродной субстанции приводит к противопоставлению стоического, рационально - эгоистического морализма и положений христианской морали. «Отныне, - пишет один из современных критиков масонской идеологии В.М. Острецов, - с торжеством пантеизма, природа становится неким нормативом для человека. Все, что естественно, - хорошо. Пантеизм не знает первородного греха, не знает противоестества, извращения природы, так же, как не знает он и сверхъестества. Все, что есть в природе, - хорошо, и греха нет. Добро и зло исчезают из морали и становятся только синонимом плюса и минуса, свойственного миру физическому. Но что есть зло и что есть добро, этого пантеист не знает. Все относительно, и символическим выражением такой относительности становится шахматный пол масонских лож, черное передается белым и одно не может существовать без другого».⁹⁶

За ширмой секулярности: феномен контринициаций

Создание оккультной антипроекции секуляризма было осмыслено Рене Геноном в рамках концепта о контринициациях. Посредством ритуала инициаций, полагал французский эзотерик, осуществлялось мистическое восхождение к трансцендентным состояниям «Земного Рая» (Малые Мистерии) и «Рая Небесного» (Великий Мистерии). Инициационное действие в геноновской версии направлено против хода мировой истории, представлявшего процесс апостасийного угасания. Соответственно, контринициация ориентирована на сферы «Земного» и «Подземного Ада». Она соотносится с общей направленностью исторического движения и выступает, согласно Р. Генону, подлинной движущей силой прогресса.⁹⁷

Традиции на определенном этапе стали играть ретроградную роль сдерживателя общественного развития. Произошла их ролевая инверсия. Они явились препятствием, как в отношении перспектив научно-технического совершенствования, так и раскрытия личностных потенциалов.

Задача разрушения данных сдерживателей предполагала выстраивание глобальной контрсистемы. Миссию ее конструирования взяла на себя светская интеллектуальная элита, позиционирующаяся как антипод к традиционной клерикальной иерархии. Принцип контрсистемного моделирования приводил в своей логической завершенности не только к разрушению традиций, но и проецированию инфернальной (антихристианской в применении к западной цивилизации) альтернативы миростроительства. Теократия подменялась сатанократией. Закамуфлированную парадигму секулярного общества составил сатанизм, который, в измененном религиозной традицией виде, обнаруживается, по существу, в каждой из ниш общественного бытия. Новая цивилизация явилась цивилизацией со знаком минус, своеобразным цивилизационным отрицанием. При такой постановке вопроса Запад представал уже не в

⁹⁶ Острецов В.М. *Масонство, культура и русская история*. М., 1998.

⁹⁷ Генон Р. *Царство количества и знамения времени*. М., 1994; Дугин А.Г. *Конспирология (наука о заговорах, бтайных обществах и оккультной войне)*. М., 1993. С. 44-53.

качестве глобального геополитического агрессора, а одной из жертв процесса мирового антицивилизации. Другое дело, что его падение произошло несколькими веками ранее, нежели у иных цивилизаций.

Объективная задача аккумуляции сил разрушения традиции обусловила их организационное единение. Функцию данного рода взяла на себя мировая масонерия. Неоспоримой на настоящее время является принадлежность к масонству многих выдающихся деятелей нового и новейшего времени: царственных особ – Фридриха II, Павла I, Людовика XV, Людовика XVI, Карла X, Виктора Эммануила II, Виктора Эммануила III; президентов и премьер-министров У. Черчиля, Кемаля Ататюрка, Альенде, Пиночета, Вашингтона, Франклина, Рузвельта, Трумэна, Форда (всего 15 президентов США, чье членство в ложах известно достоверно); революционеров – Лафайета, Марата, Дантона, Блана, Бланки; лидеров освободительных движений – Мадзини, Гарибальди, Боливара, О' Хиггинса, Сен-Мартена, Хуареса, Марти; ученых точной науки – Лапласа, Рише, Флеминга, Моучи, Ферми; философов – Монтескье, Кондорсе, Лессинга, Фихте, Гердера; литераторов – Вольтера, Гете, Бернса, Уайльда, Твена, Кипплинга, Тагора, Потье; композиторов и музыкантов – Моцарта, Бетховена, Гайдна, Амстронга, Эллингтона и др. С ложами вольных каменщиков были связаны такие исторические деятели как Робеспьер, Наполеон I, Луи Филипп Орлеанский, Наполеон III, Тьер.⁹⁸

Одна из первых историографических апробаций концепции масонского заговора была осуществлена в сочинениях аббата Баррюэля, доказывавшего, что причиной Французской революции явился заговор вольных каменщиков, поставивших цель уничтожения алтаря и трона. Среди исследователей, специализировавшихся на изучении истории Французской революции, модифицированные вариации теории Баррюэля нашли сторонников в лице Г. Бора, О. Кашена, Г. Мартена.⁹⁹ Общепризнанным является факт масонской принадлежности руководства европейских революций 1830, 1848, 1871 гг., освободительных движений в Северной и Южной Америке, Италии, Польше и др.¹⁰⁰ В России традиция масонской революционности восходила к декабристам. Бесспорным в историографии является посвящение в ложи Великого Востока Франции ряда министров Временного правительства. Зачем прагматически мыслящим людям, политическая деятельность которых была объективно направлена против институтов традиционного общества, потребовалось входить в полуокультурные структуры масонского братства?

Масонский след фиксируется и по отношению к некоторым из лидеров большевизма. Потребовалось даже специальное решение II Конгресса Коминтерна 1920г. о несовместимости одновременной принадлежности к компартии и к масонству, само по себе свидетельствующее о распространенности данного явления.¹⁰¹

Дискуссия в каждом историографически локализуемом случае идет по вопросу - являлось ли членство в ложах «вольных каменщиков» внешней декорацией, или

⁹⁸ Соловьев О.Ф. *Масонство далекое и близкое. № 4. С. 71; Сидоренко Е. Итальянские угольщики начала XIX века. (Опыт исторического исследования). СПб., 1913. С. 30, 186, 191; Ковальская М.И. Движение карбонариев в Италии. 1808 – 1921 гг. М., 1971. С. 59-79, 86-97.*

⁹⁹ Чудинов А.В. *Масоны и Французская революция XVIII в.: дискуссия длиною в два столетия // Новая и новейшая история. 1999. № 1.*

¹⁰⁰ Писарев Ю.А. *За кулисами салонинского процесса над организацией «Объединение или смерть» // Новая и новейшая история. 1979. № 1.*

¹⁰¹ Соловьев О.Ф. (Рецензия) // *Вопросы истории. 1998. №9. С.158.*

сущностным выражением реального заговора. Сам универсализм участия «вольных каменщиков» в событийной канве революций нового и новейшего времени заставляет признать конспирологическую версию, по меньшей мере, вероятностной.

Ведущим мотивом масонского ритуала, служила апелляция к легенде об Адонираме (или Хираме, или Хираме – Абифе). Существовали частные вариативные интерпретации передачи предания в различных системах и ложах. Адонирам являлся сыном некой овдовевшей женщины из рода Нефтелимов, в силу чего масоны часто именовали себя «детьми вдовы». Сюжетная канва легенды повествует о строительстве Иерусалимского храма царя Соломона, возглавляемого выходцем из Тира, архитектором, «великим мастером» Адонирамом. Возведение всемирного храма истолковывалось как создание идеального общественного устройства. Храм есть микромодель мира, поэтому архитектор должен быть посвященным в таинства мироздания. Как писал М. Элиаде: «Всякий храм является не только «отражением мира» (*«imago mundi»*), но также и воспроизведением на Земле трансцендентной модели».¹⁰² Этнический конгломерат в 130 тыс. рабочих, участвовавших в строительстве, Адонирам разделил на три степени эзотерической инициации: ученики – товарищи – мастера. Иерархия степеней в масонерии основывалась на мифическом постановлении «Великого Мастера». Вышестоящей степени соответствовала более высокая плата за труд, выдаваемая при произнесении соответствующего пароля. Возбуждаемые завистью трое товарищей вознамерились силой или обманом выведать у Адонирама тайное слово степени Мастера. Преступные подмастерья олицетворяли три человеческих порока – Зависть, Невежество и Лицемерие. Когда архитектор совершал обход храма, у южного входа первый из заговорщиков, в ответ на отказ выдать пароль, нанес ему удар по шее 24-дюймовой линейкой. Второй, у западных ворот, ударил мастера в грудь угольником. Наконец, у восточного входа, третий из подмастерьев убивает Мастера, поразив его молотом в голову. Согласно другому варианту предания, Адонирама последовательного поражают молотом, киркою и циркулем. В масонском ритуале инициации неопит проходит круги мучения Адонирама, во время чего ему наносятся аналогичные удары и производится церемония символического погребения и воскрешения. Тело Адонирама было обнаружено, поскольку ветвь акации, которой убийцы отметили место могилы, зазеленела. Опасаясь, что древнее мастерское слово утратило силу, строители решили его заменить первой фразой произнесенной при открытии могилы архитектора. Таким словом стал возглас присутствующих, обнаруживших признаки тления организма: «Плоть от костей отделяется».¹⁰³

А.Д. Философов полагал, что легенда об Адонираме, отсутствовавшая в древнегреческих текстах, была направлена против сказания евангелистов о Воскресении Христовом. Как к гробу Христа, так и Адонирама, приходят ученики, вопрошая о последнем слове. Но в первом случае ими был обнаружен факт воскресения, во втором – разложение тела. Новое слово христианского учения гласило «Христос воскрес!», тогда как масоны возвестили «Мак бенах», т.е. плоть разрушается. В трех подмастерьях убивших

¹⁰² Eliade M. *Il sacro e il profano*. Boringhieri, 1973. P. 42.

¹⁰³ Мораморко М. *Масонство в прошлом и настоящем*. М., 1990; *Масонство. Авт. – сост. С.П. Мельгунов, Н.П. Сидоров*. Мн., 1998; Иванов А. *К вопросу о происхождении масонства, его ритуалов и символов // Масоны и масонство*. М., 1994. Вып. 1; Замойский Л.П. *За фасадом масонского храма: Взгляд на проблему*. М., 1990.

Адонирама, Философов усматривал трех последователей Христа (Петра, Иоанна и Марию), пришедших к гробу и первыми, распространившими весть о воскресении. Старший из работников, умертвивший Адонирама, получает имя Абидаль – отцеубийца, олицетворяя христианство, погубившее иудаизм, из которого оно вышло, или самого Христа. При посвящении в 18-ю степень рыцарства Розового креста иницируемым сообщается, что адонирамово слово потеряно в ту минуту, когда на кресте свершилась смерть Иисуса. Слово, утраченное со смертью Адонирама и распятием Христа, т.е. с падением ветхозаветного иудейства, есть Иегова. Спаситель порицается как преступник, справедливо заслуживший свою казнь.¹⁰⁴

С. А. Нилус обнаруживал в легенде противопоставление Адонирама царю Соломону. Автор расширил рамки легенды, введя в нее сюжет о царице Савской, отдавшей предпочтение великому мастеру перед царем. Таким образом, в отличие от первого варианта, противопоставляется не новый и ветхий завет, а в целом библейская и гностическая традиции. Генеалогическое древо Адонирама, согласно С.А. Нилусу, восходит к Люциферу. От последнего был рожден Каин, являвшийся Авелю сводным братом по матери Еве. Бог Адонаи, возревновав к гению Каина, в наказание за измену Евы изгнал человечество из Эдема. Во искупление греха убийства Авеля, на которое тот спровоцировал брата, Каин и его потомки стали служить детям Адама. Один из отпрысков Каина Тувалкаин обучил плавить и ковать металлы, а его сестра и жена Нозма – прясть пряжу и ткать одежду. Сыном данной четы и являлся Адонирам, которому в деле возведения храма помогал сам Люцифер из преисподней. Ведущим мотивом легенды в переложении Нилуса, являлся призыв мести Демиургу Адонаи и его служителям за смерть великого мастера. Интерпретации легенды, как видим, могут существенно варьироваться, однако, очевидным при любой их экспликации является существенное расхождение с христианской моделью миростроительства.¹⁰⁵

Ритуал посвящения в каждую из масонских степеней сосредоточивался на каком-то одном аспекте легенды об Адонираме, позволяющей выйти на новую ступеньку познания бытия. В высших степенях масонerie образ Адонирама замещается фигурой Ж. де Моле. Мотив мести за смерть великого архитектора конкретизируется призывом мщения за сожжение гроссмейстера ордена тамплиеров. «Как прежде, - писал эксперт Департамента полиции Г.Г. Мец, - при посвящении в звания, предшествующие званию кадош, масонство призывало к мести за смерть Хирама (народ), так теперь оно призывает к мести за смерть Жака Бургиньона де Моле, гроссмейстера ордена тамплиеров. Легенда о Хираме служила предлогом для преследования Адонаи (она облегчала развитие известной теории), легенда о Жаке де Моле будет служить для выполнения на практике преследования папства, христианской религии вообще и королевской власти».¹⁰⁶

Но если существовала единая организация, управляющая модернизационными процессами в мире, и ее идеология, имея, с одной стороны оккультный характер, не совпадала, с другой, с христианским учением, следовательно, требуется признать, что мир в лице масонerie сталкивался с неким очередным планетарным религиозными

¹⁰⁴ Философов А.Д. *Разоблачение великой тайны франк-масонов*. М., 2003.

¹⁰⁵ Нилус С.А. *Близ есть, при дверех*. СПб, 1996. С.232-246.

¹⁰⁶ Мец Г.Г. *Краткий исторический очерк происхождения масонства // Оккультные силы России*. – СПб, 1999. С. 526.

проектом. Однако масонский оккультизм, преломляющийся через мифологию о Великом Архитекторе, идейно расходился с традиционными религиями. Учение масонов, имея в виду модификацию по системам и ступеням посвящения, представляло собой сложный синтез деистических и пантеистических концептов. Для мира провозглашался рационализм всеобщего и вседоступного познания. Но при этом сама масонерия выстраивалась как пирамида многоступенчатого эзотерического и мистифицированного восхождения. Номинированными целевыми установками деятельности масонов являлось утверждение принципов демократии. Вместе с тем, для внутреннего пользования никакого демократизма не предполагалось. Жесткая корпоративная иерархичность явилась нарицательной чертой функционирования масонских организаций. И, наконец, главное противоречие – борьбу за секуляризацию государства и общества возглавляла религиозная организация.

Система нового модернизированного мира выстраивалась в полном соответствии с базовыми положениями религий масонского ордена. Обнаружение таких соответствий позволяет утверждать об иллюзорности секуляризма. В действительности под секулярной вывеской реализовывался новый религиозный проект. Ширма секулярности очевидно потребовалась для сокрытия контринициационной, выражаясь терминологией Р. Генона, сущности этой религии по отношению к прежней сакральной традиции.

Внешне дистанцируясь от религиозного познания, свою лепту в утверждение религии контринициции внесла и наука. Многие научные концепты, составившие классику соответствующих дисциплинарных направлений, восходили к неорелигиозным и спиритуалистическим учениям. Так что совершенно напрасно современные российские ученые мужи бьют тревогу об угрозе клерикализации науки и образования. Они и так никогда не были (да и не могут быть) в полной мере секулярны. Вопрос лишь в том, какая религиозная платформа будет положена в основании наук – традиционных религий или контрсистемных по отношению к ним концептов, таких как пантеизм.

О прямой связи ряда современных научных концептов с практикой контринициации древних антихристианских ритуалов неоднократно говорилось, в частности, в применении к фрейдизму. Рене Генон без обиняков обвинял психоанализ в сатанизме. Фрейдистское подсознание тождественно inferнальному миру хаоса. Оно есть сфера порока, населенная тысячами образами извращений. На уровне описанного З. Фрейдом подсознания осуществляется разрушение религиозных табу и нравственных запретов. Нисхождение в inferнальный мир открывало двери его экспансии в мир человека. Та же процедура производится через приемы психоаналитического погружения. Через психоанализ на уровне сознания осуществляется объективизация пороков. В этом отношении методика психоаналитиков сродни ритуалам спиритов.

Р. Генон видел преемство фрейдизма по отношению к древним контринициационным мистериям дьяволопоклонников. В каббалистической традиции описанная З. Фрейдом сфера подсознания – «оно» напрямую соотносится с мифологемой о первой жене Адама дьяволице Лилит. Вытесненная из древнего мира, она изурпировала власть снов, населяя ее соблазнами и кошмарами. Небезынтересно, что сам Зигмунд Фрейд, позиционируясь как материалист, имел опыт посвящения в 1895

г. в венское отделение закрытой оккультной организации «Бнай Брит». По свидетельству ее исследователя Д. Малькама, только благодаря ей фрейдизм был «раскручен», приобрел научное признание и мировую популярность. Характерен в качестве экспликации воззрений Фрейда взятое им в качестве эпиграфа к «Толкованию снов» высказывание из Вергилия «Не имея возможности направиться в высшие сферы, я двинулся к Ахеронту». Ахеронт, сообразно с греческой мифологией, есть река, отделяющая мир живых от царства мертвых. Ее пересечение означало не что иное, как сошествие в ад. Почему же основатель психоанализа использовал в преамбуле к истолкованию снов столь неоднозначный образ? Река Ахеронт есть прямое указание на инфернальную ориентированность фрейдистской психоаналитической практики.¹⁰⁷

На путях к постмодернизму: секулярная деэтизация знаний

Эзотерическое знание предполагало наличие этического компонента. Критерием готовности к посвящению являлась степень морального состояния. Знания давали подлинную силу, поэтому человек, не обладающий должным уровнем нравственности, не допускался к эзотерике. В противном случае, когда происходило ошибочное посвящение, знания поступали на службу зла. Посредством таких ошибок формировались роды «черной аристократии», складывалась практика контринициаций.

Этика выступала не только как критерий инфильтрации адептов, но и практический результат познавательной деятельности. Такая традиция сохранялась до эпохи Просвещения, провозгласившей принцип деэтизации научных подходов. Наличие этического обрамления соответствующих теорий стало рассматриваться как признак ненаучности. Своеобразным «гробовщиком» этики для секулярной науки выступил Д. Юм. «Я, - с возмущением писал шотландский философ, - к своему удивлению, нахожу, что вместо обычной связки, употребляемой в предложениях, а именно «есть» или «не есть», не встречаю ни одного предложения, в котором не было бы в качестве связки «должно» и «не должно».¹⁰⁸ Подмена эта происходит незаметно, но «тем не менее, она в высшей степени важна». Следствием деэтизации науки являлось изъятие из нее не только предписывающих суждений, но и ценностных категорий. Ценности оказались закреплены исключительно за сферой художественного творчества. Между тем, при игнорировании ценностного уровня невозможна даже корректная постановка научных задач. «Нравственная экономика», «нравственная политика», «нравственное право», - все эти понятия, имманентно свойственные сакральной парадигме знаний, для секулярной науки ныне звучат как резонансный вызов.¹⁰⁹

Слова Мессии «Я есть истина» не допускали критериальной неоднозначности. Концепт «двух истин» выступал как антипод к традиционному христианскому принципу истины во Христе. Секулярная культура явилась во многом следствием данного расщепления. Но если допустимы две истины, то почему невозможна формулировка третьей? Развитие данной логики привело к постмодернистской релятивности. Исторический процесс может быть выражен сообразно с диверсификацией истинности следующим образом: традиционализм – одна истина, модернизм – две истины,

¹⁰⁷ Охотин Л. *Элевсинские топи фрейдизма* // *Элементы. Евразийское обозрение*. 1995. №6. С. 49-54.

¹⁰⁸ Юм Д. *Трактат о человеческой природе*. М., 1995. Кн. 2-3. С. 229.

¹⁰⁹ Трубина Е.Г. *Посттоталитарная культура: все дозволено* или «ничего не гарантировано»? // *Вопросы философии*. 1993. С. 23-27.

постмодернизм – множество истин. Данный гносеологический переход нашел отражение и на аксиологическом уровне. Религиозные добродетели утратили свой безусловный характер. «Эта новая вера, - реконструировал Дж. Бьюкенен парадигму произошедшей ценностной инверсии, - есть, вера исключительно нашего мира. Она отказывается признавать какую бы то ни было высшую мораль, какой бы то ни было высший моральный авторитет. Мир иной она с радостью оставляет христианству и прочим традиционным религиям – если только тем не вздумается выйти на площади или пойти в школы. Если вам угодно, можете верить в библейские сюжеты, в сотворение мира, в Адама и Еву, в змея–искусителя, первородный грех, изгнание из Эдема, в Моисея на горе Синай и в десять заповедей, выбитых в камне и обязательных к соблюдению для всех и каждого; да, можете верить, но никогда больше этому не будут учить как непреложной истине».¹¹⁰

Трансформация содержательных функций ученого происходила в направлении сужения познавательной сферы и связанной с ним релятивизацией знания. Уже в эллинском мире был проигран весь сценарный путь данной инволюции. «Держателями знаний» первоначально выступали эзотерики. Их ролевые функции закреплялись приверженностью традиции. Хранителей знаний сменили их толкователи. На место эзотерика пришел философ. На первый план выходит проблема субъективизма интерпретаций. Третий этап инволюционного сценария заключался в выходе на авансцену развития греческой мысли софистов. Софический релятивизм являлся прообразом философии постмодернизма. Софизм, оценивается многими исследователями, как детонатор, сыгравший решающую роль в разрушении древнегреческой цивилизации. Этическим преломлением софической мысли стал скептицизм. Если полисная система миростроительства базировалась на строго определенных добродетелях, соотносимых с императивом служения городу-государству (дидактика «Илиады»), то для софизма добро и зло становились относительными категориями, сводясь к субъективизму индивидуального выбора.

Сценарий релятивизации знаний был повторно реализован в Новое время. Определение философии применительно к средневековой традиции в качестве служанки богословия является нарицательным. В дальнейшем служанка стала сама выдавать себя за госпожу. Однако ее кругозор остался прежним. Переход от эзотерики к философии объективно сужал познавательные горизонты человека. Ньютоновская механистическая модель основывалась на такого рода сужении, выведении за скобки трансцендентных сфер. Впрочем, сам И. Ньютон разрабатывал, в отличие от своих последователей, не только проблемы физики, но и теологии. Ньютоновская механика имела подчиненное положение по отношению к ньютоновской теологии. Нельзя сбрасывать со счетов и принадлежность И. Ньютона к движению квакеров. Общность законов микро- и макрокосмоса, имманентного и трансцендентного уровней, обеспечивало цельность механистической картины мира.¹¹¹

¹¹⁰ Бьюкенен Дж. *Смерть Запада*. М., 2003. С. 214.

¹¹¹ Вольтер. *Философские сочинения*. М., 1988. С. 275-320; Вавилов С.И. *Исаак Ньютон*. М., 1961; *Исаак Ньютон. 1643-1727. Сб. к 300-летию со дня рождения*. М.-Л, 1943; Кудрявцев П.С. *Исаак Ньютон*. М., 1955.

Однако идея автономности человека приводила к распаду такого тождества. Эйнштейновская теория относительности окончательно разрушала целостность мироздания. Именно на ее методологической платформе формируется в дальнейшем феномен постмодернизма. Физическая относительность соотносилась с относительностью этического порядка. Если в мире все относительно, следовательно, такие категории, как добро и зло – тоже не имеют абсолютного характера.¹¹²

Исходным этапом в инволюции познания являлась религиозная эзотерика, как высший, наиболее близкий к духу откровения, уровень знаний. Вторая стадия исторического нисхождения основывалась на экзотерической религиозности, конфессионально соотносимой с протестантской декларацией всеобщего священства («каждый сам себе священник»). Третьей эпохой сменяемых моделей познания явилось выдвижение на авансцену секулярной классической науки, предстающей как расщепленное знание, в котором религиозно-трансцендентный уровень был выведен за скобки. Наконец, после прохождения переходных периодов неоклассики и постклассики, утвердился постмодернизм, с определяющей для него чертой индивидуализации знаний.

Соответственно с полученными выводами, представляется целесообразным выдвижение задачи восстановления цельного знания. Это, сообразно с логикой исторического цикла, может быть достигнуто при обратном стадийном восхождении. Вектор расщепления должен быть заменен на вектор синтеза. Первый этап предполагает идеологизацию науки, что достигается через их системную интеграцию. На втором – осуществляется ее теологизация. На третьем обретается утраченное прежде и восстановленное на новом уровне содержательного наполнения высшее целостное знание человечества.

Конечно, снятие жестких норм традиции привело на первых порах к раскрытию нереализованных человеческих потенциалов, взлету креативности. Однако лишение каркаса традиций вызвало к жизни энтропийные процессы. На эту угрозу обращал еще внимание «женевский папа» Жан Кальвин: «Плохо живется при князе, все запрещающем, но много хуже – при князе, все дозволяющем».¹¹³ Задача в этой связи видится в восстановлении традиций, но традиций не в виде первобытных табу, а аккумуляции потенциалов религиозного (преемственность) и секулярного (инновационность) типов общества.

¹¹² Панарин А.С. *Искушение глобализмом*. М., 2003. С. 195-258; *Постмодернизм и культура (материалы «круглого стола»)* // *Вопросы философии*. 1993. №3. С. 3-16.

¹¹³ Колсон Ч., Вон Э. *Конфликт царств*. М., 1996. С. 229.

ПОЧЕМУ МЫ ДО СИХ ПОР НЕ ПЕРЕШЛИ К ИННОВАЦИОННОЙ ЭКОНОМИКЕ? *

*Рубанов А.В.,
вице-президент Лиги содействия оборонным предприятиям,
действительный государственный советник 1-го класса РФ*

Почему мы, несмотря на постоянные заявления о необходимости перехода от сырьевой к инновационной экономике, до сих пор не сделали этого? Я бы в качестве главной причины назвал отсутствие политической воли и ясно выраженной субъектности в этом вопросе. Существуют некоторые вопросы, по которым высшему государственному руководству нужно принять принципиальные политические решения. Им не нужно советоваться с бюрократией по поводу целесообразности модернизации. Бюрократии нужно ставить четкие задачи модернизации. Причем ставить очень жестко.

На мой взгляд, существует неправильное представление о силах модернизации. Бытует мнение, что только «продвинутые менеджеры», подготовленные по программе МВА, осуществляют переход к инновационной экономике. На самом деле это не так. Менеджеру, как и любому бюрократу, инновация все равно, что кость поперек горла. Это исполнители с четкими правилами игры в условиях минимальных рисков в стандартных ситуациях. На это обращает внимание Й. Шумпетер в своей теории инновационной экономики. Поэтому только политическая инициатива власти и лидеров крупных корпораций с опорой на созидательно-творческие силы может дать необходимый толчок инновационному развитию.

Бюрократия не должна быть главным игроком в запуске инновационного механизма. В лучшем случае она может только поддерживать саморазвивающийся процесс. Сегодня же бюрократические структуры продолжают оставаться главными игроками на поле выбора направлений и ресурсного обеспечения инновационного процесса.

Что происходит на деле? Выбираются путем компиляции частных предложений направления государственной поддержки, распределяются деньги с учетом интересов ведомств и организуется формальный контроль их расходования по платежкам и актам сдачи-приемки НИОКР.

** Из дискуссии, прошедшей в рамках семинара «Инновационная экономика как управленческий проект: проблемы и решения» (организатор – Центр проблемного анализа и государственно-управленческого проектирования).*

Суть инновационной активности при таком подходе выхолащивается и вырождается в конкуренцию за получение и необременительное списание бюджетных средств по соответствующим статьям государственных расходов.

Так, основную роль в разработке и реализации программы создания технопарков играют сегодня девелоперские компании, а вовсе не те, для кого создается данная инфраструктура и под кого выделяются немалые бюджетные средства.

Чего ожидать от программы инновационным компаниям и производителям интеллектуального продукта после завершения строительных работ? Потенциальные заказчики не отрабатываются, каналы вывода инновационных продуктов на отечественные и зарубежные рынки не формируются, меры по формированию кластеров на определенных территориях не принимаются, инвесторы и бизнес-ангелы не подбираются. Все вращается пока вокруг строительных проблем с непонятной перспективой использования зданий и сооружений в интересах инновационной экономики. Так что бессубъектность и отсутствие целеустремленной политической воли с перепоручением решения проблемы бюрократии — это первая причина низкой активности и результативности в переходе к инновационной экономике. Риторика есть, слова правильные есть, но политической воли и политической организации, которые могли бы превратить эти идеи в реальность, пока не наблюдается.

Вторая причина: сама по себе инновационная экономика — это явление, которое нарушает стабильность и порождает определенные риски. Поэтому просто так, сама по себе, она не возникнет. В стране достаточно консервативных сил, которые не хотят перехода к инновационной экономике. Это связано с тем, что в Правительстве сегодня представлены прежде всего интересы сырьевого сектора, лоббистам которого нет нужды в инновационной экономике. Они живут со стрижки купонов от высокой конъюнктуры на сырьевые ресурсы, извлекают проценты из сложившихся стабильных оборотов в отличие от субъектов инновационной экономики, получающих доход от динамики нововведений и интеллектуальной конкуренции.

Какими способами будет решена эта проблема, я не знаю. Но без ее решения не видно, кто и как будет осуществлять переход страны к инновационной стратегии.

И третья причина — это заблуждения по поводу всеилия денег в формировании инновационной экономики.

Безусловно, без финансовых ресурсов инновационную экономику создать невозможно. Однако это лишь одно из необходимых, но явно недостаточное условие. Инновационную экономику делают творческие специалисты с помощью денег, роль и значение которых деньгами не измеряется и не заменяется. Важную роль играют и специальные институты инновационного развития. Поэтому, когда переход к инновационной экономике подменяется распределением ресурсов по бюрократически сформированным программам, то кроме появления новых коррупционных технологий мало чего можно ожидать.

Если вы спросите, кто, какой государственный институт может преодолеть сложившуюся ситуацию, то я отвечу: только Президент. У него достаточно власти и ресурсов для этого. Другого института и субъекта я пока не вижу. Правда, возникает вопрос, где ему найти точки опоры для применения мощных властных рычагов? Если он будет опираться на бюрократию, то ничего не получится. Если он будет опираться на политические партии, которые в своей идеологии имеют только лозунг: «Наша цель — поддержка Президента», — тоже ничего не получится. Поэтому Президенту необходимо, по моим представлениям, найти механизм, который позволил бы ему выйти на те социальные силы, которые, по сути, и делают инновационную экономику. Установить прочную политическую связь с людьми и организациями, которые готовы включиться в процесс своими знаниями, своими головами и своими руками. И делают свой выбор не по указке сверху, а по причине того, что связывают свою жизнь и свои частные интересы с общим национальным интересом перехода страны к инновационной стратегии развития.

Другого механизма я не вижу. Это сложная задача. Ее решение требует государственной инициативы, консолидации политических сил, соответствующей идеологии и информационно-пропагандистского обеспечения. Если же власть ограничит свою роль только увеличением финансирования научно-технической сферы, то никакой технологической модернизации не получится.

ЗПИФ «РОССИЯНЕ»

Айвазов А.А., преподаватель

Решение президента возглавить предвыборный список «Единой России» создает совершенно новую политическую ситуацию в стране. Из-за него декабрьские выборы станут не просто выборами депутатов в ГД, а всенародным референдумом политики президента. Если за эту политику проголосуют более двух третей избирателей, то станет ясно, что абсолютное большинство россиян поддерживает основные направления политики президента, и Россия вступает в новую фазу своего исторического развития. «Смутные времена» 1991-98 годов, когда слом советской социально-экономической системы осуществлялся самыми варварскими методами теми, кто люто ненавидел «эту страну» (вспомните, откровения Альфреда Коха в США, или тюремные признания Ходорковского: «Мы воспринимали Россию, как зону свободной охоты»), безвозвратно прошли. Итог их бурной «перестроечной» деятельности подвел дефолт 1998 года. После дефолта началось возрождение России и начал его Е.М.Примаков. Именно его приход в кресло премьер-министра после дефолта ознаменовал собой начало нового этапа в развитии страны.

Правление Путина в качестве президента завершает второй, стабилизационный период постсоветского развития России. Теперь, после оглашения его последнего послания, мы переходим к третьему этапу - активному развитию российской экономики и переходу ее с экстенсивного (топливно-сырьевого) на интенсивный (инновационный) путь развития.

Важнейшей задачей этого этапа является создание настоящего конкурентного рынка и выход на путь построения конкурентной экономики с высоким уровнем жизни для всех россиян, а не только для 5% наиболее богатых. Но этого нельзя будет сделать, используя либеральную модель экономики, которая господствует у нас с 1992 года. Основной смысл этой модели заключается в создании условий наибольшего благоприятствования для накопления капитала путем лишения прав собственности и перераспределения общественного продукта в пользу богатейших слоев населения, о чем убедительно свидетельствует все увеличивающийся разрыв между бедными и богатыми в нашей стране. Переход на инновационный путь развития можно осуществить, только используя кейнсианские подходы, основанные на всемерном развитии внутреннего спроса и сильном государственно-экономическом интервенционизме, чему уже сейчас положено начало (национальные приоритетные

проекты, создание госкорпораций для развития конкретных отраслей экономики, проекты развития инфраструктуры, Олимпиада в Сочи, развитие Дальнего Востока и т.д. и т.п.). Но, к сожалению, все это делается слишком осторожно, в условиях прогрессирующего «финансового тромбоза», который осуществляют Министерство финансов совместно с Банком России.

Для перехода с экстенсивной топливно-сырьевой модели развития экономики к интенсивной и инновационной я предлагаю на базе Стабилизационного фонда создать Закрытый паевой инвестиционный фонд (ЗПИФ) «Россияне», в котором все средства фонда будут распределяться на паи поровну между всеми гражданами РФ, начиная от новорожденных младенцев и заканчивая глубокими старцами. Закрытым этот паевой фонд должен быть потому, что своими паями граждане России наделяются при его организации, а в дальнейшем – только вновь родившиеся граждане. Но ни один держатель пая не имеет права продажи, дарения или передачи своего пая кому-либо еще. Таким образом, мы уходим от государственной формы собственности, ничейной по сути, дивиденды от которой получает не все общество, а отдельные чиновники, управляющие государственной собственностью от имени этого общества. Средства ЗПИФа будут использоваться, как коллективная форма собственности, а присвоение доходов от этого использования будет осуществляться в частной форме. Поэтому фонд станет подлинной школой рыночной экономики для всех россиян.

Индустрию коллективных инвестиций открыла миру Америка. В настоящее время в США паевые инвестиционные фонды являются не только самым популярным инструментом частных инвестиций, но и важнейшим звеном во всей финансовой системе. Достигнуто это, благодаря постоянной и всесторонней поддержке со стороны государства. Благодаря большому разнообразию ПИФы покрывают практически весь спектр финансовых инструментов, причем как внутренних, так и внешних. Основная ниша рынка коллективных инвестиций принадлежит фондам акций и облигаций. Стремительный подъем фондового рынка, начавшийся в середине 1990-х годов, привел к тому, что уже к 2000 году они выросли до \$3 трлн. Отдельные фонды оперируют десятками миллиардов долларов. Так, активы знаменитого Fidelity Magellan временами достигали \$60 млрд.

ЗПИФ «Россияне» может стать самым большим ПИФом в мире, который, кроме базовых средств Стабилизационного фонда, должен будет постоянно пополняться доходами от сырьевой ренты, получаемой от продаж российского сырья. Кроме того, в него необходимо будет передать все государственные предприятия и госкорпорации, а так же государственные пакеты акций крупных монополий, таких, как РАО ЕЭС, «Газпром», «Роснефть», «Транснефть», «Сбербанк» и т.д. Тогда не чиновники будут распоряжаться государственной собственностью, не отвечая при этом за результаты хозяйственной деятельности, а конкретные управляющие компании и наемные менеджеры будут организовывать работу этих корпораций, получая небольшой

процент от доходов, руководимых ими фирм. В США ПИФы по закону должны выплачивать не менее 98% прибыли и дивидендов своим пайщикам и только 2% идет на оплату услуг менеджерам самих ПИФов.

Передача госсобственности в распоряжение ЗПИФа «Россияне» будет означать вовлечение объектов государственной собственности в рыночные механизмы хозяйствования, что неизбежно приведет к общему повышению эффективности российской экономики. ЗПИФ, делая точечные инвестиции по основным приоритетным направлениям развития российской экономики, сможет осуществить полную ее модернизацию и превращение в современную и конкурентоспособную на мировом рынке. При этом фонд не будет осуществлять прямое финансирование и строительство новых предприятий и других объектов. Он должен создавать благоприятные условия, осуществлять поддержку и совместное инвестирование проектов развития российской экономики. Инвестиции фонда могут охватывать от 10% до 51% капитала проектов развития, а остальные вложения должны привлекаться как из российских, так и из иностранных частных источников. Тогда на каждый рубль инвестиций фонда будут вкладываться 5-6 рублей частных российских и иностранных инвестиций. Задача Фонда показать привлекательность этих проектов и гарантировать их надежность для частных инвесторов.

Возглавить ЗПИФ «Россияне» может только один человек в стране – Владимир Владимирович Путин. Это работа достойная нашего нынешнего президента, т.к. только ему абсолютное большинство граждан России могут доверить управлять своими паями. Да и сам Путин сможет на этом посту реализовать свою давнюю мечту: «Я бы хотел, чтобы граждане меня воспринимали как человека, которого наняли на работу. Наняли на работу для исполнения определенных функциональных, профессиональных обязанностей на определенный срок, воспринимали бы как человека, с которым заключили трудовой договор». Россияне готовы заключить с В.В.Путиным трудовой договор на исполнение обязанностей национального лидера, которому они доверяют свои доли общественного богатства. У Путина, сейчас, такой авторитет в мире, что одно его имя притянет, как магнит, в Россию сотни миллиардов долларов инвестиций с разных концов планеты. Поэтому задача Путина и его команды эффективно распорядиться нашим доверием и теми огромными финансовыми ресурсами, которыми неизбежно будет обладать фонд, чтобы за ближайшие 10-15 лет поднять экономику России до уровня третьей экономики в мире и обеспечить всем россиянам (а не только 5% богатых) к 2020 году европейский уровень жизни.

«Европейский уровень жизни для всех россиян» - вполне реальная цель, и к тому же качественная и количественная характеристика того уровня жизни, который Россия может и должна достичь к 2020 году. Качественная - потому, что в постиндустриальном обществе ориентиры материального богатства ушли на второй план, а на первый план выходят такие проблемы, как сохранение здоровья, личная безопасность, качество

окружающей среды, доступ к культурным ценностям, возможность собственного интеллектуального и творческого роста. К сожалению, у большинства россиян пока преобладают заботы о «хлебе насущном». Количественная - потому, что для достижения всего этого нужно, чтобы в год производство ВВП на душу населения составляло не менее 25-30 тыс. долларов. Для достижения такого уровня жизни необходимо решить двудеиную задачу:

- увеличить ВВП России к 2020 году примерно в 3-4 раза.
- снизить уровень дифференциации доходов, с шокирующего - в более чем 15 раз, до социально приемлемого - в 6-7 раз.

Создание ЗПИФа «Россияне» как раз и призвано обеспечить решение этой двудеиную задачи. Первую задачу можно решить, если российская экономика будет развиваться такими же темпами, как китайская, т.е. по 10-12% в год. Решение второй задачи также вполне реально, если перейти от неолиберальной модели экономического развития, которая постоянно воспроизводит и углубляет пропасть между бедными и богатыми, к кейнсианским принципам и методам экономического развития. Именно кейнсианская модель экономического развития обеспечила в 1960-70-ые годы во всех развитых странах мира создание «общества всеобщего благосостояния», когда две трети общества стал составлять средний класс.

Но России нужно найти свой собственный, органичный и только ей присущий путь экономического развития. Россия не обладает неисчерпаемыми трудовыми ресурсами, как Китай, Индия или страны Юго-Восточной Азии. Она не обладает технологиями высокого уровня, как страны Запада. Поэтому мы не можем идти тем же путем, которым шли страны Запада или идут в настоящее время азиатские страны. У нас должен быть свой путь развития, исходящий из наших возможностей и тех уникальных преимуществ, которые есть только в России:

во-первых - это особые свойства доминирующей общественной психологии, позволяющей России в массовом порядке рождать самое дефицитное «человеческое сырье» - пассионариев, творцов и революционеров, способных к креативным решениям и систематическому генерированию новых идей;

во-вторых – это природные ресурсы: полезные ископаемые, в огромных количествах хранящиеся в наших недрах, наши лучшие в мире российские черноземы, легкие планеты – наши леса, реки и озера с такой дефицитной пресной водой и многое-многое другое;

в-третьих - это обширная и очень выгодно расположенная территория, позволяющая обеспечить создание так необходимой для мировой торговли трансевразийской железнодорожной магистрали, а также телекоммуникационного коридора, который соединит азиатские информационные потоки с европейскими, замкнув, таким образом, мировое телекоммуникационное кольцо.

Сейчас мы просто безобразно используем свои уникальные преимущества. По оценкам комиссии по образованию Совета Европы Россия ежегодно «безвозмездно» дарит развитым странам своих «креативных генераторов идей» на сумму в 50-60 млрд долларов. Только в США выходцами из России создается более 25% американской наукоемкой продукции, а американская Силиконовая долина говорит в основном на русском языке, т.к. там трудится более 200 тысяч ученых, инженеров и программистов, бывших россиян. Сейчас планируется резко увеличить финансирование российской науки, доведя его до 14-15 млрд долларов в год. Но в Китае уже в 2006 году было израсходовано на НИР в 10 раз больше (136 млрд долларов, причем треть из них государственное финансирование). К 2020 году Китай планирует ежегодно тратить на НИР по 370 млрд долларов, поэтому 150 тысяч китайских студентов ежегодно обучаются в США за государственный счет. А США уже сейчас расходуют на НИР 330 млрд долларов в год.

Наше отставание от США и Китая грозит стать бесконечным даже при наличии огромного числа талантливой молодежи, способной генерировать новые идеи, если мы не начнем вкладывать в науку и образование сопоставимые с нашими партнерами-соперниками средства. Необходимо создавать при крупнейших университетах и институтах РАН инновационные кластеры, научно-исследовательские и научно-технические парки и бизнес-инкубаторы, организовывать венчурные компании, посылать лучших студентов на учебу и стажировку в крупнейшие вузы мира за государственный счет, давая им соответствующие гранды и персональные стипендии. А для всего для этого нужны огромные инвестиции, организовать которые и сможет ЗПИФ «Россияне». Только при таком условии Россия сможет выйти к 2020 году на ведущие позиции в мире по развитию НИР.

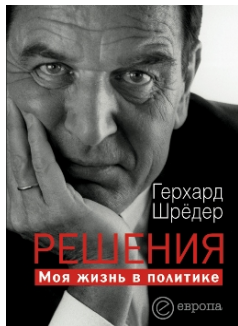
Второе наше уникальное преимущество мы используем настолько варварски и неэффективно, что просто диву даешься. Мы, просто, сжигаем огромное количество попутного газа, ухудшая при этом экологию планеты. Мы варварски вырубаем свои леса – «легкие планеты», продавая кругляк, фактически без всякой обработки. Мы слабо используем наши нефтяные запасы, оставляя большую часть нефти в земле, и транспортируем сырую нефть, практически ее не перерабатывая. Мы получаем урожай в 2-3 раза ниже, чем в развитых странах, на эталонных для всего мира воронежских черноземах. Мы загрязняем свои реки и озера. Но все эти проблемы решаемы, нужны только соответствующие инвестиции. ЗПИФ «Россияне», как раз и призван организовать и целенаправить эти инвестиции в российскую экономику, постепенно, но неуклонно преобразуя нашу жизнь.

Третье наше преимущество абсолютно уникально. Мы единственная страна мира, которая, в силу своего географического положения и международного авторитета, может соединить богатый Север с бедным Югом, а мудрый Восток с прагматичным Западом. Один мудрый зарубежный исследователь очень точно

заметил, что евразийское пространство России – это HEARTLAND – сердце мира. И то, как «бьется это сердце», зависит состояние мира на планете. Будет это сердце биться в унисон с остальными странами и народами – будет мир и благоденствие на планете Земля. Будет это сердце биться аритмично – будут в мире войны, противостояния, борьба всех против всех. Лучшей иллюстрацией третьего нашего уникального преимущества является фильм молодого режиссера Ивана Сидельникова «Русская карта. Фильм третий». Его стоит посмотреть каждому россиянину хотя бы для того, чтобы понять роль и значение России для всего остального мира.

Россия должна восстать из пепла и предложить миру новую парадигму развития, но для этого она должна стать экономически мощной современной державой. И только В.В.Путин вместе со своей командой может возложить на свои плечи груз ответственности по полной модернизации российской экономики, переходу ее на рельсы конкурентной рыночной экономики и формированию «общества всеобщего благосостояния». Именно он должен продолжить то, что было начато им 8 лет тому назад, но уже в другой ипостаси. Не в качестве президента России, а в качестве национального лидера России, которому россияне доверяют распоряжаться своим долями общественного богатства, чтобы возродить мощь России, а самих россиян сделать обеспеченными людьми, уверенно смотрящими в завтрашний день.

Новые книги

Г. Шредер. Решения. Моя жизнь в политике, М., Издательство «Европа», 2007.

Это не развернутая автобиография – Шредер очень скуп в деталях, относящихся к своему возмужанию, ограничиваясь самым необходимым, хотя автобиографические заметки парня из бедной рабочей семьи в провинциальном городке, делавшего себя упорным трудом и доросшего до вершины политической карьеры, можно было бы читать как неореалистический роман. Шредер – и прагматик, и идеалист. Тем он и интересен. Прагматик и умелый игрок в сложной партийной борьбе, начиная с первых своих шагов, Шредер остается верным наследником своих выдающихся предшественников – Вилли Брандта и Гельмута Шмидта. В книге сплавлен пересказ ключевых событий недавней истории, описанной как история Германии в глобальном контексте, с краткими рассуждениями о настоящем и будущем Европы.

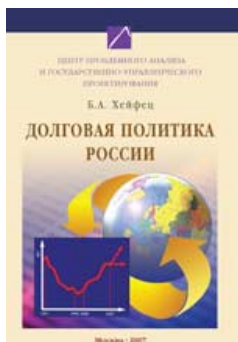
Иванян Э. А. У истоков советско-американских отношений, М., Издательство «Международные отношения» - 2007.

В монографии освещается малоисследованный период российско-американских и советско-американских отношений. Он охватывает семилетний отрезок времени - с Февральской и Октябрьской революций 1917 года до смерти В.И.Ленина в январе 1924 года, когда началась новая эпоха в истории советского государства и в его отношениях с остальным миром, включая США. В ходе работы над книгой автор использовал большое количество документов и источников, ранее не фигурировавших в трудах по этому периоду.

Лунеев В.В. Эпоха глобализации и преступность, М., Юридическое издательство «Норма».

Развитие глобализации мира закономерно, но она не является стихией, а направляется и управляется в основе своей США и другими индустриально развитыми странами, которые получают от нее наибольшие выгоды. Глобализация имеет позитивные и негативные, криминогенные и антикриминогенные свойства, причем криминогенность ее доминирует. Россия, встраиваясь в глобализационные процессы, должна заблаговременно готовиться к противодействию негативным и криминогенным факторам глобализации. Этим проблемам и посвящена монография доктора юридических наук, профессора и лауреата Государственной премии РФ В. В. Лунеева.

Хейфец Б.А. Долговая политика России: актуальные проблемы М., Научный эксперт, ЗАО «Издательство «Экономика», 2007.

После грубых провалов 90-х годов Россия добилась существенных успехов в управлении государственным долгом. Качественно снизилась внешнедолговая зависимость, стала вырисовываться определенная, рассчитанная на среднесрочную перспективу концепция долговой политики. Вместе с тем предстоит решить еще немало проблем в этой области. Острейшими из них являются сохранение комфортного уровня внутреннего долга, снижение макроэкономических рисков неконтролируемого роста корпоративной внешней задолженности, повышение качества управления государственным долгом. В работе проанализированы ошибки, подведены существенные итоги проделанной в данной области работы и выделены актуальные проблемы, требующие безотлагательного решения, а также показаны различные подходы и возможные варианты действий.

